Далѣе, на тротуарѣ сѣверной дороги, другая дѣвушка, одѣтая также странно, кажется задалась цѣлью, при помощи соблазнительной игры вѣера, указывать дорогу въ сосѣднюю гостинницу запоздалымъ путникамъ, не успѣвшимъ еще выбрать себѣ на ночь крова. Городъ и предмѣстія даютъ ежедневно среднимъ числомъ. пріютъ двухъ-стамъ тысячамъ такихъ лицъ. Они принадлежатъ къ самымъ разнообразнымъ сословіямъ, но ни одинъ изъ нихъ не ускользнетъ отъ бдительнаго глаза трактирщицъ.

Стоящія у входовъ въ театръ принадлежатъ къ заведеніямъ самой низшей категоріи, а потому въ костюмѣ ихъ не встрѣчается ни шелка, ни бархата. Все, что онѣ могутъ себѣ позволить, — это сдѣлать пышнѣе поясъ и рукава киримона, прикрасить двумя-тремя булавками изъ поддѣльной черепахи величавую прическу, да придать граціозность своей походкѣ, при помощи какою нибудь фантастическаго фонарика, разрисованнаго самыми яркими красками.

Съ этой третьей категоріей ночныхъ красавицъ исчезаютъ на улицахъ всякіе проблески женскаго изящества.

Все остальное сторонится болѣе и болѣе отъ свѣта. Здѣсь, подъ широкою кровлею чайнаго дома, служанки стоятъ на сторонѣ у угла галереи и хлопаютъ въ ладоши, чтобъ обратить вниманіе прохожихъ на свое жилище.

Другія служанки, низшаго разряда, полу-невольницы барышницъ и содержательницъ грязныхъ кабаковъ, бродятъ, по двое, во мракѣ вонючихъ переулковъ.

Но гдѣ же послѣдняя ступень жалкой нищеты? Слѣдуетъ ли видѣть ее въ типѣ бѣдной дѣвушки, которая, ради выгодъ своей хозяйки, гуляетъ одна подлѣ мостовъ. дрожа отъ холода въ единственномъ бумажномъ халатикѣ, едва прикрывающимъ ея наготу? или надобно ее искать на самомъ днѣ синъ-іозиварской пропасти? Объ этомъ могла бы сообщить іеддская полиція съ самою омерзительною точностью, потому что она беретъ свою гнусную подать и распространяетъ кодексъ женскаго рабства не только на ту часть города, гдѣ не знаютъ другихъ законовъ, но на всѣ гостинницы, на всѣхъ содержательницъ отдѣльныхъ номеровъ, конкуренція которыхъ терпима привиллегированнымъ учрежденіемъ.

А такъ-какъ не дозволено ни одной изъ несчастныхъ уличныхъ бродягъ ни обойтись, ни освободиться отъ такого патроната, то ни одна изъ нихъ не ускользаетъ отъ надзора власти. Роль послѣдней ограничивается чисто полицейскимъ и фискальнымъ кругомъ дѣйствій. Она ничего не дѣлаетъ въ интересахъ общественнаго здравія; попытки европейцевъ, въ открытыхъ для нихъ портахъ, разбились о непреодолимое отвращеніе со стороны туземцевъ. Зло распространяется, годъ отъ году, во всѣхъ слояхъ общества и пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе характеръ народнаго бича, страшной общественной язвы.

ГЛАВА XLVIII.

АСАКСА-ТЕРА.

Молельня Канонъ-Самы. — Храмовой священникъ. — Священникъ лошади. — Пляска сабель.

Болѣе ста молелень, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ болѣе или менѣе значительнаго количества зданій въ родѣ монастырей, храмовъ, пагодъ, часовень, чайныхъ домовъ и лавокъ, образуютъ южное основаніе кварталовъ Асакса-Имато. Болѣе другихъ блестящею является молельня Каннонъ Самы,—буддистскаго божества, которому приписываютъ какую-то магическую силу посредничества между небомъ и землею. Слава этой молельни совершенно затмѣваетъ всѣ другія соѣднія священныя мѣста.

На сѣверной окраинѣ площади, на которой находится постоянный рынокъ растеній и цвѣтовъ, возвышается огромный порталъ, украшенный колосальными фонарями. Два небесные стража,—огром-

ные деревянные болвана, выкрашенные красною краскою, стоя справа и слѣва у главнаго входа, защищаютъ его, обязуя каждаго странника поднести имъ испоконъ-вѣка заведенную дань, состоящую изъ пары огромныхъ соломенныхъ сандалій. На глазахъ этихъ идоловъ ежегодно, наканунѣ новаго года, производится даровая раздача низшему классу бумажныхъ амулетокъ. Въ этотъ день бонзы по большей части посѣщаютъ свою добродушную паству и, выпросивъ себѣ что нибудь въ подарокъ, разносятъ добровольнымъ дателямъ на домъ обрывки кропила, приклеиваемыя гражданами на притолкахъ дверей, съ цѣлью оградить домъ отъ злыхъ духовъ. Что же касается *кули* и пролетаріевъ, то они толпами отправляются къ асакскому порталу, чтобы воспользоваться своею частью той же милости, ибо тутъ дѣйствительно они могутъ получить ее безъ всякихъ расходовъ, хотя и не безъ труда. Двое бонзъ, съ опасностью жизни вскарабкавшіеся на доски, висящія на крючкахъ на половинѣ высоты колоннъ портала, занимаются раздачей множества священныхъ бумажекъ. Время отъ времени они берутъ ихъ по горсти и кидаютъ на воздухъ, а коскенсы, стоящіе по сторонамъ и вооруженные большими пальмовыми вѣерами, далеко отмахиваютъ эти драгоцѣнныя амулетки, которыя падаютъ на народъ наподобіе снѣжныхъ хлопьевъ. Лови, кому угодно! Вскорѣ вся площадь представляетъ картину невыразимаго смятенія людей, которые толкаютъ, тормошатъ, преслѣдуютъ другъ друга, причемъ одни протягиваютъ руки, чтобы на лету поймать бумажки, другіе нагибаются и даже катаются по землѣ, желая собрать ихъ внизу.

Позади портала открывается длинная, широкая, мощеная улица, носящая названіе Кинджусанъ-Асакса-Тера. Она перерѣзывается поперечными переулками и вся, отъ одного конца до другаго, занята разносчиками, изъ которыхъ нѣкоторые спеціально торгуютъ образами и священными вещами въ родѣ четокъ, свѣчей, статуэтокъ, кадилъ и домовыхъ алтарей.

На восточномъ концѣ улицы, надъ небольшимъ озеромъ, покрытымъ лотусами и кувшинками, возвышается холмъ, на которомъ выстроенъ храмъ. Среди листьевъ и цвѣтовъ великолѣпныхъ водяныхъ растеній протянулись длинныя деревянныя галереи чайныхъ домовъ. По другую сторону большой дороги, подъ тѣнью группы кедровъ, укрылась скромная молельня. Наконецъ, вотъ и паперть втораго портала. Это большое, четыреугольное мѣсто, почти сплошь занятое мелочными лавками и балаганами фокусниковъ. По правую сторону, съ высоты гранитной террасы, двѣ большія бронзовыя статуи, изображенныя въ сидячемъ положеніи, съ любимымъ буддистами ореоломъ вокругъ головы, глядятъ на шумную толпу. Около нихъ два огромныхъ небесныхъ стража охраняютъ второй порталъ подобно тому, какъ двое ихъ товарищей оберегаютъ входъ въ первый.

Съ галерей, окружающихъ верхній этажъ зданія, можно окинуть взоромъ, обратившись къ югу, паперть и всю большую улицу, а къ сѣверу—первую ограду главнаго храма. Послѣдній окруженъ множествомъ принадлежащихъ къ нему построекъ. Такъ называемая Асакса-Тера представляетъ группу изъ сорока или пятидесяти священныхъ зданій. Вокругъ святилища Каннонъ-Самы, этого главнаго, божества,—толпятся часовни: властителя людей *Санноо*, бога богатствъ—*Дайкоку*, богини гармоніи—*Бентенъ*, покровителя воиновъ—*Хатчимана*; словомъ, тутъ сосредоточивается вся національная миѳологія, не исключая ученія поклонниковъ Лисицы. Пятиэтажная пагода служитъ символическимъ изображеніемъ превосходства буддизма надъ другими религіями. Что же касается центральнаго зданія, то оно — огромное четыреугольное строеніе, срубъ котораго, выкрашенный красною краскою, покрытъ колосальною крышей изъ сѣрой черепицы. Одинъ только фундаментъ у него каменный. Фундаментъ поддерживаетъ просторную галлерею, возвышающуюся на нѣсколько метровъ надъ землею. Внутри храма, потолокъ покоится на рядахъ красныхъ многогранныхъ колоннъ а стоящія въ средней части церкви перегородки украшены картинами, писанными по золоченому фону. Со всѣхъ сторонъ,— на плитахъ, колоннахъ и боковыхъ часовняхъ виднѣются вставленные въ рамы образа статуэтки, различныя жертвоприношенія, черныя лакированныя доски съ золотыми надписями. Въ одной изъ боковыхъ часовень хранится галлерея портретовъ наиболѣе знаменитыхъ красавицъ Іеддо, вмѣстѣ съ другими картинами, относящимися къ тому же предмету. Темный, закоптѣлый отъ ладону клиросъ не представляетъ, сколько мнѣ кажется, никакой замѣчательной особенности, исключая развѣ только главнаго престола, идолъ котораго—Каннонъ-Сама является зрителямъ изъ за желѣзной рѣшетки сидящимъ на лотусѣ и украшеннымъ ореоломъ. Видъ этого идола производитъ непосредственно таинственное впечатлѣніе на посѣтителей храма. Толпы народа то и дѣло входятъ, выходятъ и съ шумомъ движутся въ среднемъ отдѣлѣ церкви; послѣдній не очень просторенъ и отдѣляется высокою, рѣзною деревянною перегородкою, напоминающею собою готическій амвонъ, отъ святилища, гдѣ бонзы, облачившись въ тяжелое священническое одѣяніе, совершаютъ богослуженіе

подъ акомпаниментъ гонговъ и небольшихъ барабановъ. Нѣкоторые изъ правовѣрныхъ бросаютъ черезъ рѣшетку желѣзныя монеты, завернутыя въ бѣлыя бумажки; другіе покупаютъ подаваемыя имъ дьячкомъ свѣчи. Въ часы, когда нѣтъ богослуженія, посѣтители опускаютъ свои приношенія въ ящикъ, вдѣланный въ рѣшетку и имѣющій сообщеніе съ подвалами храма.

Торжественное появленіе великаго священника на клиросѣ на нѣсколько минутъ вноситъ разнообразіе въ монотонную службу. Эта величественная особа одѣта въ бѣлое платье, на которое накинута красная съ остроконечнымъ капюшономъ мантія и нѣчто въ родѣ эпитрахили изъ клѣтчатой зеленой шелковой матеріи. За священникомъ слѣдуетъ юный послушникъ, исполняющій при немъ обязанности служителя и, съ перваго взгляда, похожій на молодую дѣвушку: цвѣтъ лица и одежда его показываютъ въ немъ сильно изнѣженные нравы. Изящная и замысловатая прическа его весьма подходитъ къ его странному костюму, состоящему изъ бѣлыхъ панталонъ, бѣлаго пояса съ широкими узлами и небольшой зеленой шелковой курточки съ длинными, висячими рукавами, подбитыми бѣлою парчею. Въ такомъ видѣ онъ, шагъ за шагомъ, слѣдуетъ за священникомъ, подавая ему, по первому его знаку, чашку чая, налитаго въ переносную грѣлку, рукоятку которой онъ держитъ обѣими руками.

Глядя на теперешнихъ служителей религіи Будды, нельзя не вспомнить съ грустью о набожномъ реформаторѣ, учениками котораго они осмѣливаются называть себя.

Пять буддистскихъ заповѣдей излагаются такъ:

1-я Не убей;

2-я Не укради;

3-я Не прелюбодѣйствуй;

4-я Не говори ложь;

5-я Воздержись отъ всякаго охмѣляющаго напитка.

Что сталось съ аскетической чистотой «Добраго Закона» въ рукахъ людей по большей части достигшихъ крайняго предѣла униженія? Какая насмѣшка судьбы постигла правила великаго Сакійя-Муни, среди храма, гдѣ исскуство прославляетъ порчу нравовъ; гдѣ курятъ ладонъ передъ идоломъ, снисходительнымъ ко всѣмъ преступленіямъ; гдѣ всѣ помыслы монаховъ устремлены на вымоганіе денегъ изъ пороковъ и кровожадной ненависти дворянства, на эксплуатированіе народной довѣрчивости и расточительности.

Асакская молельня отличается роскошью и разнообразіемъ костюмовъ, служащихъ въ ней священниковъ и многочисленныхъ прислужниковъ, а также театральною пышностью церемоній. Наиболѣе величественною является ежегодная церемонія общаго очищенія, слѣдующая за праздниками очищенія храма и принадлежащихъ къ нему строеній.

Высшіе сановники церкви брѣютъ головы и во всѣхъ мелочахъ слѣдуютъ правиламъ буддистскаго священнослуженія; власть ихъ простирается на многія братства, придерживающіяся древняго національнаго культа и которыя носятъ и одежду и прическу, согласныя съ обязательными для нихъ предписаніями даири. Не менѣе разнообразія замѣтно въ костюмахъ и ливреяхъ начальниковъ церемоній, герольдовъ, поваровъ, конюховъ, носильщиковъ и лакеевъ, состоящихъ въ зависимости отъ различныхъ сектъ церковнаго округа.

На обязанности состоящихъ при Каннонъ-Самѣ конюховъ лежитъ присмотръ за двумя лошадьми альбиносами. Эти священныя животныя питаются освященнымъ горохомъ и пользуются тѣмъ преимуществомъ, что спятъ стоя, будучи поддерживаемы особаго рода койками, укрѣпленными на толстыхъ ремняхъ.

Молельня даетъ также спектакли, на которыхъ состоящіе въ ея распоряженіи артисты являются передъ народомъ въ роляхъ танцоровъ и комедіянтовъ. Театръ состоитъ изъ эстрады, воздвигнутой за вторымъ порталомъ и обтянутой матеріею, украшенною гербами.

Тутъ-то, между прочимъ, въ пятнадцатый день шестаго мѣсяца, можно видѣть пьесу, не лишенную оригинальности, — именно пляску сабель, большую военную пантомиму, исполняемую исключительно духовними лицами. Но торжествомъ Асакса-Теры служитъ ярмарочный праздникъ въ концѣ года. Хотя при молельнѣ есть постоянная ярмарочная площадь, и въ предѣлахъ ея ежедневно можно встрѣтить толпу гуляющихъ, любопытныхъ зрителей и странниковъ обоего пола, однако священное мѣстопребываніе Каннонъ-Самы является въ полномъ своемъ блескѣ только отъ восемнадцатаго до послѣдняго дня двѣнадцатаго мѣсяца. Въ эти дни оно становится центромъ движенія уже не нѣсколькихъ тысячъ или сотенъ тысячъ, но, можетъ быть, трехъ или четырехъ милліоновъ жителей

города, предмѣстій и провинцій. Все пространство между площадью и оградою большаго храма наполнено огромною толпой, густая масса которой раздѣляется на два равномѣрные потока, движущіеся въ противуположномъ одинъ другому направленіи, подъ искуснымъ и молчаливымъ надзоромъ полиціи. Такой полный порядокъ среди подобной тѣсноты возможенъ развѣ только въ Іеддо, гдѣ не только не существуетъ экипажей, запряженныхъ лошадьми, но гдѣ одного приказанія полиціи достаточно для того, чтобы на двѣ недѣли прекратить употребленіе верховыхъ лошадей и паланкиновъ въ предѣлахъ огромнаго пространства. Поэтому нигдѣ не замѣчается давки. Пространство, отведенное для каждаго отдѣльнаго торговца, ограничено соломенными барьерами. Повсюду, въ извѣстныхъ пунктахъ, устроены мѣста для остановокъ и отдыха и искусно соображенные проходы, черезъ которые можно попасть въ любой изъ двухъ движущихся взадъ и впередъ рядовъ народа. Наконецъ, здѣсь не назначено опредѣленнаго часа для закрытія гулянья. Народъ прибываетъ незамѣтнымъ образомъ въ теченіе цѣлаго дня, и послѣ заката солнца толпа достигаетъ высшей степени густоты, а вслѣдъ за тѣмъ начинаетъ быстро убывать, начиная съ полночи и до первыхъ утреннихъ часовъ.

ГЛАВА XLIX.

АСАКСКАЯ ЯРМАРКА.

Характеръ ярмарки. Ямабосы. — Лавки книгъ и народныхъ картинъ. — Наглядное обученіе. — Литература бонзъ. — Уличныя представленія.

Большая годовая ярмарка Асакса-тера служитъ чѣмъ-то въ родѣ всеобщей выставки японскаго населенія, его вкусовъ, промышленности, нравовъ и развлеченій.

Если бы начать подробное описаніе сцены, какую представляетъ по этому случаю, въ теченіи пятнадцати послѣднихъ дней года, обширная бонзерія Каннонъ-Самы, то это все равно, что пройдти изъ конца въ конецъ всю лѣстницу японской общественной жизни, за исключеніемъ аристократическихъ круговъ сельскаго феодализма и двора микадо. Удовольствуемся же лучше простою прогулкою по ярмарочной площади и тѣми наблюденіями, какія можетъ она доставить, если пройдти ея вслѣдъ за толпою, въ надеждѣ схватить на лету множество любопытнаго.

Асакская ярмарка представляетъ собою чуть не цѣлый міръ; другими словами, она служитъ микроскопомъ всей Японіи. Не станемъ анализировать представляемую ею картину, и ограничимся, какъ уже сказали, обозрѣніемъ толпы.

Тутъ исчезаютъ всѣ соціальныя различія и перемѣшиваются между собою всѣ слои общества. Среди простонародія расхаживаютъ аристократы и офицеры. Одни только нищіе, обратившіе прошеніе милостыни въ ремесло, держатся въ сторонѣ, занимая отведенное имъ полиціею мѣсто. Бороды и волосы на головѣ у нихъ обыкновенно встрепаны; несчастные покрыты язвами, искалѣчены и имѣютъ самый жалкій видъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ, вмѣсто одежды, висятъ лохмотья старыхъ цыновокъ, служившихъ для обертки тюковъ. Всѣ эти несчастные вызываютъ въ прохожихъ скорѣе отвращеніе чѣмъ состраданіе, и съ большимъ трудомъ добиваются отъ нихъ какой нибудь подачки. Сосѣди ихъ отличающіеся стриженною головою, показываютъ, напротивъ, что нужно дѣлать, чтобы получать большіе доходы на счетъ общественной благотворительности. Одинъ изъ нихъ, пріятной и свѣжей наружности, стройный и хорошо одѣтый мужчина, проводитъ жизнь въ показываніи священной иконы слывущей за чудотворную. Нѣкоторыя духовныя лица составляютъ переходъ отъ нищихъ къ ярмарочнымъ шарлатанамъ. Это — *Ямабосы*, или горные бонзы, которые, переходя изъ города въ городъ, показываютъ переносныя часовни, продаютъ четки, талисманы и лекарственные рецепты. Они обыкновенно отличаются внушительнымъ ростомъ, какъ и подобаетъ священникамъ, занимающимся магіею. Они носятъ бѣлую тунику, горную палку съ мѣднымъ набалдашникомъ и длинную, выгнутую саблю. Установивъ свою часовню, они, ударами палки по морской раковинѣ, возвѣщаютъ о началѣ

своихъ благочестивыхъ представленій. Большая часть ихъ — люди женатые; сыновья охраняютъ домъ въ отсутствіи отцовъ и служатъ проводниками путникамъ, проходящимъ черезъ горы. Дочеря занимаются собираніемъ милостыни.

Изъ всѣхъ родовъ промышленности, кипящей на мостовой Іеддо, наиболѣе распространенъ промыселъ торговли закусками подъ открытымъ небомъ. Подобные буфеты служатъ обычнымъ мѣстомъ обѣдовъ для цѣлой массы ремесленниковъ и рабочихъ, которые, по разнымъ причинамъ, не могутъ обѣдать въ опредѣленные часы. Отсюда же постоянно пополняются обѣды множества горожанъ, на кухнѣ которыхъ ежедневно готовится только рисъ да чай. Случится ли, что къ хозяйкѣ дома пріѣдутъ гости, или она пожелаетъ устроить званый обѣдъ, — странствующій содержатель ресторана во всякое время доставитъ ей все необходимое: жареную рыбу, куски приготовленной дичи, бобы, пирожковъ изъ падди и, въ особенности, изысканные шарики жаренаго риса, которые здѣсь ѣдятъ, обмокнувъ ихъ предварительно въ сою. Асакская ярмарка изобилуетъ лавками жареныхъ и всевозможныхъ съѣстныхъ припасовъ. Тутъ продаются маленькіе боченки съ ручками для болѣе удобнаго ношенія припасовъ, соленыя и сушеныя овощи, маринованная рыба, имбирь, разныя приправы и саки перваго и втораго сортовъ. Въ посудныхъ лавкахъ продаются гончарныя издѣлія цѣлой Японіи. Рядомъ съ издѣліями изъ фарфоровой глины съ острововъ Кіусіу и Ниппона, особаго вниманія заслуживаютъ глиняныя издѣлія, приготовляемыя въ округѣ Сатсума, отличающіяся болѣе полезностью, нежели художественнымъ достоинствомъ. Изъ этой нѣжной, пористой глины приготовляются лучшіе японскіе чайники. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль они сочатся, но потомъ, когда пропитаются осадкомъ ежедневно заваріваемаго въ нихъ чая, этотъ напитокъ получаетъ все болѣе и болѣе ароматичности. Пить приготовленный въ такомъ чайникѣ чай — все равно, что пить его изъ чайной вазы.

Писчебумажныя и книжныя лавки принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя привлекаютъ къ себѣ наибольшее число покупателей. Всѣ провинціалы обоего пола желаютъ запастись почтовою бумагой конвертами и визитными карточками столичныхъ фабрикъ. Тутъ же можно найдти множество превосходныхъ мѣдныхъ чернильницъ, которыя здѣсь носятъ на поясѣ и напоминающихъ футляръ для трубки, головка которой замѣнена чернильницею, а чубукъ — кисточкой.

Въ торговлѣ народными картинами встрѣчается множество рисунковъ, раскрашенныхъ тремя рѣзкими цвѣтами. Самыя простыя изъ этихъ картинъ продаются въ видѣ небольшихъ тетрадокъ и изображаютъ сюжеты сказокъ, героями которыхъ являются чудовищныя личности — полулюди, полуживотныя или полурастенія. Жесты и позы ихъ весьма разнообразны, смотря по содержанію картинъ, но общее впечатлѣніе, производимое ими, весьма непріятно: трудно себѣ представить что нибудь грубѣе и безсмысленнѣе этихъ смѣшныхъ произведеній. Другой разрядъ рисунковъ состоитъ изъ большихъ отдѣльныхъ листовъ съ очень незначительнымъ количествомъ текста, изображающихъ сюжеты, заимствованные изъ обыденной жизни; на каждомъ листѣ помѣщается не менѣе двадцати, а нерѣдко даже болѣе пятидесяти рисунковъ. Существенная цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобы вызвать грубый смѣхъ и двусмысленныя прибаутки въ простонародьи, которому тутъ преподносится изображеніе тривіальныхъ мелочей его ежедневной жизни и различныхъ проказъ привилегированныхъ классовъ. Наконецъ, еще одинъ родъ картинъ, которыя можно назвать воспитательными, представляетъ одно изъ самыхъ интересныхъ и почтенныхъ явленій въ Японіи. Съ намѣреніемъ ли со стороны издателей, или безъ всякаго умысла, только образованіе путемъ нагляднаго обученія почти нигдѣ не распространяется въ народѣ съ такою быстротой, какъ въ Японіи. Эстампы наклеиваются, сообразно категоріямъ изображенныхъ на нихъ предметовъ, на длинныя полосы толстой бумаги, которую свертываютъ въ трубки. Они касаются всѣхъ отдѣловъ народной дѣятельности, о чемъ можно судить по слѣдующимъ немногимъ подписямъ, которыя я беру наудачу изъ цѣлой груды свертковъ: воздѣлываніе риса; разведеніе и употребленіе шелковицы; полезность шелка; обработка и употребленіе хлопчатой бумаги; рудники и рудокопныя работы; монетный дворъ въ Іеддо; ловля кита большою хлопчатой бумаги; рудники и рудокопныя работы; монетный дворъ въ Іеддо; ловля кита большою сѣтью на берегахъ Іесо; охота аиносовъ на медвѣдя въ лѣсахъ Матсмая; пожарная команда въ японскихъ городахъ; движимое имущество дома городскаго жителя; вѣнчальная церемонія; искусства и ремесла, изображенныя каждое въ отдѣльности; замѣчательные города и мѣстечки, встрѣчаемые на токаидской дорогѣ. Но не для чего приводить болѣе названій. Народъ, создавшій себѣ такой богатый источникъ здороваго нагляднаго обученія, не остановится на поверхности или извѣстной обманчивой внѣшности нашей цивилизаціи. Что рано или поздно онъ постигнетъ сущность цивилизаціи — это видно изъ того, что онъ донынѣ успѣлъ устоять противъ вреднаго вліянія извращенной религіи, которой остается только превратиться въ гнусную сторонницу животныхъ страстей. Нельзя,

конечно, сказать, что зла не существуетъ и что оно не проникло глубоко въ японское общество. Подъ этимъ я подразумѣваю вовсе не ту извѣстную грубость языка и привычекъ, которая можетъ быстро измѣниться при лучшемъ воспитаніи; указываемая мною опасность гораздо серьезнѣе. Существуютъ извѣстные симптомы, по которымъ можно узнать, что отдѣльный человѣкъ или цѣлое поколѣніе гибнутъ, или что весь народъ цѣликомъ идетъ по ложному пути; симптомы эти заключаются въ пренебреженіи законами человѣческой природы, презрѣніи къ главнѣйшимъ условіямъ человѣческаго существованія, поискахъ всего фантастическаго, феноменальнаго, невозможнаго. Вотъ признаки, которые могутъ внушить опасенія за будущность японскаго народа, если только примутъ болѣе повсемѣстный характеръ. Но въ этомъ народѣ и, главнымъ образомъ, въ трудящихся классахъ его, существуетъ инстинктивное сопротивленіе моральному разслабленію, благопріятныя общественныя условія и здравыя надежды, которыя, въ ожиданіи болѣе дѣятельнаго пособія, значительно ограничиваютъ дѣйствіе грознаго бича.

Вреднѣйшимъ центромъ распространенія зла служитъ буддистская литература, представляющая безобразную массу чудесныхъ легендъ, монашескихъ пустословій и разсказовъ о небесныхъ и дьявольскихъ странствіяхъ. Эта литература бонзъ производитъ дѣйствіе наркотическаго средства, которое дѣлаетъ человѣка чѣмъ-то въ родѣ постояннаго лунатика, такъ же малоспособнаго, какъ, и куритель опіума, управлять собою согласно указаніямъ разсудка и слышать голосъ своей совѣсти.

По счастію, у нея не много читателей; но встрѣтить ее можно на всякомъ рынкѣ, и гдѣ скверныя народныя книжонки, о которыхъ я говорилъ выше, въ дѣйствительности не что иное какъ одинъ изъ ея видовъ.

Вліяніе ея, кажется мнѣ, отражается въ чудовищныхъ произведеніяхъ безнравственной литературы, которая въ Японіи, какъ всѣмъ извѣстно, и процвѣтаетъ, и составляетъ видную коммерческую отрасль. Развратники всякаго возраста найдутъ здѣсь самыя фантастическія упражненія, какимъ предавалось когда либо человѣческое воображеніе на эту тему. Тутъ уже положительное отсутствіе искуства, вкуса, чувства пластической красоты. Ни Граціи, ни Смѣхи, ни Игры, ни Амуры не составляютъ картежа японской Венеры, или, лучше сказать, въ ней только женскаго и есть что полъ, а герой ея просто безобразный маннекенъ.

Лавки рѣдкихъ и художественныхъ вещей также заражены этою язвой, общею съ развратными изданіями. Прежде чѣмъ рѣшиться ввести европейскую даму въ магазинъ фарфоровыхъ издѣлій, или скульптурныхъ предметовъ изъ слоновой кости, или просто въ лавку дѣтскихъ игрушекъ, вы должны предварительно просить купца снять съ полки множество разложенныхъ товаровъ.

На ярмарочной площади Асаксы гиганская маска Окамэ служитъ вывѣскою большой лавки, въ которой продаются маски всевозможныхъ типовъ и всякія маскарадныя прически для лицъ обоего пола; вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ есть маски чудовищъ, драконовъ, змѣй, какихъ-то баснословныхъ тварей ужасающаго размѣра и множество другихъ костюмировокъ замѣчательно отвратительнаго вида. Между тѣмъ, тутъ же можно встрѣтить также очень красивыя вещи, удовлетворяющія самому изысканному вкусу. Японская дѣтская посуда и мебель представляютъ изящные образчики гончарнаго и столярнаго мастерства. Въ числѣ болѣе скромныхъ предметовъ вы найдете, за крайне дешовую цѣну, удивительные маленькіе ларчики, плетеные изъ соломы и бамбуковой коры, лакированныя глиняныя фигурки, представляющія кошекъ, собакъ, кроликовъ и фрукты. Кромѣ того, здѣсь продаются движущіяся игрушки, въ числѣ которыхъ я назову черепахъ, качающихъ головою и двигающихъ ножками; птицъ, которыя взлетаютъ на воздухъ, если посвистѣть въ придѣланную въ ихъ клѣткѣ дудку; наконецъ, куколъ, которыя, при помощи особаго шнурка, надѣваютъ себѣ на лицо маски, чтобы напугать дѣтей. Въ той же лавкѣ можно купить прекрасную коллекцію различныхъ мухъ, кузнечиковъ, жуковъ и странныхъ насѣкомыхъ, которыми изобилуетъ Японія и которыхъ съ такимъ совершенствомъ поддѣлываютъ женщины, вышивающія искусственные цвѣты и животныхъ. Не знаю, въ какой мастерской приготовляются игрушки изъ бузинной сердцевины, которыя представляютъ на взглядъ маленькіе шарики или мѣшечки. Ихъ бросаютъ въ теплую воду, гдѣ они лопаются и постепенно принимаютъ видъ лодки, рыбака, цвѣтка, плода, краба или рыбы. Каждый мѣшечекъ поражаетъ новымъ сюрпризомъ: юные зрители наперерывъ стараются отгадать, что выйдетъ изъ мѣшечка. Это одна изъ наиболѣе занимательныхъ игръ, какія я только знаю.

По выходѣ изъ храма Каннона съ сѣверной стороны, путникъ теряется въ лабиринтѣ аллей и тропинокъ, кружащихся среди мелкорослыхъ деревъ, рѣдкихъ растеній и цвѣтовъ, а также тоннелей навильоновъ, обращенныхъ въ рестораны, лавокъ и балагановъ фокусниковъ. Направо, въ глубинѣ

большаго двора, надъ непрочными ярмарочными строеніями, величественно возвышается узорчатая крыша колокольни. По сосѣдству съ священнымъ зданіемъ помѣстился тиръ, гдѣ возбуждается ловкость и веселье группы молодыхъ горожанъ, стрѣляющихъ изъ самострѣла; когда кто нибудь попадетъ въ цѣль, мишень разомъ приподнимается и изъ-подъ нея стремительно высовывается лисья, голова, дьявольская рожа или какая нибудь другая смѣшная фигура, которая раскачивается въ воздухѣ до возобновленія стрѣльбы. Виднѣющіяся со всѣхъ сторонъ болѣе или менѣе значительныя толпы возвѣщаютъ присутствіе новыхъ диковинокъ. Странствующій жонглеръ, вооруженный чѣмъ-то въ родѣ трезубца, острія котораго оканчиваются тремя небольшими холщевыми мѣшками, кладетъ въ каждый изъ этихъ мѣшковъ по эластическому мячику. Затѣмъ онъ начинаетъ равномѣрно перебрасывать всѣ три мяча изъ одного мѣшка въ другой, а оттуда уже въ большой мѣшокъ, который его помощникъ открываетъ и закрываетъ по его командѣ. Товарищемъ ему служитъ атлетъ, дѣлающій упражненія съ шарами и носящій на плечахъ пирамиду изъ четырехъ человѣкъ одинаковаго съ нимъ роста.

Сверхъ того, выставка продажныхъ животныхъ также привлекаетъ къ себѣ вниманіе публики; тутъ, между прочимъ, продаются молодые медвѣжата изъ Іесо; весьма безобразныя, но очень дорогія, болонки, обезьяны, окончившія курсъ воспитанія, и обыкновенныя козы. Надобно замѣтить, что въ странѣ, подобной Японіи, гдѣ земледѣліе не оставляетъ мѣста пастбищамъ, — всѣ жвачныя животныя являются предметомъ роскоши, за исключеніемъ буйвола, услуги котораго необходимы при обработкѣ рисовыхъ плантацій

Птичій рядъ отличается прекраснымъ расположеніемъ, большимъ помѣщеніемъ для птицъ, изящными клѣтками и оригинальными голубятнями, плетеными изъ бамбуковой коры. Тутъ продаются всевозможныя птицы, не исключая ястребовъ, голубятниковъ, совъ, зеленыхъ голубей, перепеловъ, дроздовъ и фазановъ; однѣхъ только пѣвчихъ птицъ, если не ошибаюсь, нѣтъ въ продажѣ.

Далѣе, на огромномъ прудѣ, окойменномъ водяными растеніями и украшенномъ священнымъ островкомъ по срединѣ, къ берегу подплываетъ огромные карпы, служащіе образчиками китайскаго способа разведенія рыбы, введеннаго въ Японію, вмѣстѣ съ буддизмомъ, монахами Небесной Имперіи.

Прочныя и просторныя жилища асакскихъ бонзъ стоятъ рядомъ съ большими театрами комедіантовъ и акробатовъ. Нѣкоторыя изъ труппъ отличаются богатствомъ или странностью костюма. Наиболѣе странную одежду, состоящую изъ встрепаннаго рыжаго парика и набитаго шерстью сюртука, носятъ эквилибристы, игры которыхъ отличаются, однако, чрезвычайною ловкостью, доказательствомъ чему можетъ служить, напримѣръ, слѣдующій занимательный фокусъ: на конецъ длиннаго шеста эквелибристъ ставитъ полную чашку чая, накрытую опрокинутымъ блюдечкомъ; все это онъ ставитъ себѣ на лобъ и держитъ въ равновѣсіи. Затѣмъ, онъ начинаетъ потихоньку раскачивать равномѣрно шестъ, что продолжается до тѣхъ поръ, пока весь содержащійся въ чашкѣ чай не выльется вонъ, вѣроятно при помощи какого нибудь порошка, приводящаго его въ сильное броженіе; при этомъ, эквилибристъ не долженъ уронить ни чашки, ни блюдечка.

Другая труппа, распредѣлившая между своими членами различные костюмы придворныхъ даири, избрала себѣ спеціальностью упражненія въ гибкости и легкости. Глава труппы, одѣтый въ тяжелую шелковую мантію и широкіе, вздутые панталоны, исполняетъ воздушный танецъ на вершинѣ вбитыхъ въ землю столбовъ. Одинъ изъ его дѣтей вскакиваетъ и устанавливается въ равновѣсіи на рукахъ, поднявъ ноги вверхъ, на пирамидѣ изъ легкихъ лакированныхъ столиковъ и маленькихъ деревяшекъ, между которыми поставлена фарфоровая чашка. Другой ребенокъ вскарабкивается на вершину коятки военнаго знамени, которое держитъ въ правой рукѣ геройдъ, и, играя вѣеромъ, виситъ на небольшомъ подвижномъ валькѣ, къ которому привязано знамя, уцѣпившись за него носками.

Иностранные фокусники также получаютъ отъ японской полиціи и покупаютъ у асакскихъ бонзъ право эксплуатировать удивительную Каннонскую ярмарку. Корейскіе фокусники отличаются преимущественно невозмутимымъ терпѣніемъ. И дѣйствительно, достаточно-таки нужно имѣть его, чтобы, напримѣръ, выдрессировать дюжину черепахъ, или наполнить бутылку масломъ, которое фокусникъ черпаетъ ковшомъ изъ боченка и затѣмъ льетъ его тонкою нитью въ горлышко бутылки, сквозь дырочку, сдѣланную въ желѣзной монетѣ. Заговариватель черепахъ дѣйствуетъ на нихъ ничѣмъ инымъ, какъ пѣніемъ и равномѣрными ударами по небольшому металлическому барабану. Воспитанницы его идутъ гуськомъ, выдѣлываютъ разнообразныя эволюціи и, наконецъ, безъ посторонней помощи, взлѣзаютъ на низкій столикъ, причемъ болѣе крупныя черепахи помогаютъ мелкимъ, подставляя имъ спину. Вслѣдъ затѣмъ онѣ становятся въ три или четыре группы, въ совершенномъ порядкѣ.

Между тѣмъ шумъ и движеніе на ярмарочной площади утихаютъ по мѣрѣ приближенія къ надгробнымъ памятникамъ молельни. Лишь изрѣдка послышится пѣсня, сопровождаемая раздирающими звуками самсина. Пѣсня несется изъ лавокъ, торгующихъ чаемъ и саки, и прикрытыхъ священными кедрами, которые украшаютъ сады бонзъ и могилы на кладбищѣ. Наконецъ мы вступаемъ въ послѣдніе предѣлы молельни, строенія, обитаемыя многочисленною прислугою монастыря. Затѣмъ тянутся уже однѣ только живыя изгороди, бамбуковыя рощи и палисадники, которыми защищена ограда Асакса-Теры со стороны рисовыхъ плантацій. Два выхода, охраняемые полиціею, выводятъ путника на двѣ мощеныя дороги, проложенныя чрезъ болото: одна изъ нихъ ведетъ къ театрамъ Сибайи и тянется вдоль рѣки, а другая, идущая почти по прямой линіи, направляется къ кварталу Синъ-Іосивара.

ГЛАВА L.

СИНЪ-ІОСИВАРА.

Продажа дѣтей. — Дѣтоубійство. — Проститутки и куртизанки. — Ганкиро. — Любовныя преступленія. — Открытая торговля.

Куда идетъ эта бѣдно-одѣтая женщина, ведущая за руку семилѣтнюю свою дочку, одѣтую въ праздничное платье? Положивъ свою ленту передъ алтаремъ Каннона, она медленной поступью направляется съ ребенкомъ по дорогѣ, пересѣкающей рисовыя плантаціи и упирающейся, на востокѣ въ углубленіе Синъ-Іосивары. Въ продолженіе почти цѣлаго часа ходьбы, передъ глазами ея стоитъ каменная стѣна, окружающая городъ. Доступъ въ него возможенъ только съ сѣверной стороны, гдѣ есть мостъ. Высокія, покрытыя широкою крышей, ворота возвышаются здѣсь на краю крутой и дурно содержимой улицы, къ которой, однако, привлекается вниманіе публики большими афишами, прикленными подъ навѣсомъ общественной колонны. Пьяные люди преслѣдуютъ несчастную мать гнусными шутками. Она отвѣчаетъ на нихъ, потому что обстоятельства того требуютъ, но голосъ ея дрожитъ: все окружающее страшитъ ее. Изящныя дамскія носилки, несомыя рабочими по направленію къ Іеддо, герметически закрыты; съ другой стороны видны носилки, возвращающіяся пустыми. Люди всѣхъ состояній сталкиваются на улицѣ, не кланяясь и не оказывая другъ другу ни малѣйшей учтивости. Принадлежащіе къ классу самурайевъ ходятъ здѣсь совершенно переодѣтыми или въ парикахъ, окончательно измѣняющихъ ихъ физіономію. Дома, стоящіе по обѣимъ сторонамъ дороги, повидимому составляютъ предверіе привиллегированнаго квартала. Въ худшихъ домишкахъ живетъ безчисленное населеніе *кули*, носильщиковъ канго и паланкиновъ, мусорщиковъ приготовителей цыновокъ и другаго бѣднаго рабочаго люда. Въ большихъ домахъ находятся бани, съѣстныя лавки, книготорговли, рестораны, залы для лотерей или стрѣльбы въ цѣль изъ самострѣла и харчевни, гдѣ полиція, подъ видомъ терпимости, зорко слѣдитъ за подонками столичнаго общества.

Передъ городскими воротами переброшенъ мостъ черезъ каналъ, который теряется въ рисовыхъ поляхъ и на берегахъ котораго виднѣются вытащенныя на сушу лодки, употребляемыя во время ночныхъ празднествъ въ Синъ-Іосиварѣ. Никто изъ проходящихъ по мосту не скроется отъ бдительныхъ взоровъ двухъ постовъ *якунинцевъ*, стоящихъ позади воротъ на двухъ гауптвахтахъ, расположенныхъ одна противъ другой. Приставленный ко входу чиновникъ ведетъ бѣдную путницу съ ребенкомъ къ своему начальнику на эстраду, гдѣ сидятъ его товарищи. Спустя нѣсколько минутъ мать съ дочерью выходятъ съ гауптвахты въ сопровожденіи полицейскаго агента, который ведетъ ихъ въ одно изъ главныхъ зданій большой улицы. Это резиденція чиновника, носящаго названіе начальника *ганкиро*. Оттуда мать выходитъ одна, неся въ рукавѣ своей одежды деньги, суммою рублей на пятьдесятъ. Сдѣланная ей продажа скрѣплена и оплачена надлежащимъ образомъ. Она продала своего ребенка въ полнѣйшее рабство на семнадцатилѣтній срокъ. Въ странахъ крайняго Востока, страдающихъ избыткомъ населенія, во всемъ своемъ ужасѣ обнаруживается безчеловѣчный, проти-

Поле ямастской ярмарки.

вообще общественный и глубоко извращенный характеръ буддизма. Эта религія, оказывающая терпимость къ другимъ языческимъ культамъ, способствовала всѣмъ мѣрамъ, принятымъ китайскимъ и японскимъ правительствами въ видахъ огражденія ихъ государствъ отъ наплыва христіанской цивилизаціи. Препятствія, поставленныя торговлѣ туземцевъ съ иностранными государствами, и безусловное запрещеніе выѣзда изъ родины были главною причиной чрезмѣрнаго скопленія жителей, замѣчаемаго, особенно, въ приморскихъ городахъ. Чтобы помочь злу, религія, главная его виновница, озаботилась допустить, въ видѣ палліативной мѣры, и освятить своимъ разрѣшеніемъ ужасныя преступленія, лишь бы сдержать приростъ населенія. Такимъ образомъ въ Китаѣ буддизмъ терпитъ многоженство и дѣтоубійство, совершаемое надъ новорожденными дѣвочками, въ Японіи, наложничество и вытравливаніе зародыша; въ той и другой странѣ противуестественные пороки и проституцію, организованную подъ всѣми формами, развитую во всѣхъ степеняхъ, доступную всѣмъ классамъ общества и поддерживаемую, безъ всякаго угрызенія совѣсти, всѣми рессурсами спекулятивнаго духа, не исключая торговли дѣтьми, какъ малолѣтними такъ и всякаго возраста, потому — что совершеннолѣтіе—право мнимое, когда оно сталкивается съ волею родителей.

Всего чаще бѣдныя оставленныя дѣти, отдаваемыя въ рабство, бываютъ жертвами дурнаго поведенія отца, предавшагося воровской жизни или прогнавшаго жену и дѣтей отъ домашняго очага. Женщина въ Японіи ничѣмъ не ограждена отъ расторженія брачныхъ узъ, для чего мужу стоитъ только написать разводную записку. Оставленная супруга никогда не найдетъ случая вступить во второй бракъ. Общество осуждаетъ ее и около нея образуется пустота; если у нея нѣтъ родственниковъ, которые пріютили бы ее, передъ нею въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ открывается перспектива нищеты. При подобныхъ условіяхъ, отдать маленькую дочь въ Ганкиро, значитъ спасти ее отъ смерти и отдалить, быть можетъ, на нѣсколько лѣтъ, срокъ собственнаго разоренія. Если дѣвушка достигла возмужалости, тогда торгъ еще выгоднѣе, потому — что приноситъ матери въ теченіи четырехъ или пяти лѣтъ, ежегодную ренту въ сто или двѣсти франковъ.

Но что дѣлается съ дѣвушкою по истеченіи контрактнаго срока? Г. Лендо увѣряетъ, что у нея не остается ни полушки отъ того, что ей приносить несчастный промыселъ; что она по необходимости должаетъ содержателю Гонкиро за столъ и туалетъ, что для погашенія долга она заключаетъ новый контрактъ и кончаетъ обыкновенно дни свои въ качествѣ служанки, надзирательницы, гувернантки, въ томъ домѣ гдѣ дебютировала какъ воспитанница. А если иногда какой нибудь мужчина, влюбившись въ проститутку, выкупаетъ ее и даже женится на ней, то это случай исключительный, общій каждой странѣ, а потому нѣтъ никакого повода приписывать подобное явленіе Японіи.

Синъ-Іосивара заключаетъ въ своихъ четыреугольныхъ предѣлахъ девять отдѣльныхъ кварталовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ видъ параллелограма, тянущагося въ направленіи отъ запада къ востоку. Пять кварталовъ расположены справа, а четыре слѣва отъ воротъ: первые отдѣлены отъ вторыхъ длинною, просторною аллеею. На концѣ этого прекраснаго мѣста общественныхъ гуляній возвышается сторожевая каланча для наблюденія за пожарами и тутъ же, прислонившись къ каменной городской оградѣ, стоитъ часовня. Широкая поперечная аллея, пересѣкающая кварталы правой стороны, представляетъ также мѣсто общественныхъ гуляній, но она предназначается для обитательницъ и посѣтителей первокласныхъ домовъ, которые ее окружаютъ.

Здѣсь именно, днемъ ли ночью, смотря по сезону, происходитъ обычный парадъ женскихъ знаменитостей Ганкиро, которыя являются въ киримонахъ, испещренныхъ шитьемъ, и въ лучеобразной прическѣ изъ черепаховыхъ гребней и булавокъ. Каждая ходитъ въ сопровожденіи двухъ или трехъ ученицъ, обязанныхъ замѣнять при ней личную прислугу. Эти молоденькія служанки носятъ цвѣта своихъ госпожъ и изящный головной уборъ изъ искуственныхъ цвѣтовъ, оттѣненный иногда зонтикомъ по ихъ росту.

Синъ-Іосиварскія *grandes dames* имѣютъ свои аппартаменты, свой салонъ, меблированный съ изысканнѣйшею роскошью. Нѣкоторыя находятся на содержаніи у богатыхъ сыновъ, которые платятъ содержателю Гонкиро помѣсячно. Тайна подобныхъ отношеній, ускользающихъ болѣе чѣмъ всѣ остальныя отъ родительской бдительности, дѣлаетъ ихъ въ высшей степени опасными. Куртизанки постоянно злоупотребляютъ этимъ, съ тѣмъ чтобы удовлетворить необузданной жаждѣ роскоши и нарядовъ. Ни одно отцовское наслѣдіе пошло на удовлетвореніе ихъ капризовъ и безумнаго тщеславія ихъ обожателей; въ концѣ концовъ, тщеславіе все-таки играетъ главную роль во всѣхъ глупостяхъ, которыя порождаются и другими страстями.

Такъ называемое ганкиро служитъ увеселительнымъ мѣстомъ сборищъ синъ-іосиварскаго выс-

шаго общества. Посѣтитель платитъ привратнику за входъ, и входитъ въ салонъ. Тутъ всѣ держатъ себя безукоризненно. Обычныя на всѣхъ японскихъ собраніяхъ трубки и закуски служатъ приправой избитыхъ разговоровъ, нѣсколько оживляемыхъ остроумными замѣчаніями дамъ. За всякое развлеченіе полагается особая плата: въ одномъ мѣстѣ дается вокальный и инструментальный концертъ, въ другомъ исполняются артистками по профессіи, проживающими въ Іеддо. Въ ганкиро имѣется зала для банкетовъ, убранство которой чрезвычайно оригинально. Оно состоитъ изъ обоевъ съ нарисованными на нихъ красивыми эскизами жанра и пейзажа, изъ которыхъ одни сдѣланы китайскими чернилами, другіе — красками, и всѣ писаны на лоскуткахъ картона, вырѣзанныхъ въ видѣ различныхъ вѣеровъ, употребляемыхъ на крайнемъ Востокѣ.

Задняя стѣна галлереи украшена особымъ родомъ живописи. Тутъ изображены виды Іеддо и его окрестностей, сдѣланные хотя и грубо, но довольно эффектно; съ виду они кажутся писанными толстыми слоями простыхъ красокъ и сильно напоминаютъ произведенія тѣхъ народныхъ неаполитанскихъ живописцевъ, которые всю жизнь свою только и дѣлаютъ, что пишутъ для иностранцевъ извержения Везувія. Наконецъ, истинное чудо ганкиро — это дѣтскій театръ. Актерами служатъ только дѣвочки отъ семи до тринадцати-лѣтняго возраста, которыхъ учатъ читать, писать, считать, пѣнію, музыкѣ, танцамъ, мимикѣ и декламаціи. Исполняемые ими оперетки, волшебныя представленія и маскированные балеты, представляютъ пьесы, полныя граціи и изящества. Сомнительно, чтобы въ литературномъ отношеніи онѣ стояли значительно выше водевилей, комедій и драматическихъ пословицъ, разыгрываемыхъ въ Европѣ въ дѣтскихъ пансіонахъ, но во всякомъ случаѣ, можно кажется, считать доказаннымъ, что маленькій японскій театръ выгодно отличается отъ нашего болѣе искреннимъ чувствомъ актрисъ и большею сообразностью съ обстоятельствами или, точнѣе, тѣмъ, что онъ наивно, безъ всякихъ претензій, ограничивается очаровательною областью дѣтской поэзіи.

По моему, нѣтъ ничего возмутительнѣе картины тѣхъ воспитательныхъ попеченій, которыми окружаютъ молоденькихъ дѣвочекъ въ ганкиро. Я никогда не могъ любоваться отъ души чудесами японскаго садоводства, то есть скороспѣлыми и малорослыми деревьями, покрывающимися, благодаря уходу, двойными цвѣтами и не дающими никакого плода. Но что значитъ насиліе надъ законами природы въ области растительнаго царства, въ сравненіи съ профанаціей человѣческой природы? И потому только, что во всѣхъ странахъ міра послѣднее преступленіе совершается безнаказанно въ отношеніи слабаго пола, тамъ съ большею или меньшею грубостью, здѣсь съ большимъ или меньшимъ лицемѣріемъ: развѣ это достаточная причина, чтобъ не протестовать противъ учрежденій, отталкиваемыхъ всемірною нравственностью?

Подобное рабство ничѣмъ не разнится отъ рабства негровъ, отъ всякаго злоупотребленія грубой силы. Это злодѣяніе, за которое мстятъ его же собственныя послѣдствія до тѣхъ поръ, пока изліешекъ зла не поведетъ за собою паденія породившей его причины.

Ахъ, если бы можно было высчитать во что обходится японскому населенію постоянное, или, лучше сказать, постоянно-возрастающее, содержаніе и прокормленіе этихъ городовъ порока. Какое вырожденіе силъ, физическихъ и моральныхъ! какое распространеніе заразительной болѣзни и какія опустошенія между молодыми поколѣніями! какія гекатомбы женскихъ существованій!

Отъ времени до времени, зловѣщимъ кровавой катастрофы, среди ночныхъ оргій, внезапно раскрываетъ бездну, замаскированную обоями и цвѣтами этихъ мѣстъ проклятія. То жертвою бываетъ какая нибудь несчастная, довершившая своими руками дѣло разрушенія собственнаго тѣла, начатое болѣзнями; то какой нибудь молодой юноша, исчерпавшій уже всѣ денежные ресурсы и нежелающій, чтобы содержанка, узнавъ объ этомъ разореніи, отбросила его какъ изношенную вѣтошку, зарѣзываетъ и ее и себя въ томъ самомъ салонѣ, который онъ для нея меблировалъ. Чаще всего, впрочемъ, куртизанки высокаго полета умѣютъ распорядиться такъ, чтобы не выходило двойнаго скандала. Мнѣ указывали такихъ, которыя гордятся числомъ своихъ жертвъ. Нѣкоторыя изъ этихъ знаменитостей открыто и съ несказаннымъ успѣхомъ высказывали презрѣніе къ человѣку и человѣческой жизни, любовь къ поживѣ и страсть къ безумнымъ издержкамъ. Опасная Жигоко приписывала себѣ сатанинскую власть надъ родомъ человѣческимъ. Шитье на ея киримонѣ изображало адскія сцены: великаго судью, призывающаго къ своему трибуналу грѣховныя души, и осужденныхъ, которые искупаютъ преступленія свои въ котлѣ съ кипяткомъ или въ тѣлѣ чудовищныхъ животныхъ.

Если спустимся по общественной синъ-іосиварской лѣстницѣ на ступень ниже, въ мѣста, посѣщаемыя мелкою буржуазіею и хаттамотосами, но увидимъ здѣсь самоубійства отъ любви: любовникъ, потому-что у него не хватило средствъ для выкупа своей любезной, а та—потому-что поклялась ему въ

вѣрности. Съ той и съ другой стороны увлеченіе иллюзіей: упоенные первой встрѣчей, они забыли мѣсто и обстоятельства. Самый видъ квартала, въ часы его веселья, способенъ вводить въ ошибку. Каждая изъ жилицъ имѣетъ свой небольшой салонъ, выходящій прямо на улицу. Когда иллюминованы всѣ эти комнаты, когда онѣ убраны цвѣтами, кишатъ посѣтителями, оживлены пѣніемъ и играми, вы скажете, что тутъ въ каждомъ домѣ улицы, съ одного конца до другаго, торжествуютъ какой нибудь семейный праздникъ.

И таковъ иногда престижъ наружности въ этомъ мірѣ порока, гдѣ все — фальшивое обольщеніе или мимолетная иллюзія—что даже ревность нашла сюда дорогу и оставила кровавые слѣды своего посѣщенія.

Я видѣлъ на драматической сценѣ въ Іокогамѣ представленіе трагической смерти одной куртизанки, которая надавала нѣжныхъ клятвъ юному самураи, и тотъ принялъ ихъ серьезно, какъ будто онѣ произнесены были не въ Іосиварѣ. Обманутый въ любви, оскорбленный въ самолюбіи, свирѣпый дворянинъ отрубаетъ ударомъ сабли голову невѣрной. Японская сибайя ни за что не хотѣла воспроизвести эту сцену въ разсказѣ; она приводитъ ее въ картинѣ: сверкаетъ сталь и жертва падаетъ передъ глазами зрителей. Оркестръ разражается проявленіями ужаса и отчаянія, при совокупныхъ усиліяхъ всѣхъ инструментовъ: флейтъ, самсиновъ, гонговъ, тамбуриновъ, трещотокъ. Затѣмъ разомъ водворяется молчаніе, и герой пьесы обращается къ публикѣ, чтобы патетически изложить ей свои резоны. Въ ту же минуту машинистъ поднимаетъ трапъ въ передней части сцены, и окровавленная голова появляется въ двухъ шагахъ отъ убійцы, какъ будто бы она откатилась къ его ногамъ.

Есть народная пѣсня, сочиненная на ту же тему; для куртизанки у нея нѣтъ другихъ словъ кромѣ проклятія:

«Вотъ она, распростертая на землѣ, безъ головы, эта безсердечная женщина, которая любила всѣхъ и никого не любила.

«Она привыкла играть своими гостями такъ, какъ фальшивый игрокъ, который, бросая кости, умѣетъ повернуть ихъ въ свою пользу.

«Не ее слѣдуетъ жалѣть: надобно плакать о ея многочисленныхъ жертвахъ. Женщина, которая подрѣзала ноги (то есть парализировала общественную и домашнюю жизнь) столькимъ мужчинамъ въ цвѣтѣ лѣтъ, не заслуживала доли лучше той, какая назначена убійцамъ изъ-за-угла.»

Есть, впрочемъ, два разряда несчастныхъ, которыя не только избѣгаютъ общественнаго суда, но кажется, служатъ предметомъ всеобщаго сожалѣнія.

Первый выставляется всякій вечеръ на показъ публики въ большихъ залахъ нижняго этажа нѣкоторыхъ худшихъ заведеній Синъ-Іосивары. Каждая зала снабжена деревянными рѣшетками передъ которыми толпятся любопытные прохожіе: точь-въ-точь публика въ звѣринцѣ. Внутри, отъ шести до десяти молоденькихъ дѣвушекъ сидятъ, поджавъ ноги, на цыновкахъ. Одна надзирательница прогуливается въ клѣткѣ, прислушивается къ разговорамъ у рѣшетчатой стѣны и, судя по предложеніямъ, доходящимъ до нея съ улицы, приглашаетъ дѣвушку, служащую предметомъ предложенія, подойти къ рѣшеткѣ и столковаться съ желающимъ.

Второй разрядъ состоитъ изъ обитательницъ переулковъ и закоулковъ, которыя встрѣчаются въ нѣкоторыхъ изъ пяти восточныхъ кварталовъ. Эти узкіе, мрачные проходы обставлены съ обѣихъ сторонъ непрерывнымъ рядомъ комнатокъ, или, вѣрнѣе, чуланчиковъ; каждая комнатка занята бѣднымъ полураздѣтымъ существомъ, появляющимся отъ времени до времени на порогѣ своего жилья.

Синъ-Іосивара недоступна для европейцевъ; но въ портахъ, открытыхъ трактатами, японское правительство устроило и снабдило всѣми возможными удобствами *ганкиро*, доступный одинаково и для мѣстныхъ жителей и для иностранцевъ. Тутъ также встрѣчается цѣлый лабиринтъ переулковъ и коридоровъ, которые почти всякій день биткомъ набиты экипажами военныхъ и торговыхъ судовъ.

Въ этихъ-то гнусныхъ вертепахъ рабство женское казалось мнѣ самымъ тяжелымъ, если только возможно открыть въ подобномъ мѣстѣ послѣдніе предѣлы бѣдствія.

Въ Японіи, какъ вездѣ впрочемъ, человѣческія несчастья развертываются по мѣрѣ того, какъ спускаешься со ступени на ступень, изъ круга въ кругъ, въ глубь бездонной пропасти. Адъ Данта, въ сравненіи съ нѣкоторыми существованіями, блѣднѣетъ передъ ужасомъ дѣйствительности.

Наша общественная нравственность держитъ подъ покровомъ тайны зло, которое оно вмѣстѣ терпитъ и осуждаетъ. Соблюденіе условныхъ формъ пристойности затрогиваетъ насъ сильнѣе, чѣмъ интересы справедливости и гуманности.

Женское невольничество, даже въ странахъ, гдѣ оно принимаетъ внѣшность добровольнаго рабства, все-таки останется гнуснѣйшимъ изъ притѣсненій.

Законодательство, не дѣлающее его невозможнымъ, не заслуживаетъ названія органа великихъ принциповъ, которыми славится нашъ вѣкъ.

Если бы дѣйствительно принципы эти прилагались на дѣлѣ со всѣми ихъ послѣдствіями, то зрѣлище японскихъ ганкиро не вызвало бы болѣе или менѣе лестныхъ сравненій для западной цивилизаціи: въ отношеніи подобныхъ заведеній она не дала бы ни малѣйшаго повода къ сравненію.

ГЛАВА LI.

ИНАКА.

Характеръ Инаки.—Привязанность къ сельской жизни. — Японскіе сатирики. — Вкусъ къ фантастическому и крайняя реальность. — Суевѣріе.

Сѣверная часть Асаксы-Имато, которая оканчивается изгибомъ великой рѣки, относится къ району Инаки, или предмѣстья Іеддо, равно какъ и три сосѣдніе округа, именно: Сумидагава Мукостима, на лѣвомъ берегу рѣки; Негхисъ Танина Кахенъ, къ западу отъ Асаксы, и Сугамо, къ западу отъ Негхиса.

Нельзя составить болѣе вѣрнаго понятія о громадной окружности Іеддо, какъ прослѣдить, на всемъ протяженіи, это предмѣстье, или крайнюю зону округовъ, расположенныхъ на югъ, на западъ и на сѣверъ отъ Замка, такъ какъ оно идетъ отъ предмѣстья Синагава, противъ шести фортовъ залива, до мѣстности, пересѣкающей сѣверную дорогу, за Сенжу-Обасси, и обнимаетъ, сверхъ того къ сѣверу отъ Хонджо, плодородныя поля, орошаемыя съ одного бока Сумидагавой, а съ другаго — небольшой рѣкой, которая служитъ на востокѣ границею трехъ округовъ лѣваго берега. Но описаніе кварталовъ, составляющихъ предмѣстіе, — дѣло неблагодарное, потому что они имѣютъ общій характеръ сельскихъ построекъ съ городскимъ населеніемъ, а любопытныя стороны ихъ, съ одного конца до другаго, совершенно одинаковаго свойства: то сельскіе храмы, прислоненные къ кладбищенскимъ холмамъ; то гранитныя статуи, или надгробныя таблицы надъ могилой какого нибудь знаменитаго лица, или просто памятники въ честь какого нибудь событія изъ исторіи древнихъ сіогуновъ; здѣсь — чайные дома, обширные огороды, заведенія садоводства; тамъ — священныя деревья, алтари на самыхъ красивыхъ пунктахъ мѣстности, а иногда отдѣльный холмъ, обсѣченный въ формѣ Фузи-іямы.

Словомъ, Инака, если смотрѣть на нее съ птичьяго полета, представляетъ видъ парка, непрерывнаго сада, усѣяннаго сельскими домами; или гирлянды изъ зелени и цвѣтовъ, охватывающей и связывающей другъ съ другомъ нижнія предмѣстья и западные округа, разбросанные у крайнихъ барьеровъ городскихъ шоссе ремесленные кварталы и селенія, вытянувшіеся у границы рисовыхъ полей, и, наконецъ, отдѣльныя группы домовъ по берегамъ Сумидагавы.

Во время цвѣтенія фруктовыхъ садовъ, и гражданинъ, и живописецъ, и студентъ, всѣ ударяются въ идиллію, обнаруживаютъ наклонность къ загороднымъ развлеченіямъ, и, бросая дѣла и удовольствія столицы, скрываются на день, если же возможно, то и на нѣсколько дней, въ рощи и подъ сельскія кровли стоящихъ на предмѣстьѣ чайныхъ домовъ. Тутъ безчисленное множество тѣхъ очаровательныхъ убѣжищъ, главнымъ украшеніемъ которыхъ служатъ красоты природы. Большая часть ихъ едва отличается отъ сосѣднихъ съ ними деревенскихъ жилищъ. Широкая тростниковая крыша ихъ спускается до оконъ нижняго этажа. Домашнія птицы рѣзвятся или гордо прохаживаются на солнцѣ, на мхѣ, кроющемъ кровлю и взбѣгающемъ слоями до ея вершины, гдѣ блещутъ радужными переливами цвѣты. За неимѣніемъ галлерей, посѣтители свободно группируются на просторныхъ площадкахъ, подъ тѣнью винограда или другихъ вьющихся растеній. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда журчитъ свѣтлый ручей, идущій вдоль тропинки, которая спускается въ долины чрезъ рощи, фру-

Сцена японскаго театра.

ктовые сады, засѣянные макомъ или бобами огороды, поля, красующіяся хлѣбами или растеніями, идущими въ пряжу.

Горожанинъ не гнушается подойдти къ поселянину, занятому работой, и обмѣняться съ нимъ кое-какими толковыми замѣчаніями насчетъ способовъ орошенія, качества продуктовъ, полученныхъ въ той или другой мѣстности, и рыночныхъ цѣнъ въ городѣ. Бываетъ, что добродушный горожанинъ, воодушевившись, вдругъ заявитъ, что нѣтъ жизни лучше жизни селянина. Тотъ покачаетъ головою или отвѣтитъ какою нибудь шуткой.

Нѣкоторыя общества горожанъ ежегодно по три раза, въ февралѣ, іюнѣ и октябрѣ, совершаютъ настоящія странствія въ деревни, отстоящія отъ Іеддо на три или четыре мили; это дѣлается единственно для того, чтобы поближе насладиться перемѣнами, производимыми въ природѣ временами года. Зимою, если выпадетъ снѣгъ, они почтутъ столько же обязанностью, сколько и удовольствіемъ, сходить цѣлымъ семействомъ полюбоваться страннымъ видомъ статуй, стоящихъ на паперти Канда-Міоджу, или на высокую пагоду въ Асаксѣ. Но въ особенности, они непремѣнно зайдутъ въ нѣкоторые изъ чайныхъ домовъ на предмѣстьи, напримѣръ, въ чайную Никенъ-Чайя, находящуюся по сосѣдству съ Фука-Гавой, чтобы надлежащимъ образомъ насладиться зрѣлищемъ залива и деревни въ новомъ ихъ уборѣ. — Лѣтомъ принято отправляться на высоты Доккянъ-Іамы, чтобы послушать концертъ кузнечиковъ. Хорошій отецъ семейства не приминетъ сводить туда своихъ дѣтей, которыя берутъ съ собою маленькія лозовыя клѣтки, чтобы наловить и принести домой какихъ нибудь пѣвчихъ птицъ.

Весенніе поэты, лѣтніе пѣвцы, живописцы и артисты, ищущіе новаго вдохновенія, охотно предаются съ утра до вечера занятіямъ или мечтамъ среди вишневыхъ, сливовыхъ, грушевыхъ и персиковыхъ садовъ, въ тѣни бамбуковыхъ, лимонныхъ, апельсинныхъ, сосновыхъ и кипарисовыхъ лѣсовъ, окружающихъ храмы, сады и чайные дома Окубъ, Сугаму, Итабаси, То-Нехиса, Хагитера, Мимегори и множества другихъ классическихъ пріютовъ японскихъ музъ. Съ наступленіемъ ночи, собравшись въ превосходныхъ гостинницахъ, они съ удовольствіями стола соединяютъ остроумную бесѣду; веселая болтовня смѣняется пѣніемъ и музыкою; изъ рукъ въ руки переходятъ рисунки и написанныя въ теченіе дня стихотворенія. Нерѣдко случается, что за непринужденною болтовнею слѣдитъ кисть художника, такъ что предметъ какого нибудь разсказа или спора вдругъ оказывается изображеннымъ на картинѣ, согласно воображенію живописца и ко всеобщему удовольствію собесѣдниковъ.

Японскія карикатуры обыкновенно носятъ на себѣ печать добродушія. При изображеніи страстей, человѣческое лицо часто замѣняется въ нихъ эмблематическимъ типомъ изъ животнаго царства. Это та же манера, которая доставила такую популярность рисункамъ Гранвиля къ баснямъ Лафонтена. Японская кисть отличается большою робостью; лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ достигаетъ она силы въ изображеніи драматической стороны человѣческой жизни; чаще всего она ограничивается тѣмъ, что облекаетъ животныхъ въ костюмъ и даетъ имъ положеніе тѣла, придающее извѣстный символическій характеръ. Это низшая степень антропоморфизма. Таково, напримѣръ, олицетвореніе двѣнадцати знаковъ зодіака: мыши, быка, тигра, зайца, дракона, змѣи, лошади, барана, обезьяны, пѣтуха, собаки и кабана; всѣ эти животныя изображаются въ такомъ одѣяніи и съ такими атрибутами, которые находятся въ связи съ ихъ астрономическими отправленіями или съ ролью ихъ въ астрологіи.

Эскизъ *Гофкедая*, не менѣе невинный по содержанію, но гораздо болѣе интересный, представляетъ рисовый магазинъ, состоящій подъ надзоромъ стаи крысъ, самыхъ опасныхъ враговъ драгоцѣннаго рисоваго растенія. Все есть въ этой забавной картинѣ: и кассиръ, переписывающій книги, чтобы показать покупателю, что ни гроша невозможно скинуть; прикащики магазина несутъ на плечахъ тюки, пріобрѣтенные покупателемъ; деньги лежатъ наготовѣ въ соломенныхъ мѣшкахъ, которые *кули* повѣсили себѣ на бамбуковыя коромысла. Все это производится въ порядкѣ и тишинѣ, подобающихъ крупному торговому дому. Малѣйшія подробности отдѣланы съ такимъ стараніемъ, какъ въ серьезномъ произведеніи. Въ такомъ родѣ слегка комическихъ, ребяческихъ или героическихъ картинъ японцы выказываютъ наиболѣе юмора и оригинальности.

Нѣчто большее, нѣчто въ родѣ насмѣшки, близкой къ политической карикатурѣ, замѣчается въ многочисленныхъ и разнообразныхъ эскизахъ, темою которымъ служатъ процессіи дайміосовъ. Всѣ лица, участвующіе въ процессіи, начиная съ самаго князя, изображаются обыкновенно въ видѣ лисицъ или обезьянъ.

Не менѣе очевидна сатирическая тенденція въ тѣхъ эстампахъ, на которыхъ верховный свя-

щенникъ является съ волчьей головою, а группы монашенокъ — подъ видомъ ласточъ. Самая выразительная изъ видѣнныхъ мною гравюръ этого рода представляетъ аудіенцію зайца, въ трепетѣ распростершагося у ногъ кабана; въ зайцѣ тутъ изображенъ мелкій хатгамотосъ, не имѣющій мѣста, а кабанъ представляетъ высшаго сановника въ придворномъ костюмѣ, съ пышнымъ кіотоскимъ токомъ на головѣ.

Вкусъ къ фантастическому вяжется охотно съ наклонностью къ карикатурѣ. Въ Японіи политическія учрежденія, религія, природа, все содѣйствуетъ къ возбужденію воображенія и все заманиваетъ его въ область несбыточныхъ фантазій. На берегахъ моря базальтовыя скалы являются то въ смѣшныхъ, то въ странныхъ формахъ. Даже самъ океанъ — міръ тайнъ. Иногда, въ темныя ночи, въ глубинахъ его видѣнъ свѣтъ, похожій на дракона; моряки видѣли въ волнахъ раковины, бросавшія искры; подъ водою пролива Симоносеки есть гротъ или храмъ, выложенный инкрустаціями изъ жемчуга и перламутра—его называютъ Ріогунъ. Онъ лежитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ молодой микадо Антокъ утонулъ со всей свитой, когда бѣжалъ съ поля сраженія, гдѣ его приверженцы, Феки, разбиты были Іоритомо (1185). Въ этомъ гротѣ онъ царствуетъ и помѣщаетъ свой дворъ. Его герольды носятъ, вмѣсто значковъ, длинныя камышевыя трости съ привязанными на верху плавниками акулы. Всѣ морскія божества являются къ нему на поклонъ въ діадемахъ, представляющихъ головы тюленей и рыбы, медузъ, крабовъ, драконовыхъ пастей. Этотъ дворъ морскихъ чудовищъ и утонувшихъ воиновъ вдохновилъ художниковъ къ созданію самыхъ оригинальныхъ и эфектныхъ произведеній. Съ ними могутъ поравняться развѣ только адскія сцены, гдѣ представлены окровавленныя и обезображенныя жертвы, не знаю, право, какихъ страшныхъ преступниковъ, которые, при помощи ужасающаго вида демоновъ, мучатъ своихъ убійцъ. Никогда карандашъ Калло (Callot) не производилъ ничего болѣе ужаснаго.

Японцы подражаютъ съ любовью самой отталкивающей дѣйствительности. Восковой музей Асакса-тера обладаетъ фигурами казненныхъ и разлагающихся труповъ, представляющихъ такую коллекію, которая несравненно выше знаменитаго «*Cabinet of horrors*» г-жи Тиссо, въ Лондонѣ.

Тѣмъ болѣе фантастически-ужасное ихъ должно пересилить все, что только способно изобрѣсти въ подобномъ родѣ западное воображеніе.

Они умѣютъ, также какъ Калло, соединять смѣшное съ ужаснымъ, но при такихъ сюжетахъ, которые не имѣютъ въ себѣ ничего трагическаго и не могутъ быть приняты серьезно. Такъ, напримѣръ, они позволяютъ себѣ преображать предметы, служащіе при религіозныхъ церемоніяхъ—гонги, кропильники, канделябры, сосуды съ благовоніями, алтари, образа и статуэтки — въ крылатыхъ одушевленныхъ чудовищъ, которыя пресмыкаются или ползаютъ въ хороводѣ, предводимомъ адскими духами.

Стремленіе къ фантастическому не чуждо той прелести, какую испытываешь въ чайныхъ домахъ іеддскаго предмѣстья. Нѣкоторые изъ этихъ домовъ стоятъ на такихъ мѣстахъ, откуда Фузи-яма видна какъ на ладони. А самое необузданное воображеніе можетъ вполнѣ удовлетвориться видомъ этой необыкновенной горы при восходѣ и закатѣ солнца, въ ясную погоду или во время бури.

Изъ числа чайныхъ домовъ, стоящихъ въ предмѣстьѣ Іеддо, многіе можно сравнить съ извѣстными купальнями, находящимися въ горахъ Швейцаріи. Сюда отправляются не столько для купанья, сколько для того, чтобы пріятно провести съ семействомъ нѣсколько дней въ этихъ изящныхъ кедровыхъ шалашахъ, стоящихъ на берегу ручьевъ, подобныхъ прекраснѣйшимъ альпійскимъ рѣкамъ. Въ нѣкоторыхъ садахъ есть врачебные источники или каскады, которыми пользуются, какъ натуральными душами. Чаще другихъ посѣщаются публикою источники Оттона-Сигавы, одного изъ главныхъ притоковъ большой рѣки.

Другія увеселительныя мѣста даютъ особенную пищу народнымъ суевѣріямъ. Люди переходятъ изъ храма въ чайный домъ и обратно, ощущая то чувство удовлетворенія, которое дается сознаніемъ исполненнаго благочестиваго долга. Въ теченіе первыхъ дней одиннадцатаго мѣсяца содержательницы гостинницъ и бонзы видятъ наплывъ въ ограду ихъ владѣній многихъ тысячъ странниковъ обоего пола, но большей части мелкихъ торговцевъ или земледѣльцевъ предмѣстій и деревень. Всѣ они тянутся гуськомъ по узкимъ тропинкамъ рисовыхъ плантацій, чтобы накупить бамбуковыхъ грабель въ храмѣ этого уединеннаго мѣста, словно затерявшемся среди болотъ, лежащихъ къ сѣверу отъ столицы. Впрочемъ, эти грабли, мистически способствующія будущему урожаю, суть ни что иное, какъ благочестивыя игрушки, исполняющія роль талисмановъ въ жилищахъ вѣрующихъ. Грабли имѣются на всякую цѣну и на всякій, самый требовательный, вкусъ: одни — огромныя величины—

украшены сверху картинами, писанными на шелкѣ или на деревѣ и представляющими челнъ счастія; другія — среднихъ размѣровъ—заклеймены вензелемъ бога богатствъ. На болѣе простыхъ грабляхъ вѣшаются изображенія изъ картона, бумаги или папье-маше, въ видѣ, напримѣръ, головы рисоваго бога, маски Окамэ и всякихъ миѳологическихъ эмблемъ. Такъ какъ богатство распредѣлено между людьми не всегда сообразно физической силѣ каждаго, то нерѣдко случается, что, на возвратномъ пути изъ храма, странники, самые бѣдные, но обладающіе крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, несутъ самыя миніатюрныя грабли, тогда какъ другіе, слабосильные физически, но могущественные по своему общественному положенію, изнемогаютъ подъ огромными, тяжелыми граблями, покупка которыхъ обязательна для нихъ въ силу занимаемаго ими ранга.

Эквилибристическія упражненія на фальшивомъ носѣ.

Комическій эффектъ, производимый этою процессіей, увеличивается еще оригинальною одеждой странниковъ: мужчины носятъ узкіе панталоны изъ синей бумажной ткани и пальто на ватѣ, съ широкими рукавами. У большей части изъ нихъ голова обнажена, а носъ покрытъ креповымъ платкомъ, завязаннымъ на затылкѣ; нѣкоторые покрываютъ себѣ голову креповымъ колпакомъ или шикомъ ватнымъ капюшономъ, который закрываетъ имъ все лицо, за исключеніемъ глазъ. Женщины также обыкновенно надѣваютъ этотъ некрасивый капюшонъ и, чтобы защитить себѣ руки отъ холода,

прячутъ одинъ рукавъ въ другой своего зимняго *киримона*, что придаетъ всѣмъ имъ видъ пингвиновъ. Такъ какъ въ храмѣ Юсимы продаются также амулетки, которыя, въ видѣ лоскутковъ бумаги, прикрѣпленныхъ къ палочкѣ, втыкаются по угламъ полей, то крестьяне, накупивъ ихъ, втыкаютъ эти билетики въ волоса своей непокрытой головы, наподобіе волосныхъ булавокъ. Глядя на нихъ, можно подумать, что они возвращаются съ выставки сельскихъ произведеній съ ярлыками, подъ которыми они были тамъ разставлены.

По другую сторону Сумидагавы уходъ за деревьями, полезными въ промышленномъ отношеніи, занимаетъ въ ряду сельскихъ работъ не менѣе важное мѣсто, какъ обработка риса и огородничество. Между прочимъ, здѣсь можно видѣть обширныя плантаціи *Rhus vernix* и *Broussonetia papyrifera*, снабжающія столичныя фабрики матерьяломъ для лака и бумаги. Первый изъ названныхъ кустарниковъ даетъ въ продолженіе тринадцати мѣсяцевъ годичный сборъ, стоимостью 60 до 110 франковъ. Онъ совершается въ два раза, съ помощью надрѣзовъ, дѣлаемыхъ въ іюнѣ и возобновляемыхъ въ сентябрѣ: послѣдніе доставляютъ лакъ низшаго сорта.

Для устраненія, при сборѣ, прикосновенія кожи съ молодымъ лакомъ, обладающимъ ядовитыми свойствами, работники намазываютъ лицо и руки слоемъ масла.

На лѣвомъ же берегу рѣки и на обоихъ берегахъ главныхъ ея притоковъ устроиваютъ, предпочтительно, свои верфи подрячики по постройкамъ и плотники Іеддо, и обдѣлываютъ въ бревна, планки и доски стволы деревьевъ, привозимыхъ изнутри острова. Тамошніе лѣса обладаютъ неистощимымъ богатствомъ строительнаго лѣса, каковы, напримѣръ, дубъ, достигающій въ Японіи громадной высоты; ель, представляющая здѣсь до сорока видовъ; кедръ, *cryptomeria*, туземной породы сосна, замѣчательная своимъ разнообразіемъ, какъ можно судить по замѣткамъ сэра Рутерфорда Алькока; наконецъ коричневое и черное дерево, употребляющіяся въ роскошной столярной работѣ и на мелкую гостинную мебель.

Счастье для японцевъ, что народныя повѣрья развили въ нихъ любовь къ сельской жизни и особое уваженіе къ растительнымъ богатствамъ, которыми ихъ страна изобилуетъ.

Надобно отдать имъ справедливость: они умѣли какъ нельзя болѣе поддерживать до сихъ поръ главный источникъ своего народнаго богатства.

ГЛАВА LII.

ОДЖИ-ИНАРИ.

Фруктовые сады Оджи-Инари.— Празднество дня въ честь лисицы. — Японскій Рейнеке-фуксъ. — Буржуазные пикники. — Значеніе буддистскаго духовенства.

Изъ всѣхъ мѣстъ гуляній на предмѣстьѣ, въ которыхъ соединено пріятное съ полезнымъ и священное съ смѣшнымъ, наибольшею благосклонностью горожанъ пользуются парки и фруктовые сады Оджи-Инари. Они расположены при устьѣ горнаго ущелья, откуда стремится каскадами небольшая рѣчка и потомъ граціозно извивается по долинѣ. Повыше ея прозрачныхъ водъ высятся и тянутся галереи и павильоны чайнаго дома, такъ что вы разомъ можете наслаждаться и прохладой воды, и тѣнью высокихъ деревьевъ, окружающихъ заведеніе. Залы для посѣтителей, веранды, дыновки, ставни, содержатся въ ослѣпительной чистотѣ; все подается изящно и просто. Съ различными пунктами мѣстности соединяются историческія воспоминанія: охотничій замокъ сіогуновъ занималъ нѣкогда вершину сосѣдняго холма, откуда открывается обширный видъ на поля, орошенныя Сумидагавой; нѣсколько далѣе, въ глубокой долинѣ, показываютъ храмъ, посвященный Гіэйясу, который былъ его основателемъ, и чудотворный ключъ, падающій съ высокой скалистой стѣны. Онъ находится подъ покровительствомъ каменнаго идола, къ которому возсылаютъ мольбы посѣтители Оджи, когда, подъ

вліяніемъ паровъ саки, они становятся подъ ключь, чтобы вкусить благотворныя послѣдствія этого натуральнаго духа. Въ мѣстечкахъ, расположенныхъ на равнинѣ, множество лавокъ и ярмарочныхъ скамеекъ выставляютъ на продажу, на выборъ посѣтителей и дѣтей ихъ, всякія рѣдкости и мелочи мѣстной индустріи: такъ какъ извѣстно, что семейство буржуа считаютъ деревенскую прогулку не въ прогулку, если не принесутъ домой чего нибудь на память о деревенскихъ рынкахъ.

Впрочемъ, все это представляетъ пока второстепенный интересъ.

Сокровенная причина славы, которою они пользуются, заключается въ томъ, что они изстари считаются состоящими подъ покровительствомъ матушки-Китсне, т. е. лисицы, которая дѣйствительно оказываетъ имъ свое особенное покровительство.

Маленькая часовня въ честь лисицы, украшенная множествомъ приношеній, стоитъ въ концѣ аллеи, на которой поставлены выкрашенные красною краской столбы. Послѣдніе находятся въ разстояніи прыжка лисицы одинъ отъ другаго и имѣютъ высоту не болѣе человѣческаго роста. Дорога здѣсь гориста, извилиста и завалена корнями сосенъ священной рощи. Съ большими предосторожностями, наклонивъ голову, приходится вскарабкиваться на нихъ. Въ такой согбенной позитурѣ путникъ достигаетъ площадки священнаго мѣста. Тутъ ему нужно пройдти между двумя гранитными статуями, изображающими лисицъ, сидящихъ съ поднятыми хвостами и вздернутыми мордами; косвенные взгляды ихъ слѣдятъ за каждымъ приближающимся къ святынѣ. Вѣрующіе почтительно преклоняются, совершаютъ омовенія, бросаютъ въ древесный стволъ деньги и становятся на колѣни чтобы помолиться на ступеняхъ часовни.

Особенно многочисленная толпа посѣщаетъ сады и холмы Оджи-Инари въ семнадцатый день перваго мѣсяца. Вдали, на болотѣ, виднѣется большое дерево, вокругъ котораго, какъ полагаютъ, празднуется ежегодно шабашъ лисицъ. Публика съ любопытствомъ разспрашиваетъ людей, утверждающихъ, что они видѣли, какъ прибѣгали сюда лисицы, причемъ впереди каждой несся одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ блуждающихъ огней, которые всегда предоставляются духами рисовыхъ плантацій въ распоряженіе лисьей компаніи. Судя по разсказамъ очевидцевъ касательно характера празднества, величины сборища лисицъ и большаго или меньшаго съ ихъ стороны веселья, публика дѣлаетъ соображенія о начинающемся годѣ и изобиліи обѣщаемой имъ жатвы. Затѣмъ усаживаются вокругъ очага въ комнатахъ чайныхъ домовъ, и тихимъ голосомъ принимаются толковать о вліяніи Китсне на дѣла здѣшняго міра. Что такое удача? Что значитъ случай? Что такое хорошее или дурное счастіе? — Слова, лишенныя смысла! И однакожъ, подъ этими словами скрывается нѣчто, чаще всего суевѣріе, ибо всякій разъ, когда человѣкъ произноситъ ихъ, то его вызываютъ къ тому особенныя обстоятельства, словомъ, — вліяніе лисицы, которая, по мнѣнію японцевъ, вмѣшивается во все.

— Со мною случилось несчастіе, говоритъ одинъ изъ собесѣдниковъ: — я потерялъ ребенка. Докторъ не могъ опредѣлить что у него болитъ. Между тѣмъ, какъ мать плакала въ отчаяніи, стоявшая около трупа лампа на далекое пространство бросала тѣнь бѣдной женщины. Всѣ присутствовавшіе въ печальной комнатѣ могли видѣть, что эта тѣнь принимала на стѣнѣ образъ лисицы.

— Ну, а если, напримѣръ, поговорить о путешественникахъ, — продолжаетъ другой — Какъ часто приходится имъ бродить по рисовымъ полямъ, слѣдуя обманчивымъ указаніямъ блуждающихъ огней, которые Китсне можетъ заставить носиться по своему усмотрѣнію.

— А охотники? Какихъ только штукъ не выдѣлывала надъ ними Китсне! Если случалось даже, что какой нибудь ловкій стрѣлокъ рѣшался мстить, онъ могъ только съ досадою видѣть, какъ лисица убѣгала въ припрыжку, унося во рту пущенную имъ въ нее стрѣлу.

Японскія лѣтописи свидѣтельствуютъ, что Китсне имѣетъ способность принимать различный видъ. Когда, царствовавшій въ 1150 году, микадо принужденъ былъ, вслѣдствіе горькой необходимости, отпустить свою фаворитку, чтобы спасти финансы имперіи отъ совершеннаго разоренія, эта прекрасная дама выскочила изъ его комнаты въ видѣ бѣлой лисицы, украшенной шестью хвостами наподобіе вѣера. Съ другой стороны, разсказываютъ о не менѣе необыкновенныхъ случаяхъ похищенія молодыхъ дѣвушекъ, большая часть которыхъ никогда уже болѣе не возвращалась, а другія, вернувшись, замазывали своимъ родителямъ ротъ, однимъ словомъ: Китсне! Китсне (Лисица)!

Когда ей придетъ въ голову превратиться въ стараго бонза, тогда она всего опаснѣе. Есть впрочемъ средство ее перехитрить. Господинъ Китсне, не взирая ни на какое превращеніе, никогда не остается безчувственнымъ къ соблазнамъ обонянія. Стоитъ положить по дорогѣ мнимаго жреца только что изжаренную крысу, и онъ тотчасъ же забудетъ свою роль, чтобы броситься на добычу, не заботясь болѣе ни о чемъ.

Этимъ-то именно знаніемъ слабой стороны и пользуются ямабосы, или жрецы горъ, чтобы держать лисицу всегда въ отдаленіи.

Ямабосамъ, или горнымъ бонзамъ, удается вообще держать лисицу подальше отъ себя. За то тѣмъ болѣе приходится имъ быть на сторожѣ во избѣжаніе какого нибудь сюрприза. Если лисицѣ удастся открыть ихъ бочку саки, то бѣда тому, кто попробуетъ смѣси, которую она оставитъ въ бочкѣ! Именно, вслѣдствіе такого обстоятельства, многіе весьма почтенные ямабосы сдѣлались посмѣшищемъ народа. Нѣсколькихъ чашекъ было достаточно, чтобы вскружить имъ головы. Сбросивъ съ себя одежду, крича и жестикулируя, какъ бѣшеные, они пускались въ самую необыкновенную пляску. Неподалеку, двѣ лисицы скакали съ ними въ тактъ, причемъ одна свистала въ священную раковину, а другая помахивала кропиломъ несчастныхъ заколдованныхъ бонзъ. Разсказываютъ также, что сельскіе жители, засыпая на откосахъ рисовыхъ полей, рискуютъ попасть въ сѣти Китсне, которая, по своему произволу, лишаетъ ихъ способности владѣть членами или свободы движеній.

Такимъ образомъ, какъ видитъ читатель, у японцевъ существуетъ своя поэма о Лисицѣ, своя легенда о Рейнеке-Лисѣ. Японскій народъ поѣтъ надъ героемъ поэмы и боится его. Въ разныхъ исторіяхъ Китсне является то священною, то шутливою, то коварною и дьявольскою личностью. По утрамъ ей поклоняются, по вечерамъ смѣются надъ нею. Однако, терпя насмѣшки, она только обдумываетъ, какъ бы получше отмстить за нихъ. Пусть, напримѣръ, кто нибудь попробуетъ во время семейнаго праздника или многолюднаго банкета позабавиться на ея счетъ и разрушить ея терпѣніе. Находись здѣсь лисица, — она вскорѣ одурманитъ всѣхъ, и ночью непремѣнно усѣетъ полъ своими обидчиками. Дружеская вечерняя компанія обыкновенно начинается съ игры, повидимому очень невинной, похожей на италіянскую игру пальцами (mourre) и сопровождаемой пѣніемъ и хлопаньемъ въ ладоши. Играющіе послѣдовательно принимаютъ три позы: сперва поднимаютъ руки и, полуоткрывъ ладони, держатъ ихъ наподобіе щитковъ около ушей; потомъ сжимаютъ кулаки и протягиваютъ руки впередъ; наконецъ, открывъ ладони, кладутъ ихъ себѣ на колѣни. Это называется ролями лисицы, ружья и якунинца. Лисица уступаетъ ружью, потому что ружье убиваетъ ее; ружье уступаетъ якунину, потому что послѣдній долженъ умѣть защищаться. Наконецъ, якунинъ уступаетъ лисицѣ, потому что матушка-Китсне самое хитрое существо въ мірѣ. Проигравшая сторона обязана выпить чашку саки.

Понятно, что при подобнаго рода наказаніи игра все болѣе и болѣе оживляется. Наконецъ нѣкоторые члены компаніи начинаютъ находить и ее слишкомъ вялою. Одинъ изъ нихъ встаетъ и, при одобрительныхъ крикахъ общества, отправляется за длинною веревкой, устраиваетъ на ней петлю, беретъ ее за одинъ конецъ и передаетъ другой товарищу, который натягиваетъ веревку на сколько возможно это сдѣлать, не затянувъ петли. Позади послѣдней ставятъ маленькую скамейку, на которую кладутъ то, что называется «крысою», т. е. колпакъ, чашку или вообще какой нибудь предметъ, который лисица должна схватить, не попадаясь въ петлю. Если охранители «крысы» слишкомъ рано или черезчуръ поздно затянутъ находящуюся въ ихъ рукахъ петлю, то уплата штрафа падаетъ на нихъ. Если же лисица будетъ поймана, хотя даже за кончикъ пальца, то на ея счетъ каждый предается самымъ торжественнымъ возліяніямъ въ продолженіе всего времени, въ которое кавалерамъ и дамамъ компаніи заблагоразсудится держать ее въ плѣну.

Въ такомъ случаѣ обычные рессурсы музыки и мимики недостаточны для выраженія восторга общества. Два или одинъ самсинъ оставляютъ въ рукахъ дамъ, а остальные опрокидываютъ на полъ чтобы барабанить палочками по ихъ звонкой задней доскѣ; звонятъ стаканами и фарфоровыми чашками, на манеръ колоколовъ, примѣшиваютъ къ рѣзкому голосу пѣвицъ всякаго рода звуки, въ подражаніе крику животныхъ; долгоногіе гости провожаютъ злополучную лисицу пинками; другіе подставляютъ ей ноги. Китсне, изъ своего темнаго закоулка, смотритъ на всѣ подробности вакхической сцены и подплясываетъ отъ удовольствія, но мѣрѣ того какъ оргія достигаетъ своего пароксизма.

Несравненно лучше этихъ безумныхъ увеселеній, скромные буржуазные пикники, театромъ которыхъ служитъ предмѣстье въ теченіе всего хорошаго времени года.

Нѣсколько семействъ сговариваются провести вечеръ гдѣ нибудь въ деревнѣ, на тѣнистыхъ холмахъ, окружающихъ заливъ, или въ обширныхъ фруктовыхъ садахъ, съ которыхъ открывается видъ на Фузи-Яма. Впередъ отправляютъ коскенсовъ, которые, въ назначенномъ мѣстѣ, огораживаютъ небольшое пространство кольями, развѣшиваютъ на нихъ длинные куски матеріи, и застилаютъ внутренность цыновками; кругомъ разставляютъ жаровни, самовары для чаю, и маленькіе очаги для жаренья рыбы. Общество съѣзжается, дамы принимаются за дѣло, развязываютъ и разставляютъ

провизію, и сельскій праздникъ начинается, оканчиваясь лишь съ захожденіемъ солнца. Игры, пѣніе и музыка оживляютъ дессертъ; иногда на эти празднества приглашаютъ искусныхъ музыкантшъ и странствующихъ танцовщицъ, спеціально занимающихся исполненіемъ пантомимъ, позъ и характерныхъ танцевъ. Одна изъ лучшихъ пантомимъ—это, такъ называемый, танецъ опахалъ, исполняемый молоденькой дѣвушкой, одѣтой пажемъ.

Кромѣ того, у японцевъ въ большомъ употребленіи національные танцы, занимающіе не послѣднее мѣсто на сельскихъ празднествахъ. Въ нихъ участвуютъ обыкновенно только дамы. Онѣ становятся въ кадриль и каждая, не сходя съ мѣста, дѣлаетъ разныя тѣлодвиженія, принимаетъ граціозныя позы, покачиваетъ бедрами, наклоняетъ голову и разводитъ руками: все это не лишено своего рода граціи и изящества, но только чрезвычайно однообразно.

Мужчины не пускаются въ танцы, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда имъ придетъ въ голову сыграть въ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ какую нибудь смѣшную шутку, слагающуюся у нихъ въ умѣ подъ вліяніемъ саки; иногда они принимаютъ также участіе въ танцахъ въ время послѣдняго общаго ронда которымъ обыкновенно заканчиваются сельскія празднества. Отцы семействъ сажаютъ меньшихъ дѣтей на плеча, дѣвочки подаютъ другъ другу руки, молодыя дѣвушки остаются въ сторонѣ, и танецъ начинается въ слѣдующемъ порядкѣ: старшіе идутъ впереди, опираясь на палки; за ними дѣти, кружась и прыгая какъ попало, и всѣ, схватившись за руки, дѣлаютъ въ тактъ круговое движеніе вокругъ остатковъ пиршества.

Обычай кружиться вокругъ праздничныхъ столовъ примѣняется въ Японіи чрезвычайно разнообразно и отличается древностью происхожденія, какъ это видно изъ пѣсень знаменитаго японскаго поэта Дайнагонъ Ootomo, умершаго въ 731 году. Поэтъ, описывая пикникъ, между прочемъ воспѣваетъ національное саки и сладкое вино Осака въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Скажите, кто былъ мудрецъ, придумавшій назвать вино священнымъ напиткомъ? Онъ сказалъ чистѣйшую истину, ибо — есть ли на свѣтѣ что нибудь драгоцѣннѣе вина. Еслибъ я не былъ созданъ человѣкомъ, я бы желалъ быть виннымъ боченкомъ.»

Не одни сельскія празднества и увеселенія влекутъ японскаго жителя въ уединенныя мѣста Инаки: — предмѣстье, само по себѣ, имѣетъ для него чарующую прелесть. Онъ исходилъ его по всѣмъ направленіямъ, во всѣ времена года; онъ знаетъ всѣ его особенности, всѣ достопримѣчательности, всѣ мѣстные рынки, всѣ ярмарки, на которыхъ запасается обыкновенно необходимыми принадлежностями для своего хозяйства. Здѣсь онъ каждый годъ входитъ въ состязаніе со всѣми продавцами столицы, которые собираются на ярмаркахъ, въ назначенные сроки, для производства аукціонной продажи овощей, рису, плодовъ и угольевъ. Удовлетворивъ такимъ образомъ своему меркантильному духу, онъ отдается вполнѣ созерцанію красотъ природы.

Онъ любитъ смотрѣть на старый кедръ, на которомъ когда-то вырѣзалъ начальныя буквы своего имени, и число, когда въ первый разъ посѣтилъ его. Онъ знаетъ, что неподалеку здѣсь есть другой древнѣйшій кедръ, выращенный, по увѣренію бонзъ, самимъ Ками. Въ развѣтвленіи этого кедра находится резервуаръ съ чудесною водою, обладающею свойствомъ исцѣлять нѣкоторыя болѣзни; изъ него пьютъ воду, маленькими глотками, черезъ бамбуковую трость, привѣшенную къ длинной жерди, и хотя городскіе жители слушаютъ, съ улыбкой недовѣрія, разсказъ о чудесномъ резервуарѣ, тѣмъ не менѣе сами пьютъ изъ него воду. Онъ знаетъ, кромѣ того, часъ, въ которой бьетъ перемежающійся источникъ; когда святой отшельникъ, неизвѣстно почему, считающій себя причастнымъ чуду, угощаетъ изъ него посѣтителей за извѣстную плату. Впрочемъ, горожанинъ предпочитаетъ лучше вознаграждать промышленность бонзъ, занимающихся пчеловодствомъ, и охотно лакомиться душистыми сотами, которые бонзы снимаютъ съ деревьевъ своихъ священныхъ садовъ. Нѣкоторые бонзы занимаются разведеніемъ дичи, другіе — воспитаніемъ красныхъ, золотыхъ или серебряныхъ рыбокъ, которыхъ потомъ продаютъ любителямъ для акваріумовъ, также какъ жирныхъ карповъ и китайскихъ гурами, составляющихъ необходимую принадлежность каждаго изысканнаго обѣда. Нѣкоторые братства монашескихъ орденовъ занимаются выращиваніемъ черепахъ и утокъ-мандаринокъ, другіе приготовленіемъ конфектъ. Каждый монастырь, храмъ, каждая часовня предмѣстья отличаются какою нибудь болѣе или менѣе замѣчательною особенностью. Здѣсь вы видите группу пальмовыхъ, банановыхъ или бамбуковыхъ деревьевъ необыкновенной величины; тамъ вѣчно зеленые дубы, или вишневыя, сливовыя и грушевыя деревья съ махровыми цвѣтами; въ другомъ мѣстѣ красные или бѣлые лотусы, заборы изъ буковаго дерева или изъ грабины, деревья карлики, клумбы съ гигантскими цвѣтами и возвышенія наподобіе Фузи-Яма, куда допускаются посѣтители только по извѣстнымъ годовымъ праздникамъ.

Другіе холмы, на которыхъ рукою человѣка насажены прекрасныя деревья, отличаются раз-

ными достопримѣчательностями: съ одного открывается великолѣпный видъ на соколиную царскую охоту; другой возвышается надъ какимъ нибудь знаменитымъ полемъ сраженія; нѣкоторые покрыты погребальными памятниками, красиво расположенными въ видѣ террасъ. Одно изъ такихъ кладбищъ исключительно посвящено усопшимъ, отличившимся на поприщѣ литературы или науки.

При входѣ въ равнины или при въѣздѣ въ селенія часто попадаются огромные камни — памятники, напоминающіе какое нибудь историческое событіе, и еще чаще, — маленькія часовни, воздвигнутыя въ честь героевъ, участвовавшихъ въ войнахъ за династію Гіейясовъ. Буддизмъ наложилъ свою печать на всѣ мѣста, заслуживающія вниманія посѣтителей: не осталось ни одного грота, въ которомъ не было бы своего идола или божка; ни одного озера, гдѣ не выходило бы изъ воды возвышенья съ маленькимъ храмомъ, посвященнымъ Бентену.

Говорятъ, что религія бонзъ, опутавъ своею сѣтью японскія селенія, оказала много услугъ обществу. Не разъ являлась она заступницей своихъ послѣдователей и клієнтовъ въ средѣ политическихъ партій, и часто служила оплотомъ противъ опустошительныхъ гражданскихъ войнъ. Ей же обязаны нѣкоторыя области своей богатою культурой. Повсюду, подъ ея покровомъ, сберегались лѣса, и, своими благочестивыми памятниками, она способствовала возвышенію естественныхъ красотъ Ниппона.

Но какъ бы ни были велики заслуги бонзъ, наступитъ день, когда они будутъ имѣть лишь историческое значеніе. Когда падетъ владычество варваровъ, существованіе монашества не будетъ имѣть болѣе смысла, и когда земля сдѣлается собственностью рабочаго класса, сельское населеніе Іеддо конечно не пожалѣетъ о господствѣ бонзъ. Въ настоящемъ ихъ видѣ окрестныя селенія Іеддо возбуждаютъ чувство удивленія, соединеннаго съ грустью. Когда передо мной проносится великолѣпная картина заходящаго солнца и роскошныхъ садовъ, позлащенныхъ его послѣдними лучами, бамбуковыхъ боскетовъ и полей, покрытыхъ рисомъ; когда я вижу вдали сверкающую бухту, или вѣчные снѣга огнедышущихъ горъ:—эти грандіозныя картины связываются какимъ-то образомъ въ моемъ умѣ съ монотоннымъ барабаннымъ боемъ бонзерій и съ нищетою сельскихъ жителей. Подъ прекраснымъ небомъ Ниппона дѣла рукъ человѣческихъ представляютъ печальный контрастъ съ дѣлами Творца. Среди этой величественной природы, естественно было бы встрѣчать красивыя деревеньки и изящныя виллы на зеленѣющихъ холмахъ и въ плодородныхъ долинахъ; между тѣмъ, на дѣлѣ, мы видимъ совершенно противуположное. Политическія учрежденія Японской имперіи осуждаютъ земледѣльца на существованіе въ жалкихъ хижинахъ и не позволяютъ ни ремесленнику, ни даже богатому негоціанту выходить за черту города; они держатъ людей привиллегированной касты въ заключеніи за высокими стѣнами своихъ казармъ и крѣпостей. Что касается духовныхъ заведеній, они попадаются на каждомъ шагу, въ городахъ и въ окрестностяхъ, являя повсюду свои погребальные холмы и мрачныя монастырскія кельи. Длинный рядъ монастырей и дворцовъ, омрачающій столицу и ея роскошныя окрестности, представляетъ ту неподвижную рамку, въ которой заключена обветшалая, соціальная организація, отжившая свой вѣкъ. Нечаянно европейцевъ пробили въ ней брешь. Она рушится сама собой, вслѣдствіе внутренняго разложенія, потому что была основана на началахъ, не соотвѣтствующихъ требованіямъ человѣчности, и потому, что духъ времени коснулся ея! Въ настоящее время эта организація представляетъ только безпорядокъ и разрушеніе: крупные и мелкіе дайміосы, микадо и тайкуны, гатамотосы, главный жрецъ Кіото, первосвященникъ буддизма, — весь этотъ властвующій міръ, ведетъ между собою ожесточенную борьбу.

Народъ присутствуетъ въ качествѣ простыхъ зрителей при этой борьбѣ, которая мало до него касается. Онъ предоставляетъ людямъ съ двумя саблями покончить какъ имъ угодно свои ссоры, и не догадывается пока, что наступитъ день, когда его собственное вмѣшательство, или лучше — его собственное значеніе, будетъ главнымъ условіемъ въ разрѣшеніи проблемъ, возбужденныхъ вокругъ него.

ГЛАВА LIII.

КАНУНЪ НОВАГО ГОДА ВЪ ІЕДДО.

Украшеніе домовъ. — Появленіе на улицахъ скомороховъ. — Маскированіе. — Домашнія приготовленія. — Праздникъ пивоваровъ.

6-го февраля 1860 г., наканунѣ японскаго новаго года, я вторично прибылъ въ Іеддо: на голландскомъ суднѣ *Джамби*, для того чтобы присутствовать, вмѣстѣ съ депутатами отъ тайкану при подписи швейцарскаго договора. Кромѣ членовъ миссіи, на церемоніи находились нѣкоторые изъ моихъ хорошихъ знакомыхъ, между прочимъ г. Польсброкъ, представитель Нидерландовъ, капитанъ корабля Куріо-дю Кили, и командиръ адмиральскаго корабля французской эскадры «Семирамида.»

Танецъ священниковъ Оджи-Гонхенъ.

Народъ толпился въ Джооджи, какъ въ какомъ нибудь отелѣ альпійскихъ горъ въ прекрасный лѣтній вечеръ. Погода была великолѣпная, общество какъ нельзя лучше расположено; изъ Замка къ намъ послали для проформы нѣсколькихъ якунинцевъ, предоставившихъ намъ полную свободу распологать нашимъ временемъ какъ угодно. Въ тотъ же вечеръ было устроено гулянье на лошадяхъ и пѣшкомъ, и сдѣланы распоряженія на слѣдующіе дни.

Во всѣхъ кварталахъ столицы жители оканчивали праздничныя приготовленія къ новому году. Они вымыли и вычистили внутренность домовъ и поставили вверхъ дномъ все свое небольшое хозяйство. Тротуары были завалены цыновками, ширмами, столами, бронзовой и фарфоровой посудою, которую хозяева спѣшили убирать по мѣстамъ. Въ богатыхъ домахъ черная работа доставалась

на долю куліевъ, оканчивавшихъ ее съ шумными и уморительными изъявленіями радости: они то приплясывали на тубаретахъ, то скатывались кубаремъ съ лѣстницъ, то подбрасывали на рукахъ своихъ товарищей, если замѣчали, что тѣ худо исполняютъ свое дѣло.

Передъ дверьми нѣкоторыхъ домовъ, по обѣимъ сторонамъ входа, воткнуты были сосновыя или бамбуковыя деревья, съ верхушками, связанными между собою гирляндами изъ рисовой соломы, обвѣшанными красными лѣсными ягодами и апельсинами, и перевитыми длинными лентами изъ золотой и серебряной бумаги. По стѣнамъ, по галлереямъ и по крышамъ домовъ вились веревки съ длинной соломенной бахромой, въ перемежку съ маленькими сосновыми вѣтками и листьями папоротника. Этого рода украшенія виднѣлись повсюду, на лавочкахъ, на тори, на городскихъ воротахъ, на фонаряхъ и колодцахъ, на ведрахъ носильщиковъ, на шляпахъ флейтистовъ, барабанщиковъ, гитаристовъ и уличныхъ плясуновъ.

Въ этотъ день плотники устанавливаютъ балки на крышахъ строющихся домовъ, а другіе мастеровые сдаютъ свои работы владѣльцу дома. Послѣдній утроиваетъ эстраду на вершинѣ зданія и развѣшиваетъ на ней двойной рядъ флаговъ изъ цвѣтной бумаги, три большихъ и три маленькихъ флага; на первыхъ трехъ висятъ длинныя шелковыя ленты и пряди волосъ. Направо и налѣво, двѣ большія священныя стрѣлы привѣшены, на крестъ, къ саженной жерди, укрѣпленной въ фундаментѣ, а позади ихъ драпируется кусокъ матеріи съ гербами, обозначающими чинъ и фамилію владѣльца дома. Жена его занята приготовленіями приношеній домашнимъ богамъ-покровителямъ; приношенія состоятъ обыкновенно изъ классическаго куска сушеной рыбы, полдюжины рисовыхъ хлѣбовъ, четырехъ бутылокъ саки и двухъ ящиковъ, наполненныхъ яйцами шелковичныхъ червей: все это расположено на маленькихъ столикахъ, у подножія эстрады. Къ довершенію торжества, главный служитель становится на вершину, и кидаетъ оттуда маленькіе рисовые шарики въ толпу проходящаго народа.

Цѣлыя массы пріѣзжихъ стекаются въ Іеддо изъ окрестныхъ городовъ и деревень. Крестьяне ведутъ лошадей, тяжело навьюченныхъ сосновыми и бамбуковыми деревьями; крестьянки идутъ за покупками. Мужчины и женщины, завязавъ свой багажъ въ шелковой платокъ или въ промасленую бумагу, несутъ его на головахъ; зонтикъ на перевязи довершаетъ ихъ дорожный костюмъ. Съ своей стороны, хлѣбопашецъ, запасшись новыми амулетами для огражденія своихъ рисовыхъ полей отъ навожденія злаго духа, и накупивъ дѣтямъ, такъ называемыхъ, деревьевъ счастья, способствующихъ ихъ благоденствію, мирно возвращается домой. Эти деревья — ничто иное какъ большія вѣтки плакучей ивы, къ сучьямъ которыхъ привязано множество разныхъ разностей: конфектъ, игральныхъ костей, стеклянныхъ вещицъ, масокъ и металлическихъ пластинокъ, изображающихъ деньги. На улицахъ и площадяхъ пріѣзжіе кущы соперничаютъ съ туземными торговцами. Продавцы игрушекъ оглушаютъ шумомъ своихъ трубъ, свистковъ и барабановъ; разносщики масокъ и опахалъ стараются расположить эти предметы въ видѣ какихъ-то фантастическихъ трофеевъ. Продавцы маленькихъ красныхъ фонарей разносятъ ихъ огромными массами, на гибкихъ длинныхъ вѣтвяхъ, которыя они покачиваютъ высоко надъ головой. На каждомъ шагу попадаются мальчики изъ магазиновъ или слуги изъ хорошихъ домовъ, съ различными покупками, красиво уложенными въ изящныхъ лаковыхъ ящикахъ, или на гридонахъ, покрытыхъ вышитой шелковой тканью. Иногда покупки несутъ на носилкахъ, обтянутыхъ роскошной матеріей съ гербомъ владѣльца.

Къ обыкновеннымъ ежедневнымъ скоморохамъ присоединяются въ этотъ день маски, гаеры, паяцы и наряженые. Вотъ, подъ обширнымъ креповымъ балдахиномъ идутъ четыре бонза, выплясывающіе время отъ времени, подъ этимъ походнымъ кровомъ, свои священныя антраша. Рядомъ съ ними, поетъ и пляшетъ, подъ звуки барабана, сопровождающаго его шута, уморительный сборщикъ милостыни, въ костюмѣ священниковъ секты Ками. По японскому обычаю, ему и его шуту подаютъ полную чашку рисовыхъ зеренъ, на верху которыхъ положена монета *темно*. Шутъ опускаетъ монету въ длинный кошелекъ, привязанный къ поясу, а рисъ всыпаетъ въ висящій за плечами мѣшокъ.

Является другое шутовское лицо, въ сопровожденіи музыкантовъ. Этотъ машетъ вѣеромъ и развѣвающимися въ рукахъ его флагами, причется за маской Гійо-Токо, появляется въ фантастической прическѣ, и скачетъ до упаду, въ пользу вспомогательной кассы для бѣдныхъ каменщиковъ.

Между всѣмъ этимъ пестрымъ людомъ, нарядившимся, для собственнаго удовольствія, въ фантастическіе токи и маски съ длиннѣйшими птичьими носами, наталкиваешься на каждомъ шагу на коссенсовъ и слугъ мелкой буржуазіи, которые тоже разодѣты по своему: на головѣ у нихъ шапка изъ зеленой бумаги, имѣющая форму усѣченнаго конуса, которая закрываетъ почти все лицо, а спереди подвязанъ — бѣлый фартукъ, вышитый краснымъ шелкомъ, какими-то символическими знаками.

Въ этомъ костюмѣ они расхаживаютъ отъ одной двери къ другой, поютъ и пляшутъ, выбивая тактъ двумя бамбуковыми тросточками, которыми ударяютъ одна о другую. Деньги, собранныя такимъ образомъ наряженными, тратятся тутъ же на различныя праздничныя удовольствія. Для нихъ открыты въ эти дни всѣ чайные дома безъ исключенія. Правда, что содержатели лучшихъ изъ нихъ, подъ предлогомъ утонченной любезности, уводятъ наряженныхъ въ отдаленныя комнаты, и даже вводятъ въ святилища своего семейнаго алтаря, чтобы избѣжать неприличнаго столкновенія господъ съ служителями въ общихъ залахъ.

Впрочемъ, послѣдніе дни стараго года не исключительно посвящены народнымъ удовольствіямъ: 30 число послѣдняго мѣсяца есть роковое число срочныхъ платежей. Хозяева ремесленныхъ заведеній, лавочники, семейные люди, вообще всѣ занимающіеся денежными дѣлами, спѣшатъ свести счеты и окончить свои дѣла, чтобы, по общепринятому въ Японіи правилу, долги не перешли неуплаченными на новый годъ. Только по окончаніи этихъ разнообразныхъ дѣлъ, отецъ семейства отправляется съ нѣсколькими пріятелями въ какой нибудь ближайшій ресторанъ, и, по возвращеніи оттуда, принимаетъ участіе въ веселыхъ праздничныхъ приготовленіяхъ своей жены и дѣтей.

Въ Японіи, на новый годъ, принято убирать весь домъ цвѣтами. Для этого садовники выращиваютъ, въ горшкахъ изъ толстаго фарфора, особенныя, такъ называемыя, «сливовыя деревья карлики», украшенныя пышнымъ махровымъ цвѣтомъ. Японцы вполнѣ усвоили себѣ искусство измельченія растеній: они даютъ имъ ровно столько свѣта, земли и солнца, сколько нужно для произведенія деревца-лилипута. Страсть японцевъ къ этому роду растеній отразилась даже на дѣтскихъ игрушкахъ: въ игрушечныхъ лавкахъ можно найдти множество подражаній, въ миніатюрѣ, деревьямъ-карликамъ. Ихъ всегда изображаютъ осыпанными махровыми цвѣтами, сдѣланными изъ тонкой бумаги. Обманъ доведенъ до совершенства: всѣ мельчайшія подробности соблюдены, маленькія деревянныя вазы, покрытыя глассированной папье-маше, въ которыхъ стоятъ фальшивые цвѣты, до такой степени хорошо поддѣланы подъ настоящій фарфоръ, что ихъ почти невозможно отличить отъ настоящихъ. Дѣвочки любятъ играть этими деревьями во время своихъ дѣтскихъ игръ, и всегда употребляютъ ихъ на праздникѣ куколъ. Онѣ часто привязываютъ къ поддѣльнымъ цвѣтамъ маленькія металлическія пластинки, отъ которыхъ тѣ принимаютъ еще болѣе блестящій и нарядный видъ.

Разныя печенья изъ рисоваго тѣста играютъ не маловажную роль въ безчисленныхъ приготовленіяхъ къ новому году. Въ домахъ средняго сословія свято соблюдается старинный обычай устанавливать столы огромнымъ запасомъ разныхъ кушаньевъ, пироговъ и рисовыхъ хлѣбовъ, для работниковъ, прикащиковъ и домашней прислуги, а также для раздачи подарковъ между близкими друзьями и родственниками. Во всѣхъ домахъ кухни наполняются хлѣбопеками и ихъ подмастерьями, раздѣтыми до пояса, которые только и знаютъ, что мѣсятъ, сажаютъ и вынимаютъ пироги изъ печи. Тѣсто мѣсятъ, обыкновенно, въ деревянныхъ ступахъ, и горе тому, у кого пестикъ пристанетъ къ тѣсту: его засмѣютъ товарищи! Точно въ такихъ же ступахъ толкутъ рисъ для муки. Для этого въ Японіи существуютъ особые, такъ называемые, толкачи, которые спеціально занимаются этимъ дѣломъ. Они часто попадаются на улицахъ съ пестикомъ и ступой въ рукахъ, вертя послѣднюю, какъ маленькій боченокъ, передъ глазами. Канунъ новаго года — самый тяжелый для нихъ день, такъ какъ во всѣхъ хозяйствахъ спѣшатъ натолочь столько рису, чтобы хватило до новаго сбора въ октябрѣ.

Въ небольшихъ хозяйствахъ стараются обойтись въ этомъ случаѣ безъ найма. Если и прибѣгаютъ къ помощи сосѣдей, то это всегда бываетъ обоюдно. Нерѣдко можно видѣть за одной ступой съ рисомъ три поколѣнія одного и того же семейства. Дѣдъ, или бабушка, ихъ старшая дочь и внучка, собираются вмѣстѣ, толкутъ рисъ, и, для оживленія работы, подпѣваютъ вполголоса какую нибудь старинную пѣсенку.

Около береговъ Ниппонъ-Басси гулъ отъ огромнаго стеченія народа свидѣтельствуетъ о близости большихъ пивоварень, гдѣ варятъ рисовое пиво, и доковъ, откуда его отправляютъ большими массами въ боченкахъ, на барки, скользящія по всѣмъ направленіямъ канала Сити. Каждый боченокъ обернутъ цыновкой съ обозначеніемъ фабрики и имени хозяина, и крѣпко стянутъ соломенными веревками. На улицахъ попадаются толпы куліевъ, быстро уносящихъ на бамбуковыхъ палкахъ особаго рода боченки съ ушками, въ родѣ ведеръ, которые также крѣпко упакованы. На небольшомъ разстояніи пиво переносятъ просто въ ведрахъ, въ кадочкахъ, въ боченкахъ безъ верху, или въ большихъ кувшинахъ синяго фарфора, рискуя конечно расплескать при этомъ пиво въ шумной толпѣ народа, приливающей со всѣхъ сторонъ на громкія крики: *«саки»!* Это послѣдній крикъ, и послѣднее лучшее саки въ году.

Миріады ведеръ, боченковъ, фарфоровыхъ кувшиновъ и кружекъ навалены грудами въ разныхъ углахъ улицы, предоставленные на произволъ общественной добросовѣстности; хозяева ихъ толпятся въ это время на обширныхъ пивоваренныхъ дворахъ, гдѣ продаютъ съ аукціона, въ большихъ и малыхъ размѣрахъ, пиво новой варки. Купленное саки тотчасъ переливаютъ и даютъ на руки куліямъ, оставляя ихъ дѣйствовать и поступать по собственному усмотрѣнію и пробираться, какъ знаютъ, сквозь густыя толпы своихъ собратій.

Тамъ и сямъ полицейскіе, разставленные по тротуарамъ, стараются криками и угрозами пріостановить давку; если это не помогаетъ, то они входятъ въ толпу и градомъ сыплятъ удары направо и налѣво, по головамъ куліевъ, въ особенности если послѣдніе идутъ не по тому направленію, куда слѣдуетъ. Окна и верхнія галлереи домовъ наполнены стариками, матерями семействъ и молодыми дѣвушками, которыя не хотятъ пропустить ни малѣйшей подробности изъ того, что происходитъ на улицѣ.

Ихъ любопытство только тогда удовлетворится вполнѣ, когда передъ ихъ глазами потянется вереница пивоваровъ-подмастерьевъ, отправляющихся, послѣ получки жалованья, праздновать свой первый льготный день, въ предмѣстья или окрестные сады. Почтенная компанія располагается подъ открытымъ небомъ и начинаетъ угощаться морскими раками, горячими пирогами и свѣжимъ саки. Полные бокалы этого напитка уже вылиты въ волны одного изъ притоковъ Семида-Гавы, и большой церемоніальный кубокъ обошелъ кругъ пирующихъ; вслѣдъ за тѣмъ начинаются различныя игры, имѣющія главною цѣлью выказать силу и ловкость состязующихся. Присутствующіе держатъ пари за обѣ, вступающія въ состязаніе, стороны; играющіе схватываются за руки, и начинаютъ гнуть другъ друга въ противуположныя стороны, или тянутъ веревку, повернувшись спиною другъ къ другу, или поднимаютъ съ земли опахало, стоя на одной правой ногѣ, а лѣвую загнувъ назадъ. Наконецъ, утомленные, они ложатся подъ кедры, и побѣдители съ наслажденіемъ упираются ногами въ спины побѣжденныхъ, а остальная компанія пускается въ бѣшеный плясъ. Затѣмъ всѣ, молодые и старые, толпами возвращаются въ городъ; ихъ торжественное шествіе есть ничто иное, какъ пародія на парадные выходы дайміосовъ. Герольдъ, убранный токомъ изъ ивовыхъ вѣтвей, т. е. по просту съ нахлобученной на головѣ курятною корзинкой, потрясаетъ въ правой рукѣ черпальнымъ ковшомъ, произнося глухимъ голосомъ знаменитое «станіеро», на колѣни! Знаменосецъ, вмѣсто флага, несетъ огромный пукъ перьевъ, которымъ обыкновенно сметаютъ пыль съ потолковъ, и самъ принцъ является въ видѣ Силена, котораго ведутъ подъ руки два дюжіе парня. Вся эта свита, полуобнаженная, такъ же какъ и самъ принцъ, напоминаетъ древнія вакхическія празднества, съ тою разницею, что древній тирсъ замѣненъ деревянною саблею, болтающеюся съ боку, а вѣнокъ изъ виноградныхъ лозъ — смѣшнымъ бумажнымъ колпакомъ.

Пивовары, желающіе щегольнуть своей граціей, играютъ вѣеромъ, подъ тактъ разныхъ танцовальныхъ «па», которыми они разнообразятъ торжественное шествіе кортежа. Другіе приплясываютъ подъ звуки пустыхъ боченковъ, ловко вертя ихъ на перекинутыхъ черезъ плечо бамбуковыхъ палочкахъ. Юный вождь, опираясь лѣвой рукой на свою саблю, протягиваетъ правую впередъ, и несетъ въ ней пятку правой ноги.

Подобными шутками заканчиваютъ свой трудовой годъ веселые пивовары. Ихъ вакхическія процессіи совершаются громогласно, въ честь святаго семейства, которому приписываютъ изобрѣтеніе саки. Богъ саки, его супруга и восемь сыновей живутъ на берегахъ Тихаго океана. Они носятъ поясъ изъ дубовыхъ листьевъ, и длинные рыжіе волосы ихъ ниспадаютъ до бедръ. Въ часъ, когда послѣдніе лучи солнца окрашиваютъ красноватымъ отблескомъ волны океана, святое семейство выходитъ на базальтовые обломки и на песчаные берега, и, потрясая черпальниками и ковшами, начинаетъ свою фантастическую пляску, вокругъ огромнаго чана, наполненнаго саки.

ГЛАВА LIV.

НОВЫЙ ГОДЪ ВЪ ІЕДДО.

Ночной рынокъ. — Продажа рису. — Гаданія. — Очищеніе новаго года. — Новогодные визиты. — Принесеніе поздравленія тайкуну. — Уличныя забавы. — Крашенныя яйца. — Увеселенія для дѣтей.

Въ канунъ новаго года, вечеромъ, городъ Іеддо и его окрестности казалось плавали въ какой-то упоительной праздничной атмосферѣ радости и веселья. Небо и море блестѣли пурпурнымъ отблескомъ зари; чайные дома сквозили какъ громадные транспаранты, освѣщенные извнутри. Самыя улицы образовали рядъ длинныхъ цвѣтущихъ аллей, перевитыхъ соломенными гирляндами и увѣшанныхъ большими разноцвѣтными фонарями. Вездѣ толпа, вездѣ шумъ, движеніе и радостные крики, паяцы, маски, пѣнье, музыка, и повсюду проницающій запахъ того ароматическаго дерева, которымъ пропитаны всѣ вещи, привозимыя къ намъ изъ Японіи.

Узкая площадь, открывающаяся на Токаидо, служитъ мѣстомъ скромнаго ночнаго рынка. Мы обошли его кругомъ, не останавливаясь ни на чемъ въ особенности, и поддаваясь разнообразнымъ впечатлѣніямъ неожиданныхъ сценъ, являвшихся передъ нашими глазами. Большая часть продавцовъ лѣпилась около стѣнъ сосѣднихъ домовъ; нѣкоторые торговали въ балаганахъ, сдѣланныхъ изъ досокъ и сквозной цвѣтной бумаги; другіе, сидя на землѣ на циновкахъ, освѣщали свой товаръ свѣчами, поставленными въ высокихъ подсвѣчникахъ, отъ которыхъ трепетный свѣтъ обрисовывалъ ихъ неясные силуэты на стѣнахъ домовъ, и далеко отбрасывалъ гигантскія тѣни на дорогу. Три или четыре офицера торговали пустыя бутылки; одинъ изъ нихъ, отдѣлившись отъ толпы, хотѣлъ было броситься на насъ съ распростертыми руками, но былъ тотчасъ же остановленъ товарищами, которые не замедлили объяснить намъ, что онъ не только не хотѣлъ сдѣлать намъ ни какой непріятности, но и вообще, вслѣдствіе употребленія саки, не отвѣчалъ за свои поступки.

Не смотря на поздній часъ, толпы женщинъ и дѣтей осаждали игрушечныя и кондитерскія лавки, за нѣкоторыми изъ нихъ шли коскеисы съ фонарями. Внутри каждаго хорошаго магазина виднѣлся высокій лаковый столикъ, убранный сосновыми вѣтками, и на немъ, какъ на священномъ жертвенникѣ, возвышалась пирамида рисовыхъ пирожковъ, украшенная сверху большимъ морскимъ ракомъ.

Достигнувъ центра площади, мы увидѣли передъ собою великолѣпный портикъ, съ двойнымъ рядомъ круглыхъ фонарей, висѣвшихъ передъ двумя изображеніями боговъ ками, расположенныхъ въ нишѣ, по лѣвую и по правую сторону отъ прохода, въ которомъ такъ и кипѣла шумная толпа. Предъ каждымъ изъ образовъ были воткнуты по двѣ большихъ елки, сверху до низу убранныя фонарями, которые мнѣ живо напомнили наши рождественскія елки. Изъ портика открывался входъ на обширный дворъ, обнесенный маленькими лавочками, въ которыхъ торговали чаемъ и саки. Но не это привлекало вниманіе любопытныхъ; шумная толпа неслась къ какому-то таинственному зданію, имѣвшему форму тори и освѣщенному сверху гигантскимъ факеломъ изъ витой соломы. Оба столба были украшены бамбуковыми вѣтвями, оканчивающимися остріемъ, наподобіе мачты; съ вершины спускались соломенныя гирлянды, параллельно съ факеломъ, а внизу развѣвались ткани съ изображеніемъ герба, колыхались полуопущенныя сторы, и виднѣлась какая-то надпись крупными золотыми буквами, довершавшая декорумъ этого страннаго зданія.

Я спросилъ у переводчика, что значитъ это стеченіе народа подъ тори и оглушительные крики, которые могли сравниться только съ криками на биржѣ. «Это продажа рису, отвѣчалъ онъ. Здѣсь продаютъ съ публичнаго торга рисовый сборъ великаго дайміоса». — Какого же?—«Да то одного, то другаго, а то такъ и тайкуна,—такой ужъ обычай въ Японіи». Давно ознакомившись съ подобными отвѣтами переводчиковъ, я сдѣлалъ видъ, что удовлетворенъ вполнѣ, и продолжалъ идти по направленію къ Таканавѣ.

Въ Токаидо было еще очень оживлено, но тѣнь и тишина уже ложились на сосѣднія улицы. Вмѣсто свѣтлой иллюминаціи стали появляться рѣдкіе и блѣдные огоньки.—Вотъ, подумалъ я, глядя на одинъ изъ нихъ, можетъ быть при блескѣ скромной лампы, зажженной внутри этой галлереи, трудится какой нибудь бѣднякъ учитель, за составленіемъ своего поздравительнаго стихотворенія. Онъ

обязанъ поднести его въ день новаго года родителямъ своихъ учениковъ. Вѣроятно желая созвать на себя вдохновеніе свыше, онъ поставилъ передъ собою горшокъ съ цвѣтами и маленькій столикъ съ небольшими рисовыми хлѣбами — скромныя и благочестивыя приношенія солнцу. На этотъ вечеръ онъ удовольствуется тѣмъ, что набрасаетъ эскизъ стихотворенія на красную бумагу, а завтра, угромъ, срисуетъ его на опахало, изъ особенно приготовленной для этого бумаги, и тогда уже поднесетъ его своимъ покровителямъ.

Съ приближеніемъ полуночи, мы вдругъ замѣтили появившіеся огни на всѣхъ порогахъ сельскихъ жилищъ. Это были зажженные пуки лучины, сначала горѣвшіе яркимъ пламенемъ, потомъ вдругъ меркнувшіе. Что происходило въ короткій промежутокъ времени ихъ горѣнія? Почти все тоже, что у насъ, когда выливаютъ олово въ ночь на Рождество, съ небольшими только измѣненіями. Японцы зажигаютъ пукъ лучинъ, вымоченныхъ предварительно въ святой водѣ, затѣмъ, смотря по направленію, формѣ и блеску пламени, стараются отгадать, хорошее или дурное будущее ожидаетъ ихъ въ наступающемъ году. Кромѣ того, полночный часъ избирается для совершенія другаго празднества «ми соджи», очищенія новаго года. Служители храмовъ древняго культа зажигаютъ большіе костры вокругъ священныхъ напертей. Духовныя лица въ священническомъ облаченіи выходятъ изъ храма.

На послѣдней ступенькѣ ихъ встрѣчаютъ два уродливые бѣса, преграждая имъ путь. Но сила священной кропильницы такъ велика, что лишь только бѣсы увидятъ ее, возвышающуюся въ рукахъ священника надъ ихъ рогатыми головами, какъ сейчасъ же обращаются въ бѣгство, при громкихъ крикахъ правовѣрныхъ.

Во многихъ домахъ средняго класса, церемоніи «изгнанія бѣсовъ», въ большомъ употребленіи. Исполненіе ея возлагаютъ обыкновенно на старшаго члена семьи. Онъ надѣваетъ самыя лучшія свои одежды, сбоку привѣшиваетъ саблю, если имѣетъ право носить ее, и, въ полночный часъ, обходитъ всѣ свои покои, держа въ лѣвой рукѣ полный ящикъ жареныхъ бобовъ, а правою раскидывая ихъ маленькими пригоршнями по цыновкамъ, устилающимъ полъ. При этомъ онъ восклицаетъ: «Изыдите бѣсы, да внидетъ богатство!» Японскій живописецъ Гофксай, съ своимъ обычнымъ остроуміемъ, олицетворилъ этотъ суевѣрный обычай въ грубомъ эскизѣ, изображающемъ двухъ мохнатыхъ бѣсовъ, удирающихъ подъ градомъ жареныхъ бобовъ, которыми немилосердно преслѣдуетъ ихъ хозяинъ дома; въ тоже время богъ богатства и неразлучный спутникъ его, Іебисъ, усаживаются въ пріемной залѣ, и начинаютъ пить заздравные кубки саки въ честь своего хозяина.

Когда всѣ, до послѣдняго, приготовленія къ новому году окончены, все городское населеніе спѣшитъ воспользоваться нѣсколькими минутами отдыха, но съ первыми лучами солнца всѣ жители уже на погахъ. Мужчины, женщины и дѣти спѣшатъ одѣться въ праздничныя платья, и въ каждомъ семействѣ происходитъ церемонія поздравленія другъ друга. Супруга ставитъ на цыновку подарки, приготовленные для мужа. Какъ только онъ показывается, она три раза кланяется ему въ ноги, потомъ, приподнявшись на колѣняхъ, говоритъ свою поздравительную рѣчь, наклонившись всѣмъ тѣломъ впередъ, опираясь въ полъ руками, пальцы которыхъ загнуты внутрь, къ ея колѣнамъ.

Поза не особенно граціозна, но вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ японскаго этикета. Мужъ, въ свою очередь, медленно присѣдаетъ предъ супругой, до тѣхъ поръ, пока руки его, висящія вдоль тѣла, не коснутся земли.

Слегка наклонивъ голову, какъ бы желая внимательнѣе прислушаться къ ея поздравленію, онъ по временамъ выражаетъ свое удовольствіе какими-то гортанными звуками, прерывая ихъ протяжными вздохами и сдержаннымъ свистомъ. По окончаніи рѣчи супруги, наступаетъ его очередь говорить; затѣмъ приходятъ дѣти и старшіе родственники, которые также поздравляютъ другъ друга, и, наконецъ, всѣ садятся за общій столъ и завтракаютъ вмѣстѣ. Остальная часть утра проходитъ въ пріемѣ гостей и отдачѣ визитовъ.

Японцы высшаго круга превосходно знаютъ всѣ обычаи самой утонченной вѣжливости. Они никогда не смѣшаютъ особъ, къ которымъ должны явиться сами, съ тѣми, кому обязаны только послать визитную карточку. Точно также они знаютъ, кому отвезти карточку лично, кому послать ее просто со слугой. Каждая визитная карточка отличается особымъ форматомъ и украшеніями, сообразно званію и положенію лица, которому она предназначается. Карточки всегда отсылаютъ въ красивыхъ конвертахъ, изъ которыхъ самые большіе обыкновенно обвязываютъ широкой лентой. Коскенсы, которымъ поручена доставка этихъ конвертовъ, разносятъ ихъ изъ дома въ домъ на лакированныхъ подносахъ.

Во времена всемогущества тайкуновъ, все феодальное дворянство и всѣ придворные чины, находящіеся въ столицѣ, должны были собираться въ Замокъ, для принесенія поздравленій на первый день новаго года свѣтскому правителю государства. Съ ранняго утра, всѣ улицы, ведущія въ крѣпость, были запружены торжественными поѣздами дайміосовъ: въ главѣ шли герольды, аллебардщики знаменоносцы, отряды войска, состоящаго на службѣ князя, и наконецъ онъ самъ въ паланкинѣ, окруженный тѣлохранителями и высшими офицерами, изъ которыхъ одни ѣхали на лошадяхъ впереди отряда, а другіе шли пѣшкомъ, предводительствуя отрядами служителей, несшихъ подарки.

За исключеніемъ принцевъ крови, имѣющихъ свои особые входы, различныя депутаціи являлись въ назначенный часъ къ воротамъ Замка и занимали тамъ мѣста, сообразно своему рангу. Отъ этихъ воротъ открывалось торжественное шествіе по главнымъ улицамъ, которое должно было проходить предъ глазами государя.

Тамъ и сямъ виднѣлись группы колѣнопреклоненнаго народа, смотрѣвшаго въ почтительномъ разстояніи на торжественную процессію дайміосовъ. Съ появленіемъ каждаго новаго кортежа глубокая тишина прерывалась на мгновеніе глухимъ ропотомъ подобострастнаго удивленія, тихимъ шепотомъ, переходившимъ изъ устъ въ уста: назывались знатнѣйшія фамиліи, гербы которыхъ появлялись на дорогѣ, имена Канга, Шендаи, Сатсумы, Ногато, и множества другихъ, съ помощью которыхъ сіогуны надѣялись возвысить блескъ собственнаго трона. Тщетная надежда или мелочное тщеславіе выскочекъ! Въ лицѣ японскаго сіогуна, мы видимъ революціонную власть, желающую опираться на шаткую подставку поземельной аристократіи, вмѣсто того, чтобы искать для себя прочной почвы въ массѣ народа; — узурпатора, упивающагося въ своемъ дворцѣ ѳиміамомъ лести, обильно воскуряемой ему древними феодальными фамиліями, и позволяющаго имъ пользоваться публичными заявленіями народнаго уваженія на улицахъ и площадяхъ столицы.

Въ 1864 году роли совершенно измѣнились; великіе дайміосы удалились въ Іеддо, и тайкунъ, вмѣсто того, чтобы принимать поздравленія на новый годъ, самъ долженъ былъ идти на поклонъ къ микадо.

Въ министерствахъ и другихъ административныхъ учрежденіяхъ, сосредоточенныхъ въ Замкѣ тайкуна, все шло обычнымъ порядкомъ, и каждый подчиненный является съ поздравленіями къ своему начальнику, какъ того требовалъ обычный этикетъ.

Пріемная зала сановниковъ перваго разряда, нѣсколькими ступенями возвышается надъ порогомъ. Иногда ее отдѣляютъ отъ него большія бамбуковыя колонны, украшенныя широкой шелковой тканью, съ витыми узлами изъ той же матеріи. Это убранство придаетъ аудіенціи видъ театральной залы. Куски матеріи поднимаются на подобіе занавѣса. Хозяинъ дома занимаетъ средину сцены, сидя съ поджатыми ногами на драгоцѣнномъ коврѣ. По лѣвую его руку находится пирамида, увѣшанная саблями, а позади стоятъ на колѣнахъ его адъютанты, или секретари, расположенные довольно близко другъ отъ друга.

Подчиненные, не переступая порога, лежатъ распростершись ницъ, на черныхъ лаковыхъ ступеняхъ, гладкихъ и блестящихъ, какъ мраморъ, ведущихъ въ залу. Въ этомъ уничиженномъ положеніи представляются они своему патрону, не приподнимаясь до тѣхъ поръ, пока онъ не пригласитъ ихъ встать и освѣжиться прохладительными напитками: тогда они приказываютъ своимъ людямъ вносить и раскладывать на верхней ступени принесенные ими подарки.

Публичныя зданія и дворцы дайміосовъ убираются на новый годъ почти такъ же, какъ и дома простолюдиновъ, съ тою только разницею, что бамбуковыя и сосновыя деревья разстанавливаютъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ главнаго входа и соединяютъ вверху соломенной гирляндой наподобіе тріумфальной арки; крыша и стѣны остаются ничѣмъ неукрашенными; съ гирлянды спускается посрединѣ маленькій трофей, обвитый папортникомъ и имѣющій символическое значеніе: онъ состоитъ изъ рисоваго пирога, апельсина и морскаго рака—наивное приношеніе богамъ первой овощи, лучшаго плода и любимѣйшей морской пищи японцевъ.

Однообразное убранство дворцовъ Іеддо носитъ на себѣ печать благородной простоты, которая идетъ, какъ нельзя лучше, къ ихъ строгой архитектурѣ. Впрочемъ, видъ дайміосскихъ кварталовъ, на праздникъ новаго года, по моему мнѣнію, гораздо непривлекательнѣе чѣмъ, въ обыкновенные дни. Его суровая, торжественная и неподвижная наружность, среди всеобщей радости, производитъ какое-то леденящее впечатлѣніе. Невольно спѣшишь уйдти подальше отъ этихъ оградъ, казармъ, тюрьмъ и крѣпостей, отъ этой области приличій, въ основѣ которыхъ лежитъ ложь и двуличіе, дальше отъ

*

этого очага непримиримой вражды и мрачныхъ заговоровъ—въ среду вѣчно юнаго народа, ликующаго на большихъ улицахъ Іеддо, съ шумными изъявленіями праздничнаго веселья!

Какую разницу представляютъ улицы Сити съ Замкомъ тайкуна и всѣмъ, что его окружаетъ! Еще издали до васъ доносится веселый гулъ, какъ бы сопровождаемый звуками эоловой арфы. Эта таинственная музыка происходитъ отъ множества пущенныхъ подъ облака бумажныхъ змѣй, которыми усѣяно все небо надъ маленькимъ городомъ. На нихъ изображены то смѣшные люди съ крыльями за плечами, то журавли, попугаи и ястреба, то миѳологическія животныя, воинственныя головы или дамы геройскихъ временъ. Тонкая бамбуковая пластинка, положенная поперекъ нѣсколько-выгнутой рамы, производитъ, во время полета, тотъ мелодическій звукъ, который мы слышали. Иногда между пущенными змѣями завязывается борьба. Веревки, съ привѣшенными къ нимъ осколками стекла летя по одному направленію, задѣваютъ другъ за друга, и между змѣями начинается поединокъ, кончающійся обыкновенно тѣмъ, что оба падаютъ на землю, или стеклушки одного изъ нихъ перетираютъ веревку другаго, и рамка улетаетъ подъ облака, а веревка спускается на землю. Эти поединки бумажныхъ воздушныхъ змѣй—любимое занятіе жениховъ и невѣстъ, потому все уличное населеніе принимаетъ въ нихъ самое живое участіе. Жители слѣдятъ за ходомъ борьбы, и разражаются громкими радостными аплодисментами, если побѣда остается на сторонѣ прекраснаго пола.

Куда бы вы ни посмотрѣли, вы видите, что вездѣ первое мѣсто занимаютъ дѣтскія игрушки и дѣтскія игры. Игра въ серсо, хожденіе на ходуляхъ, пусканье волчковъ—смѣняютъ другъ друга, переходя отъ маленькихъ дѣтей къ ихъ старшимъ братьямъ, доходятъ наконецъ до главы семейства. Устройство волчковъ отличается удивительнымъ разнообразіемъ; нѣкоторые изъ нихъ могутъ выдерживать самые прихотливыя и продолжительныя эволюціи и въ такомъ случаѣ имѣютъ форму цилиндра, выдолбленнаго внутри и снабженнаго баластомъ, сообщающимъ ему равновѣсіе. Игрою въ воланъ преимущественно занимаются молодыя замужнія дамы и дѣвицы. Самые употребительные подарки на новый годъ—ракеты для волановъ и опахала. Ракеты дѣлаютъ обыкновенно изъ бѣлаго дерева, придавая имъ форму палитры, одинъ конецъ ея полированъ и раскрашенъ кистью, къ другому придѣланъ маленькій амулетъ изъ шелковой матеріи. Лавочники Іеддо предлагаютъ въ подарокъ своимъ постояннымъ покупщикамъ, на ихъ выборъ, или опахало, пару ракетъ, или фарфоровую чашку. Народъ толпится преимущественно у кондитерскихъ, пирожныхъ и игрушечныхъ лавокъ, или запасается тѣми же продуктами у странствующихъ торговцевъ, снующихъ по улицамъ и призывающихъ во все горло покупателей.

Нѣкоторые изъ нихъ поютъ и даже пляшутъ на своихъ конькахъ, чтобъ проходящіе лучше могли оцѣнить ихъ достоинство; другіе разносятъ на длинныхъ ивовыхъ вѣтвяхъ маленькихъ птичекъ, искусно сдѣланныхъ изъ папье-маше, или такихъ же рыбокъ, привязанныхъ къ тростниковой удочкѣ. Въ майскій праздникъ, *матсури*, или въ праздникъ флаговъ, на крышѣ каждаго дома, въ которомъ родился мальчикъ въ продолженіе истекшаго года, появляется большая бумажная рыба, прикрѣпленная къ длинной бамбуковой жерди, гдѣ она раскачивается на воздухѣ.

Между множествомъ разнородныхъ предметовъ, продающихся на новый годъ, мы забыли упомянуть о крашеныхъ яйцахъ, совершенно сходныхъ съ нашими яйцами на Святую недѣлю, о лукахъ и стрѣлахъ въ маленькихъ колчанахъ, украшеныхъ еловыми вѣтками, и объ изящныхъ куколкахъ, изображающихъ то поселянина въ праздничной одеждѣ подъ зонтикомъ, вмѣстѣ съ поселянкой съ лисьей мордочкой, замѣняющей лицо, то крестьянина съ серпомъ и плетеной корзинкой, перекинутой за плечо, на бамбуковой палочкѣ. На улицахъ стоитъ цѣлая корпорація служителей бонзеріи имѣющихъ маску Тенгу на лицѣ, и предлагающихъ освященные листы бумаги тѣмъ, которые не запаслись еще этимъ драгоцѣннымъ талисманомъ, и не прикрѣпили его къ перекладинамъ своихъ домовъ. Смѣшныя маски продавцовъ соблазняютъ имъ расположеніе юношества, и способствуютъ распродажѣ товара.

Почти всѣ костюмировки въ этотъ счастливый день имѣютъ цѣлью доставить возможно большее удовольствіе дѣтямъ, которыя конечно также разряжены. Они надѣваютъ на головы бумажные колпаки, напоминающіе церемоніальныя куафюры великихъ дайміосовъ, берутъ въ руки блестящіе щиты и садятся на спину снисходительныхъ старшихъ братьевъ, а одинъ изъ взрослыхъ членовъ семьи, подъ маской татарина, скачетъ верхомъ на лошади, трубя въ рогъ. Этотъ рогъ чрезвычайно искусно устроенъ изъ соломы,—а лошадь вырѣзана изъ картона, съ нарисованными, по срединѣ, ногами всадника.

Нужно ли говорить о главной площади города, гдѣ собраны всевозможныя рѣдкости: театръ

Жонглеры и фокусники.

маріонетокъ, бѣлыя мыши, ученыя кролики. Воспитатель мышей пускаетъ ихъ съ полдюжины въ небольшую рѣшетчатую загородку, гдѣ онѣ двигаютъ шестами рисовой мельницы; потомъ хватаетъ самую ловкую и прячетъ къ себѣ за пазуху, въ киримонъ, послѣ чего подходитъ къ столу, гдѣ поставленъ маленькій храмъ съ ведущей къ нему длинной лѣстницей, кладетъ передъ алтаремъ шкатулочку, а въ шкатулочку мелкую монету, потряхиваетъ ею передъ зрителями и приглашаетъ ихъ подержать пари на орла или рѣшетку. Когда пари состоится, мышка выбѣгаетъ изъ-за пазухи, спускается по рукѣ хозяина на столъ, лѣзетъ по ступенькамъ храма, открываетъ дверцу шкатулочки, беретъ въ зубы монетку и кладетъ ее на ладонь хозяина. Кто выигралъ пари, тотъ получаетъ или мелкую монету, или палочку ячменнаго сахара.

Колдунъ продаетъ калейдоскопы и цвѣтные лорнеты. Чтобы привлечь толпу, онъ показываетъ у себя въ лавкѣ то тяжелый камень, привязанный къ бумажному вѣеру, спускающемуся съ потолка: то горшокъ съ водою и посреди нѣ большой кинжалъ, торчащій въ листѣ кувшинки, плавающей въ горшкѣ; то четыре яйца, поставленныя одно на другое и служащія пьедесталомъ небольшой вазѣ съ цвѣтами. Онъ показываетъ автоматы, которые, право, можно принять за подражаніе автоматамъ Жака Дроза: напримѣръ, колдунъ держитъ обѣими руками дротикъ, потомъ втыкаетъ его на угадъ въ любую картонную табличку изъ числа лежащихъ у его ногъ, а на табличкѣ значится цыфра, указывающая любопытнымъ тотъ нумеръ, подъ которымъ они могутъ прочесть свою будущую судьбу въ одномъ изъ пронумерованныхъ и раскрашенныхъ листковъ; эти листки положены на скамейкѣ и предсказываютъ самымъ выразительнымъ образомъ богатство, свадьбу, дѣтей, долгую жизнь, словомъ все, что человѣкъ можетъ себѣ пожелать.

Въ оживленной толпѣ, обступающей эти игры и представленія, первое мѣсто постоянно предоставляется дѣтямъ. Видно, что на ярмаркѣ, на улицѣ, въ семьѣ, главною заботою ремесленныхъ, промышленныхъ и торговыхъ классовъ японскаго общества было сдѣлать первый день новаго года дѣтскимъ праздникомъ, то есть лучшимъ днемъ для отцовъ и матерей семейства. Тоже самое, помимо религіознаго значенія, заключаетъ въ себѣ мысль нашего кануна Рождества, какъ, по крайней мѣрѣ, онъ празднуется въ протестантскихъ семействахъ Германіи и Швейцаріи.

ГЛАВА LV.

НАРОДНАЯ ЯПОНСКАЯ МИѲОЛОГІЯ.

Домашніе алтари. — Разные боги. — Богиня Бентенъ. — Отсутствіе суевѣрія при поклоненіи богамъ. — Японскіе боги въ каррикатурахъ.

Я не замѣтилъ, чтобы празднованіе новаго года у японцевъ имѣло какое нибудь особенное религіозное значеніе.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядовъ, описанныхъ мною выше, праздники этой эпохи не заимствуютъ ничего изъ обрядовъ, церемоній, или догматовъ, установленныхъ тою или другою религіею Если это замѣчаніе вѣрно, то нельзя не подивиться тому глубоко религіозному чувству, которымъ проникнутъ каждый японецъ въ самыя торжественныя минуты своихъ семейныхъ празднествъ. Извѣстно, что въ Японіи, по крайней мѣрѣ въ домахъ средняго сословія, существуетъ обычай уединяться по временамъ въ дальнюю комнату, и тамъ совершать тайное, домашнее богослуженіе, безъ всякаго вмѣшательства духовенства и официальныхъ обрядовъ.

Когда отецъ семейства занимается уборкой своихъ комнатъ къ празднику и собирается справлять въ нихъ обычный торжественный обѣдъ съ своими родственниками, онъ никогда не забываетъ отгородить въ самомъ отдаленномъ углу дома коморку, родъ кельи, которую собственными руками превращаетъ въ храмъ.

Онъ устанавливаетъ алтарь, изъ кедроваго дерева, съ двумя ступенями, покрытыми краснымъ ковромъ. На первую ступень онъ ставитъ двухъ идоловъ, освѣщенныхъ двумя металлическими лампами; на вторую — два небольшіе лаковые столика, съ предметами первыхъ земныхъ благъ, именно: съ двумя рисовыми хлѣбами, съ парой морскихъ раковъ, или рыбы, обернутыхъ въ серебряную

бумагу; къ этому присоединяются двѣ бутылки саки съ подобными же украшеніями. Надъ алтаремъ развѣшиваютъ, писанныя на холстѣ, изображенія святыхъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ алтаря зажигаютъ двѣ толстыя свѣчи въ высокихъ бронзовыхъ подсвѣчникахъ.

Сюда то приходитъ глава семейства, одинъ, или въ сопровожденіи своей вѣрной супруги, и, распростершись ницъ между двухъ канделябръ, усердно взываетъ къ богамъ-покровителямъ семейнаго очага. Ничто не въ состояніи отклонить его отъ исполненія этой трогательной обязанности: ни шумныя ликованія гостей, пирующихъ на праздникѣ, ни веселые хороводы, отражающіеся какъ китайскія тѣни на бумажныхъ стѣнахъ перегородки, за которой онъ молится.

Что бы ни говорили о формализмѣ и суевѣріи, проявляющихся въ этомъ выраженіи народнаго религіознаго чувства, тѣмъ не менѣе, подобная молитва, совершаемая втайнѣ, въ глубокомъ уединеніи при обстоятельствахъ, придающихъ ей двойную цѣну, заслуживаетъ не только уваженія, но и серьезнаго размышленія.

Я убѣдился, что боги, которымъ поклоняются японцы въ различные дни семейныхъ торжествъ, въ особенности во время свадьбы и на новый годъ, не имѣютъ ничего общаго съ римскими пенатами и ларами. Послѣдніе были бы названы въ Японіи просто «ками», или домашними покровителями, тогда какъ первые, извѣстные подъ именемъ «боговъ счастья», олицетворяютъ для японцевъ идею полнаго земнаго блаженства, въ той формѣ, какъ она сложилась въ умахъ простаго народа. Замѣчательно, что, помимо офиціальныхъ богослуженій и мрачныхъ религіозныхъ теогоній, японскій народъ формулировалъ свои завѣтныя мечты въ образѣ «боговъ счастья», и создалъ свою собственную, символическую и гуманную миѳологію, подобную греческой, съ тою однако разницею, что японская миѳологія довольствуется простымъ изображеніемъ земнаго счастья, не гонялась за идеалами красоты и изяществомъ формы.

Подобное заявленіе человѣческихъ правъ на счастье — едва ли не первый и единственный въ своемъ родѣ примѣръ въ исторіи религій, дающій вѣрное понятіе о національномъ духѣ, также какъ и о состояніи народныхъ вѣрованій и стремленій въ настоящее время. Всѣхъ боговъ счастья въ Японіи считается семь. Они даруютъ человѣку слѣдующія блаженства: долголѣтіе, насущный хлѣбъ, довольство, богатство, таланты, славу и любовь.

Но японцы рѣдко прибѣгаютъ къ покровительству всѣхъ этихъ боговъ вмѣстѣ. Они, по большей части, избираютъ своимъ патрономъ «бога насущнаго хлѣба», присовокупляя къ нему иногда «бога богатствъ». Купечество, кромѣ этихъ двухъ, поклоняется еще богамъ довольства и долголѣтія: — всѣ эти четыре японскія божества извѣстны подъ общимъ именемъ «боговъ богатства и счастья».

«Богъ долголѣтія», естественно, самый уважаемый изъ всѣхъ остальныхъ. Его называютъ Фкуроку-Шіу, а сокращенно Шіу-Ро. Такъ какъ онъ прожилъ неизмѣримое количество лѣтъ, то ему пришлось столько наблюдать, разсуждать и соображать, что лобъ его, украшенный огромной лысиной, принялъ необъятные размѣры. Когда онъ идетъ медленнымъ шагомъ, погруженный въ задумчивость, то обыкновенно одной рукой опирается на посохъ, другою — треплетъ себя за одинъ изъ самыхъ длинныхъ волосъ на бровяхъ. Сопровождающіе его атрибуты — журавль и черепаха. Иногда возлѣ него изображаютъ также оленя, совсѣмъ посѣдѣвшаго отъ старости. Если Шіу-Ро вздумаетъ заняться чтеніемъ, то привѣшиваетъ обыкновенно свертокъ пергамента на рога послушнаго животнаго. У Шіу-Ро есть нѣсколько молодыхъ учениковъ, изъ которыхъ одинъ нажилъ себѣ, вслѣдствіе усиленныхъ умственныхъ соображеній, такой огромный лобъ, который современемъ будетъ въ состояніи съ успѣхомъ войдти въ состязаніе со лбомъ самого учителя. Послѣдній всегда присутствуетъ на каждой сельской свадьбѣ. Его огромное изображеніе, грубо намалеванное на холстѣ, развѣшивается надъ алтаремъ семейнаго очага. Живописцы прибавляютъ къ нему, отъ себя, разныя фантастическія принадлежности, имѣющія аллегорическій смыслъ.

Такъ, напримѣръ, его изображаютъ спускающимся на журавлѣ съ неба, съ огромной жемчужиной въ рукахъ: это значитъ, что лучшій даръ небесъ, есть — долголѣтіе.

«Богъ насущнаго хлѣба», — Іебисъ, почитающійся братомъ солнца, которое, прогнѣвавшись на него сослало его на землю, въ качествѣ простаго рыбака, для снисканія себѣ насущнаго хлѣба, такъ какъ въ Японіи рыба, употребляемая ежедневно въ пищу, тоже что хлѣбъ для другихъ странъ. Поэтому, богъ Іебисъ самый популярный богъ въ Японіи. Его изображаютъ съ удочкой въ рукахъ и постоянно съ довольной улыбкой на лицѣ, случится ли ему поймать прекрасную рыбу *таи*, или нести на рынокъ самые обыкновенные продукты рыболовства, которые онъ, смотря по ихъ размѣрамъ, тащитъ на плечахъ, или навьючиваетъ на своего стараго лошака.

Его неизмѣнный спутникъ и сотоварищъ — предметъ почти такого же обожанія какъ онъ самъ, со стороны сельскихъ жителей — «богъ богатства», Дайкокъ-Тенъ или Дайкоку. Благодаря совокупности этихъ двухъ боговъ, каждый рыбакъ, земледѣлецъ, промышленникъ и купецъ, усердно поклоняясь Іебису, и выказывая, съ одной стороны, готовность довольствоваться лишь насущнымъ хлѣбомъ, съ другой не упускаетъ случая заявить, что не отказался бы отъ болѣе широкихъ милостей Дайкока. Туземные живописцы, насколько я могъ замѣтить, обращаются не совѣмъ почтительно съ этимъ послѣднимъ. Они изображаютъ его въ видѣ малорослаго, плотнаго человѣка, съ приплюснутой шапкой на головѣ, и въ огромныхъ сапогахъ, которыми онъ упирается въ два, туго набитые рисомъ мѣшка, застегнутые жемчужными пуговицами. Въ одной рукѣ онъ держитъ молотокъ золотопромышленника, въ другой — большой мѣшокъ, перекинутый за спину, въ которомъ хранятся его сокровища. Въ насмѣшку ему даютъ атрибутомъ крысу, — этого заклятаго врага собственности, по понятіямъ японцевъ.

Бонзы, видя непрестанное поклоненіе Дайкоку, какъ со стороны купечества, такъ со стороны бѣдниковъ и ремесленниковъ, хотя послѣдніе относятся къ нему съ нѣкоторою насмѣшкою, сочинили легенду, въ которой говорится, что этотъ владѣтель подземныхъ богатствъ обязанъ служить великому Буддѣ въ качествѣ простаго монаха; поэтому въ преддверіи каждаго буддійскаго храма можно видѣть его изображеніе, выставленное на показъ, для примѣра и назиданія всѣмъ его почитателямъ.

«Готей», съ холщевымъ мѣшкомъ за плечами, олицетворяетъ внутреннее довольство среди самой крайней нищеты: это мудрецъ безъ крова и хлѣба, отрѣшившійся отъ всѣхъ благъ земныхъ — словомъ это Діогенъ великаго Ниппона. Все его одѣяніе состоитъ изъ куска грубаго холста, котомки и опахала. Когда котомка его пуста, онъ не горюетъ, а только посмѣивается, и отдаетъ ее играть маленькимъ дѣтямъ. Для него она же попеременно замѣняетъ подушку, одѣяло, матрасъ и даже ладью, на которой онъ переправляется черезъ рѣки. Готей ведетъ отчасти бродячій образъ жизни. Его часто можно встрѣтить верьхомъ на буйволѣ какого нибудь землепашца, обработывающаго рисовыя поля; вообще, онъ другъ и пріятель всѣхъ поселянъ, которые водятъ его на прелестные холмы, окруженные высокими деревьями, гдѣ онъ сладко мечтаетъ подъ ихъ гостепріимною тѣнью, и, наконецъ, засыпаетъ подъ тихій шелестъ листьевъ. Иногда толпа дѣтей подкрадывается потихоньку къ спящему, обходитъ его со всѣхъ сторонъ, и начинаетъ тормошить счастливаго сонливца. Улыбаясь, онъ открываетъ глаза, протягиваетъ руки, и придвигаетъ къ себѣ маленькихъ шалуновъ. Онъ разсказываетъ имъ сказки, или говоритъ о небѣ, о лунѣ, о звѣздахъ, о всемъ, что есть прекраснаго въ мірѣ, о неисчерпаемыхъ источникахъ радости и наслажденія, ключъ къ которымъ извѣстенъ ему одному.

«Богъ талантовъ», благородный, старецъ Тосси-Току, не менѣе Готея, любитъ дѣтей, которыя обращаются къ нему съ самаго нѣжнаго возраста. Онъ выдумываетъ для нихъ разныя игры и, между прочимъ, учитъ ихъ превосходнымъ работамъ изъ бумаги. Ничто не нарушаетъ величественнаго достоинства этого лица. Онъ носитъ мантію, эпитрахиль, шапку и туфли доктора, и держитъ на плечѣ посохъ съ привязаннымъ къ нему сверткомъ пергамента и пальмовымъ опахаломъ. Молодая лань — его постоянная спутница.

«Бизжамонъ»—богъ славы, носитъ каску и золотую кирасу; въ правой рукѣ онъ держитъ копье, украшенное амулетами. Но въ числѣ семи божествъ онъ занимаетъ въ народѣ послѣднее мѣсто, и никогда не допускается въ среду ихъ скромныхъ семейныхъ празднествъ. Это нисколько не удивительно въ странѣ, гдѣ слава есть исключительное достояніе привилегированныхъ классовъ общества.

Впрочемъ бонзы удостоиваютъ его своимъ особеннымъ почитаніемъ. Они изображаютъ его держащимъ на лѣвой ладони маленькую модель пагоды. Невозможно быть снисходительнѣе этого божества къ благороднымъ лицамъ, имѣющимъ право носить на боку двѣ сабли. Устройство пагодъ, награжденіе бонзерій, покровительство алтарю и трону, поддержка ихъ вліянія обоюднымъ, другъ за друга, заступничествомъ: вотъ что, по мнѣнію Бизжамона, составляетъ ихъ единственную заботу и лучшее употребленіе ихъ славнаго оружія.

Самое замѣчательное изъ семи божествъ, созданныхъ народной фантазіей, — божество женскаго рода, облеченное двойнымъ символизмомъ, земнымъ и небеснымъ, подобнымъ тому, какой встрѣчается и въ другихъ религіяхъ, имѣющихъ особыя божества, посвященныя во славу женщины. Богиня Бенъ-зай-тенъ-ньо, или Бентанъ, олицетворяетъ собою идеалъ женщины, семьи, гармоніи и — моря, этой главной кормилицы великаго Ниппона. Она облечена въ священную эпитрахиль и мантію лазоревато цвѣта; на волосахъ ея лежитъ діадема, въ которой блеститъ образъ Фоо, феникса крайняго Востока. Я видѣлъ ее въ храмѣ японскаго квартала Іокогамы, названнаго въ честь богини ея именемъ; го[illegible]а Я видѣлъ ее въ храмѣ японскаго квартала Іокогамы, названнаго въ честь богини ея именемъ; голова ея была украшена царской короной съ ореоломъ всѣхъ цвѣтовъ радуги; въ правой рукѣ она держала

ключъ, а въ лѣвой — жемчужину, — ея обычные атрибуты. Эта сказочная богиня надѣляется такимъ числомъ рукъ, какое заблагоразсудится дать ей скульптору или живописцу; въ нѣкоторыхъ буддійскихъ храмахъ Бентанъ представлена съ восьмью руками, въ которыхъ она держитъ разныя принадлежности своей власти. Надъ головой ея и по обоимъ бокамъ сверкаютъ три пламени, надъ тремя жемчужинами, — эмблемами мистической троицы. Въ этомъ видѣ, Бентанъ представляетъ генія-покровителя земныхъ благъ, щедрую даровательницу обильной утренней и вечерней росы, и царицу всего, что краситъ и поддерживаетъ человѣческую жизнь.

Бентанъ — изобрѣтательница лютни. Въ прекрасные лѣтніе вечера божественное пѣніе, сопровождаемое мелодическими аккордами, нисходитъ съ базальтовыхъ скалъ, у подножія которыхъ съ тихимъ ропотомъ разбиваются волны. Эта прелестная гармонія Ave maris stella *) — ночной гимнъ богини, послѣ котораго, она сама — зажигаетъ на горизонтѣ первую вечернюю звѣзду, служащую маякомъ для бѣдныхъ рыболововъ.

Въ глазахъ простонародья, въ особенности женщинъ, Бентанъ представляетъ, прежде всего олицетвореніе материнскаго чувства, или, лучше сказать, образецъ, которому должны подражать всѣ хорошія матери. У самой Бентанъ пятнадцать сыновей, изъ которыхъ всѣ, кромѣ послѣдняго, хорошо образованы, умны, и занимаются разными должностями: одинъ исполняетъ должность чиновника, какъ это можно видѣть по его шарфу; другой — писца, съ чернильницей и ящикомъ для бумагъ, третій — литейщика, возлѣ него стоитъ банкиръ съ вѣсками для взѣшиванія золота; далѣе: земледѣлецъ, окруженный снопами, купецъ съ четверикомъ въ рукахъ, булочникъ съ миской для риса, портной со связкой готоваго платья, воспитатель шелковичныхъ червей съ корзиной тутовыхъ листьевъ, пивоваръ съ ковшомъ передъ бочкой саки, геологъ съ тремя драгоцѣнными камнями, изображающими буддійскую троицу, докторъ въ городскомъ костюмѣ, воспитатель домашнихъ животныхъ, окруженный буйволами и лошадьми, строитель путей сообщенія по водѣ и по сушѣ, изображенный между телѣгой и баркой, и наконецъ, пятнадцатый, профессія котораго покрыта мракомъ неизвѣстности, потому что одинъ онъ, между всѣхъ своихъ братьевъ, не имѣетъ никакихъ принадлежностей своего занятія. Неужели онъ не занимаетъ какой нибудь опредѣленной профессіи? Не опоздалъ ли онъ, и не явился ли уже послѣ раздѣла земли, подобно поэту Шиллеровой баллады? Какъ бы ни странно казалось это сравненіе, я не отказываюсь отъ него, потому что заключеніе японской легенды можно принять за буквальный переводъ нѣмецкой поэмы.

«Что касается до послѣдняго пришедшаго, заключаетъ эта легенда, то хотя онъ и съ пустыми руками, но на дѣлѣ онъ богаче всѣхъ».

Такова, въ главныхъ своихъ чертахъ, эта миѳологія, или, лучше сказать, философія японскаго народа, заключающая въ себѣ все, что есть лучшаго и нравственнаго въ духовномъ мірѣ человѣка. Ея необыкновенная чистота, благодушіе, прозаическій, но, не лишенный остроумія, здравый смыслъ, вѣроятно болѣе всѣхъ другихъ причинъ способствовали японскому народу устоять противъ страшнаго давленія буддизма. Я убѣжденъ, что въ этой философіи должны мы искать главнаго источника того веселья, здравомыслія и дѣтскаго простодушія, которыя составляютъ отличительныя черты трудящихся классовъ Японіи. Замѣчательнѣе всего — то, что ихъ поклоненіе любимымъ богамъ почти изъято отиъ всякаго суевѣрія, его нельзя даже назвать идолопоклонствомъ. Японскій народъ узнаетъ въ семи богахъ счастья — чадо своей фантазіи, и не прочь позабавиться надъ ними, когда вздумается. Боги счастья служатъ источникомъ народныхъ карикатуръ, представляющихъ ихъ во всевозможныхъ видахъ. То богъ долгоденствія играетъ въ триктракъ съ своей пріятельницей Бентанъ, возлѣ которой сидятъ четыре ученика, какъ будто держа пари въ пользу богини. Входитъ Іебисъ, и подноситъ огромную рыбу въ даръ побѣдителю. То всѣ семь божествъ бѣгаютъ по улицамъ, въ костюмѣ скомороховъ; то величественный богъ славы принужденъ таскать на своемъ копьѣ рыбу Іебиса. Сама Бентанъ является въ трактиръ, гдѣ выказываетъ свои портняжныя способности, занимаясь починкой гардероба труппы актеровъ. Она поетъ и играетъ на лютнѣ во время представленій, а Дайкоку акомпанируетъ ей, ударяя бамбуковой палочкой по своему крѣпкому молоту. Крысы — его всегдашнія спутницы, выдресированы и выучены разнымъ акробатическимъ штукамъ. Одѣтыя въ прехорошенькіе фантастическіе костюмы, онѣ карабкаются на вершину длиннаго посоха Шіу-Ро, который старая черепаха старается поддержать въ равновѣсіи. Шіу-Ро даетъ необходимыя объясненія публикѣ, и распорежается ходомъ пьесы, помахивая своимъ опахаломъ. Добродушный Готей, богъ довольства,

*) Привѣтствіе морской звѣздѣ.

проситъ Іебиса потереть ему бока; а богъ талантовъ, съ необыкновеннымъ искусствомъ, прижигаетъ себѣ обѣ ноги.

Нѣкоторые полубоги и герои древней миѳологіи удостоиваются чести, вмѣстѣ съ остальными богами, фигурировать въ карикатурахъ. Такъ, напримѣръ, Сойкоимей, патронъ и прототипъ древней кавалеріи, дошедши до сумы, изобрѣтаетъ новый театръ для ярмарки, гдѣ хочетъ показывать маленькихъ чертенятъ, обученныхъ имъ разнымъ штукамъ паяцовъ, и Райденъ, богъ грома, низринутый съ престола и развѣнчанный силою физическихъ законовъ, встаетъ весь разбитый съ земли, на которую свалился, бросая въ нее свои громы.

Приведенныхъ мною примѣровъ совершенно достаточно, чтобы показать, до какой степени японскій народъ любитъ шутить надъ самыми любимыми изъ своихъ божествъ, даже надъ тѣми, которыхъ онъ создалъ по своему образу и подобію, безъ всякаго вмѣшательства офиціальнаго культа съ его Камиссами и Буддами, потерявшими для японцевъ всякую прелесть. Едва ли найдется на всемъ земномъ шарѣ народъ, который бы до такой степени отрѣшился отъ своихъ древнихъ вѣрованій, и который бы такъ насмѣхался надъ религіей и моралью своихъ жрецовъ, какъ народъ населяющій острова Восходящаго Солнца. Этотъ народъ, пребывающій въ состояніи младенчества, если судить по внѣшнимъ признакамъ, въ сущности щедро одаренъ умомъ, который обнаруживается даже въ его общественныхъ увеселеніяхъ, и еще болѣе въ его карикатурахъ религіознаго содержанія. Послѣднія ничто иное, какъ тайный протестъ противъ старыхъ боговъ, и безмолвное поклоненіе невѣдомому богу.

ГЛАВА LVI.

ФРАНКСКІЙ КВАРТАЛЪ.

Первые трактаты съ европейцами. — Затрудненія. — Открытіе портовъ. — Уступка земель европейцамъ. — Спекуляціи. — Постройки въ европейскомъ кварталѣ. — Контракты съ рабочими. — Контроль мѣстной власти.

Крайній Востокъ — міръ неожиданности. Западная мудрость передъ нимъ пассуетъ. Особенно современная исторія Японіи, исторія, которую мы желали переголковать по своему, на основаніи продиктованныхъ трактатовъ, представляетъ такія нежданныя и негаданныя развязки, что мы только смотримъ и глазамъ не вѣримъ.

Ее можно сравнить съ драмой, гдѣ трагическое и комическое сталкиваются и смѣняютъ другъ друга, нисколько, впрочемъ, не вредя ни единству, ни ходу дѣйствія, ни глубокому и серьезному интересу, который усиливается съ каждой сценой.

Нѣтъ ничего мелодичнѣе увертюры пьесы; въ лѣтописяхъ цивилизаціи нѣтъ ничего чище и блистательнѣе дебюта, первыхъ сношеній нашихъ съ имперіею Восходящаго Солнца.

Беру въ свидѣтели то необычайное сочувствіе, съ которымъ былъ встрѣченъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, разсказъ о блестящемъ посольствѣ коммодора Перри, лорда Эльджина, барона Гро. Каждый, съ волненіемъ, задавалъ себѣ вопросъ — правда ли, что, наконецъ, на этотъ разъ цивилизація, прогресъ, свобода приняты въ этомъ уголку земнаго шара, безъ борьбы, безъ пролитія крови? А такъ какъ нельзя было не вѣрить очевидности фактовъ, то есть дружественнымъ демонстраціямъ, сопровождавшимъ подписаніе трактатовъ; такъ — какъ невозможно было отрицать добытые результаты, именно обязательства, принятыя и изложенныя на бумагѣ договаривающимися державами, — то каждый, не глядя много впередъ, готовъ былъ чествовать людей нашего поколѣнія за то, что они дали неслыханный примѣръ міру: низвергли барьеры предразсудковъ, привилегій и вѣковой ненависти, прибѣгая къ помощи пороха только при торжественныхъ салютаціяхъ.

Событія, однако, не замедлили напомнить намъ, что Японія населена такими же людьми какъ

Европа, и что въ ней, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, успѣхи цивилизаціи должны ознаменовываться разрушеніями, и водворяться среди потоковъ крови, пламени и слезъ.

Со всѣмъ тѣмъ, нельзя утверждать, чтобы дружественныя манифестаціи, которыми были встрѣчены въ Японіи большія европейскія посольства въ 1857 и 1858 году, не заключали въ себѣ ничего со стороны японцевъ, кромѣ обмана и притворства. Не подлежитъ сомнѣнію, что японское правительство уступило, спасая приличія, давленію, которое съумѣла произвести на него дипломатія морскихъ державъ, воспользовавшись удачнымъ результатомъ двухъ войнъ съ Китаемъ. Тѣмъ не менѣе, весьма вѣроятно, что японское правительство дѣйствовало въ этомъ случаѣ не исключительно подъ вліяніемъ политической необходимости. Я склоненъ думать, что европейскія посольства, вообще, и въ особенности посольство коммодора Перри, привезшаго съ собой множество замѣчательныхъ образчиковъ европейскаго искусства и промышленности, представились японскому правительству какимъ-то ослѣпительнымъ видѣніемъ той могущественной западной цивилизаціи, о которой оно до сихъ поръ знало только по наслышкѣ, и соприкосновеніе съ которой грозило разрушеніемъ обширной Китайской имперіи. Очень можетъ быть, что, въ состояніи этого минутнаго ослѣпленія, оно невольно подчинилось той непреодолимой силѣ, съ которой, въ извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ истина дѣйствуетъ на самые закоснѣлые въ предразсудкахъ умы.

Въ исторіи современныхъ европейскихъ революцій, мы встрѣчаемъ не мало случаевъ такого мгновеннаго увлеченія: въ видѣ примѣра, укажемъ здѣсь на тотъ фактъ, что въ ночь на 4 августа 1789 г., во Франціи, дворянство, духовенство и общины, наперерывъ другъ передъ другомъ, пожертвовали своими сословными правами и привилегіями для блага отечества. На слѣдующій день страсти и личныя выгоды охладили увлеченіе и омрачили умы. Соціальная реформа, вмѣсто того, чтобы совершиться мирнымъ и разумнымъ путемъ, сдѣлалась достояніемъ кровавой борьбы партій. Подобное же явленіе, хотя при совершенно другихъ условіяхъ, повторилось и въ Японіи.

Періодъ времени между 1855 и 1863 г. былъ непрерывной и хитрой реакціей противъ трактатовъ 1854 и 1858 гг.

1-го іюля 1859 года должны были открыться для иностранной торговли порты Нагасаки, Хокодате и Канагава. Но когда наступило это число, то японское правительство, въ видѣ сюрприза своимъ новымъ европейскимъ и американскимъ друзьямъ, открыло вмѣсто Канагавы другой портъ, нарочно созданный для этого случая. Его назвали Іокогамой, по имени близлежащаго городка. Послѣдній же состоялъ изъ нѣсколькихъ рыбачьихъ хижинъ, построенныхъ на отдѣльной косѣ, шедшей отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, между болотомъ и моремъ, отъ храма богини Бентанъ, который я описалъ въ первой части предлагаемаго сочиненія, до мыса, гдѣ былъ заключенъ договоръ коммодора Перри.

Канагава, расположенная въ двухъ миляхъ къ сѣверу отъ Іокогамы и на томъ же рейдѣ, составляетъ послѣднюю станцію Токандо. Длинныя улицы ея, гдѣ лавки и трактиры слѣдуютъ, одни за другими, почти непрерывно, всегда наполненны табунами вьючныхъ лошадей, толпами путешественниковъ и богомольцевъ, группами кули, носящихъ норимоны, канго или ящики съ вещами и товарами. Довольно часто встрѣчаются тутъ взводы пѣшихъ или конныхъ якунинцевъ и болѣе или менѣе значительные кортежи дайміосовъ, отправляющихся въ резиденцію тайкуновъ, или возвращающихся въ провинцію. Такое движеніе на императорской дорогѣ придаетъ Канагавѣ видъ и значеніе іеддскаго предмѣстія.

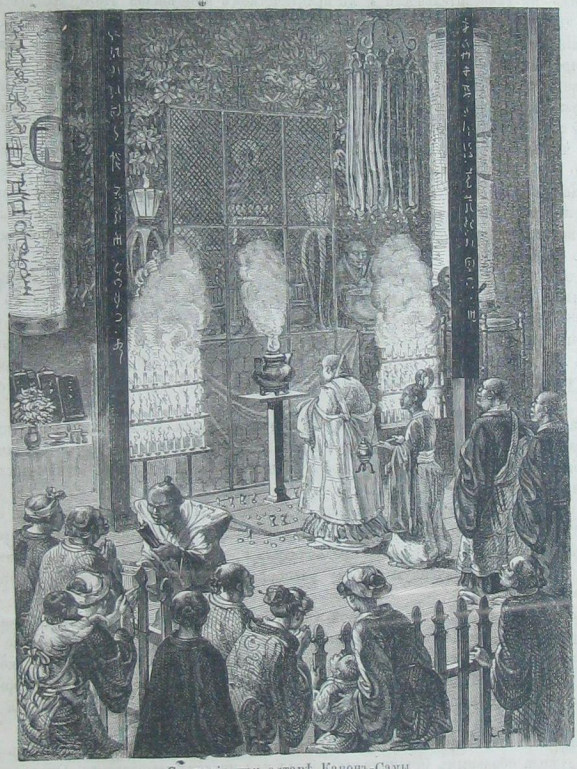
Негоціанты, прибывшіе изъ Нагасаки, Шангхая, Батавіи и Санъ-Франциско ко дню открытія западной торговли въ Канагавѣ, получили отъ чиновниковъ тайкуна приглашеніе отвратять свои взоры отъ этого города и сообразить выгоды, какія имъ представляетъ іокогамскій портъ: тутъ у нихъ лучшая стоянка во всемъ заливѣ, набережная; плотина и гранитныя лѣстницы, спускающіяся въ море; обширная таможня, временныя конторы, устроенныя по близости; армія переводчиковъ, маклеровъ, кули, ожидающая приказаній иностранныхъ гостей; между тѣмъ какъ на другомъ берегу ничего не приготовлено для немедленнаго размѣщенія.

Консулы не приминули сослаться на формальный текстъ договоровъ. Дипломатическій корпусъ сдѣлалъ представленія въ Іеддо. Не ожидая разрѣшенія спора, иностранные купцы выгрузили товары и заняли Іокогаму, оправдывая себя тѣмъ, «что дѣла прежде всего»!

Тѣмъ не менѣе, дѣйствія консульскихъ агентовъ продолжались: агенты помѣстились въ Канагавѣ въ трехъ или четырехъ старыхъ храмахъ, которые правительство поспѣшило предоставить въ ихъ распоряженіе. Г. Тоузендъ Гаррисъ, американскій коммисаръ, оказавшій важныя услуги

во время переговоровъ о коммерческомъ уставѣ, дополнявшемъ трактаты, покинулъ прежнюю резиденцію свою въ Симодѣ и поселился въ Іеддо, въ качествѣ министра-резидента Соединенныхъ-Штатовъ.

Г. Рутерфордъ Алькокъ прибылъ туда же какъ чрезвычайный посланникъ, полномоченный министръ и генеральный консулъ Великобританіи, а г. Дюшенъ-де-Беллькуръ—просто какъ генеральный французскій консулъ. Г. Донкеръ-Курціусъ продолжалъ жить въ Дециме, подъ именемъ генералъ-коммисара Голландіи. Вице-консулы были разосланы въ города Нагасаки, Іокогаму и Хакодате.



Служеніе при алтарѣ Канонъ-Самы.

Россія имѣла представителя въ послѣднемъ городѣ, и только въ званіи консульскаго агента.

Трактатами 1858 года постановлено, что во всѣхъ мѣстахъ, открытыхъ для торговли, иностранцамъ дозволяется основывать заведенія въ видѣ постоянныхъ резиденцій. Слѣдовательно, они могутъ нанимать мѣста, и покупать или строить дома и магазины.

Право надзора за постройками предоставлено японскимъ властямъ, съ цѣлью удостовѣренія, что не воздвигается никакихъ укрѣпленій во франкскихъ кварталахъ.

Вначалѣ уступка мѣстъ совершалась по добровольному договору: вновь пріѣзжій негоціантъ выбиралъ мѣсто, а консулъ его націи, совмѣстно съ тамошнею японскою властью, опредѣляли его и обносили временными знаками. Если мѣстная власть и консулъ не приходили къ соглашенію, то спорный вопросъ отсылался на разрѣшеніе дипломатическаго агента и японскаго правительства.

Поземельная собственность въ Японіи находится подъ господствомъ феодальнаго права. Владѣнія крупныхъ вассаловъ зависятъ непосредственно отъ императора; владѣльцы низшаго разряда, обыкновенно, получаютъ свои земли отъ главныхъ дайміосовъ, въ качествѣ леновъ; императорскіе города съ ихъ территоріею составляютъ принадлежность сіогуновъ. Поземельныхъ собственниковъ, въ полномъ значеніи этого слова, вовсе не существуетъ; земли не продаются и не покупаются, но только принимаются или передаются по концессіи.

Однакоже, въ дѣйствительности и въ практическомъ примѣненіи этого законодательства, собственность держится довольно надежно.

Операція уступки земель со стороны тайкуна новымъ іокогамскимъ гостямъ совершилась въ условіяхъ, чрезвычайно благопріятныхъ для послѣднихъ. Большинство изъ нихъ, какъ люди предусмотрительные, хлопотали о полученіи участковъ, которые далеко превышали потребности помѣщенія. Такимъ образомъ, съ первыхъ же дней, они заложили основаніе для прибыльныхъ спекуляцій въ будущемъ. Въ самомъ дѣлѣ, концессіонеръ располагаетъ доставшеюся ему мѣстностью какъ угодно: достаточно, чтобы нумеръ, подъ которымъ значится его участокъ, приносилъ правительству ежегодно назначенную за него ренту, вообще весьма невысокую. Другими словами, право собственности на землю, составляющее прерогативу правительства, ограничивается для него незначительной годовой рентой, а пользованіе землею, уступленною имъ частнымъ лицамъ, неограниченное никакимъ срокомъ и передаваемое на безконечное время, равносильно дѣйствительной собственности, обложенной легкою поземельною податью.

Чтобы дать понятіе о незначительности послѣдней, скажу, что лица, хорошо знакомыя съ дѣломъ, увѣряли меня въ 1863 году, будто весь «settlement», то есть весь европейскій городъ въ Іокогамѣ, со своими 180 нумерами, приносилъ казнѣ тайкуна не болѣе 50 или 60,000 франковъ въ годъ.

Такъ какъ японское правительство, на основаніи трактатовъ, не могло отказать иностраннымъ резидентамъ въ отводѣ мѣстъ, необходимыхъ для производства торговли, то Іокогама сдѣлалась однимъ изъ такихъ городовъ міра, гдѣ понятіе о заведеніи получило самое широкое, самое щедрое примѣненіе.

Американскій духъ мощно содѣйствовалъ при разрѣшеніи всѣхъ затрудненій въ толкованіи текста. Заведеніе, говорили нѣкоторые, есть предварительное условіе, которое необходимо выполнить для полученія концессіи на землю. «Дайте любому пришельцу участокъ земли,—и онъ тѣмъ самымъ уже устроивается!» — справедливо отвѣчала Америка.

Вышло и другое препирательство: «Теперь установимъ правила, говорила Франція, относительно употребленія полученныхъ концессій; чтобы дать имъ значеніе, необходимо иммобилизировать ихъ въ рукахъ владѣльцевъ». Прочія посольства предпочитали предоставить каждому изъ своихъ единоплеменниковъ полную и неограниченную свободу распоряжаться своею собственностью такъ, какъ ему покажется выгоднѣе.

Многіе изъ авантюристовъ продали свой участокъ и обратили его въ деньги, чтобы составить капиталъ перваго обзаведенія, или оборотный фондъ. Не одно скороспѣлое состояніе составилось именно такимъ путемъ. Такимъ образомъ въ Іокогамѣ было двѣ категоріи земель: тѣ, которыя пользовались неограниченнымъ правомъ передачи, быстро повысились въ цѣнѣ; и тѣ, которыя были иммобилизированы консульскою властью, не могли участвовать въ барышахъ вздорожанія поземельной собственности.

Спекуляція мѣстами играла долгое время главную роль въ торговыхъ сдѣлкахъ Франкскаго квартала и служила обильнымъ источникомъ дохода для многихъ резидентовъ. Обстоятельства, пресѣкшія его, объясняются легко.

Съ одной стороны, японское правительство должно было нетерпѣливо искать выхода изъ того положенія, оставаясь въ которомъ Японія дорого бы поплатилась за уроки западнаго воспитанія; съ другой — количество участковъ далеко не удовлетворяло спросу безпрерывно возрастающаго числа иностранцевъ, почему послѣдніе и предпочли лучше немедленно извѣдать шансы торговли, чѣмъ ожидать, пока придетъ ихъ чередъ при раздачѣ новыхъ земель.

Отсюда система личныхъ концессій замѣнилась системой продажи участковъ съ публичнаго торга, хотя послѣдняя имѣетъ то неудобство передъ первой, что даетъ выгоду не тому, кто нуждается, а тому, кто уже имѣетъ средства.

Планъ Іокогамы носитъ отпечатокъ того нетерпѣнія, которое руководило постройкой этого импровизированнаго города.

Въ общемъ, Франкскій кварталъ, неправильностью улицъ, рѣзко отличается отъ японскаго города, воздвигавшагося подъ наблюденіемъ тайкунальнаго правительства. Но какое значеніе имѣетъ вопросъ выравниванья въ струнку въ той оживленной картинѣ, какую представляетъ основаніе колоніи. Интересъ этотъ еще болѣе увеличивается, если мѣстное населеніе, какъ въ Японіи, само помогаетъ дѣлу и прилагаетъ свои обычные пріемы, свою національную практику къ постройкѣ жилищъ иностраннымъ гостямъ.

Большинство іокогамскихъ домовъ надобно было строить на сваяхъ. Кули, употребляемые на такую работу, начинали съ того, что складывали бамбуковую клѣтку, которая обхватывала всѣ проведенныя и обозначенныя вѣхами очертанія будущаго жилья; потомъ устанавливались подмостки, откуда производилось вбиваніе свай въ болотистый грунтъ, причемъ работа производилась безъ помощи веревокъ, блока, какой нибудь машины, а просто самымъ первобытнымъ и живописнымъ способомъ. Вколачивающая сваи баба состоитъ изъ толстаго деревяннаго бревна, къ которому прикрѣпляются четыре длинные бамбуковые ствола, связанные вверху букетомъ изъ вѣтокъ или листьевъ.

Кули поднимаютъ ее въ три темпа: сначала обхватываютъ бамбуковые стволы при верхушкѣ, сопровождая этотъ маневръ крикомъ "хо-лясса!" потомъ перехватываютъ пониже, примѣрно на полувысотѣ, «охо-дясса!»—наконецъ приподнимаютъ бабу въ уровень съ своимъ ростомъ, «охо-кулясса!» Здѣсь слѣдуетъ долгая пауза, во время которой четыре бамбуковыя трости граціозно шелестятъ густой верхушкой надъ группой рабочихъ. Черезъ минуту послѣдніе роняютъ бабу и, вслѣдъ за ея ударомъ, затягиваютъ торжественное пѣніе въ честь побѣды надъ сваей.

Окончивъ низшіе чувствъ, кучка рабочихъ хватается снова за четыре бамбука и снова начинаетъ игру съ тѣмъ же увлеченіемъ и тѣми же формальностями.

Я былъ пораженъ порядкомъ и дисциплиной, которые господствуютъ во всѣхъ частяхъ, распредѣленныхъ между рабочими при постройкѣ. Между ними существуетъ родъ іерархіи, въ хвостѣ которой явственно можно различить группу кули, а въ головѣ — цехъ плотниковъ.

Большая часть кули силится доказать своимъ костюмомъ, въ продолженіе теплаго времени, что татуировка съ успѣхомъ замѣняетъ всякую одежду.

Землекопы, каменьщики, приготовители известковаго раствора и гипса носятъ узкіе панталоны и казакинъ изъ голубой бумажной матеріи, украшенной цыфрами и буквами, которыя отдѣляются, въ видѣ вышивки изъ бѣлаго басона, на спинѣ и полахъ платья.

У плотниковъ костюмъ почти такой же; но они, кромѣ того, надѣваютъ еще широкій распашной киримонъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они напоминаютъ средневѣковыхъ массоновъ. Ихъ корпорація имѣетъ іероглифическіе знаки и извѣстные священные инструменты, напримѣръ: тяжелые деревянные молотки съ разноцвѣтными узорами и большія фантастическія стрѣлы, которыми они декорируютъ верхушку зданія, когда выводятъ крышу.

Отношенія между корпораціями рабочихъ и владѣльцами мѣстъ, гдѣ производится постройка, обусловливаются письменными контрактами, подписанными той и другой стороной и засвидѣтельствованными губернаторомъ города. Въ случаѣ просрочки, постановленъ извѣстный вычетъ въ день, причемъ выговорено, что дождливые дни къ просрочкѣ не считаются. Прогульные дни разрѣшаются только по большимъ праздникамъ; но этимъ разрѣшеніемъ пользуются въ теченіе новогодней недѣли такъ хорошо, что не разъ европейскіе пакетботы, совершающіе обычные рейсы, должны были уѣхать безъ груза, потому что въ эти дни нельзя было достать ни за какія деньги кули и лодочниковъ.

За послѣдніе годы Іокогама украсилась, какъ въ самомъ городѣ, такъ и на холмахъ Блуффа, домами, гдѣ западная архитектура успѣшно сочеталась со стилемъ мѣстныхъ построекъ. При началѣ, японскіе архитекторы для зданій Франкскаго квартала приняли типомъ іяски втораго и третьяго классовъ. Граница владѣнія относится палисадомъ или стѣною, выбѣленною известью съ молокомъ. При домѣ хозяина разбивается небольшой садикъ и устроивается веранда. Товары складываются въ годоунъ, поодаль отъ жилья.

Эти стѣны и палисады придаютъ, въ общемъ, европейскому кварталу видъ пенитанціарной колоніи.

Японское правительство не замедлило разоблачить свои виды, заставившіе замѣнить Канагавскій портъ Іокогамой.

Трудно было бы ему запереть Канагаву, городъ, который тянется на полмили вдоль большой императорской дороги; но, напротивъ, было весьма легко обратить Іокогаму во вторую Дешму, что

оно и не замедлило сдѣлать посредствомъ проведенія широкаго канала, окончательно полировавшаго городъ отъ предмѣстія Омура.

Деревянные мосты, переброшенные черезъ каналъ, были сдѣланы только для пѣшеходовъ; для движенія же товаровъ открывался единственный выходъ, черезъ шоссе и большой деревянный мостъ, по ту сторону Бентана, по направленію губернаторскаго холма.

Никто и ничто не могло войти въ Іокогаму, ни выйти изъ нея, безъ контроля и дозволенія мѣстной власти. Монополія и произволъ замѣняли обѣщанную трактатами свободу торговли; а губернаторы канагавскіе, съ высоты своей укрѣпленной резиденціи, могли однимъ мановеніемъ руки уничтожить все населеніе ко, онін, начиная съ гордыхъ негоціантовъ Запада и кончая рыбаками и продавцами ракушекъ изъ мѣстечка Бентанъ.

ГЛАВА LVII.

ПЕРВЫЕ УРОКИ ТОРГОВЛИ.

Монетная система. — Спекуляціи европейцевъ. — Аіотажъ. — Затрудненія японскаго казначейства. — Поддѣлки и контрфакціи въ промышленности и торговлѣ. — Начало новой эры.

До заключенія трактатовъ бразды торговли между Европой и Японіею находились въ рукахъ голландскаго правительства. Агентомъ оно имѣло Нидерландскую индѣйскую компанію, японская факторія которой помѣщалась въ Дешмѣ.

Въ 1857 г. нѣсколько торговыхъ домовъ изъ Амстердама и Сѣверной Германіи учредили конторы въ томъ же городѣ. Они съ успѣхомъ занимались ввозомъ бумажныхъ и шерстяныхъ матерій и издѣлій, приноровленныхъ ко вкусамъ и скромнымъ финансовымъ средствамъ мѣстныхъ потребителей. Японскія шелковыя и бумажныя ткани не прочны; шерсть неизвѣстна въ странѣ. Мануфактурныя произведенія Англіи, Швейцаріи и Голландіи, преимущественно тозаны или таффачета, бумажныя ткани, доступныя по цѣнѣ болѣе сукна, сдѣлались предметомъ сильнаго спроса. Купленный въ Дешмѣ товаръ отправлялся въ Симоносеки, а оттуда развозился по внутреннимъ рынкамъ.

Піонеры европейской торговли, сдѣлавшіе первый привалъ въ Нагасаки, не преминули отправиться въ Канагаву къ 1-му іюля 1859 г. Здѣсь они встрѣтили множество агентовъ значительныхъ англійскихъ и американскихъ домовъ, учрежденныхъ въ Гонконгѣ или въ Шанхаѣ. Рядомъ съ ними, авантюристы разныхъ націй выгружали въ іокогамскихъ складахъ ящики со всякимъ сбродомъ товаромъ, въ числѣ которыхъ сваливались въ кучу съѣстные консервы, выдержавшіе уже пробу китайскаго климата, спиртные напитки, сигары, мундиры, кивера и бракованныя ружья, поддѣльные камни, дешевенькіе и подержанные часы, корсеты, соломенныя шляпы, эластическую обувь и даже коньки.

За исключеніемъ нѣсколькихъ, выгодно-проданныхъ, партій бумажнаго товара, сдѣлки съ мѣстными маклерами велись вяло. Модный парижскій товаръ, часы, шкатулки съ музыкой возбуждали ихъ любопытство, но относились, по ихъ мнѣнію, къ категоріи вещей роскоши: но японцы не придерживались еще правила, что если можно доставить себѣ роскошь то, излишне было бы запасаться необходимымъ.

Вообще, положеніе дѣлъ не обѣщало много. Очевидно было, что населеніе вообще скорѣе бѣдно, а войти въ сношеніе съ достаточными классами, привыкшими довольствоваться ресурсами мѣстной промышленности, — чрезвычайно трудно.

Такъ какъ сдѣлки совершались на наличныя деньги, то иностранные купцы ввели въ употребленіе на японскомъ рынкѣ піастръ, иначе называемый мексиканскимъ долларомъ, главное размѣнное средство въ торговлѣ съ Китаемъ.

Устанавливая отношеніе піастра къ японской монетной системѣ, они замѣтили, что монеты въ этой странѣ имѣютъ курсъ условный, единственнымъ регуляторомъ котораго было правительство. Подобное обстоятельство показалось имъ благопріятнымъ для спекуляцій при размѣнѣ. Первое основаніе операцій доставила имъ желѣзная монета, *сцени*.

Сцени — небольшая круглая пластинка съ квадратнымъ штемпелемъ по срединѣ. У китайцевъ

Балетъ бабочекъ на гапкирскомъ театрѣ.

она ходитъ на-равнѣ съ ихъ кашами или тзапеками, имѣющими ту же форму. Иностранные негоціанты принудили японскую таможню выдавать по 4,800 сцени за одинъ долларъ, между тѣмъ какъ на шангхайскомъ рынкѣ они покупали тотъ же долларъ за 800 или 1,000 кашей, или сцени, — что все равно.

Комбинація была не дурна, но имѣла то неудобство, что брала много времени при пересчитываніи и укладываніи грудъ мелкой монеты. Тогда придумали болѣе удобный и даже болѣе прибыльный фортель.

Самая значительная золотая монета у японцевъ — *кобангъ*. Она овальной формы и небольшой толщины. При открытіи Іокогамы, курсъ ея равнялся 10 голландскимъ флоринамъ, около 21 фр. 50 с.

На японскихъ рынкахъ его покупали за 4 серебряныхъ «бу». Эта монета, которую японцы называютъ *итцебу*, что значитъ «одинъ бу», имѣетъ форму параллелограма въ 24 миллиметра длины на 15 ширины. Толщина ея 8 миллиметровъ. Курсъ колеблется между 1,400 и 1,800 штукъ мѣдной, продолговатой и пробитой въ центрѣ монеты, называемой «темпо». Отсюда среднюю цѣнность бу опредѣлили въ 1,600 темпо. На основаніи трактатовъ, всѣ иностранныя монеты должны были приниматься въ Японіи по вѣсу, соотвѣтствующему вѣсу японской монеты того же металла. Вслѣдствіе этого иностранные негоціанты размѣнивали въ японской таможнѣ 100 долларовъ на 311 итцибу имѣющихъ совершенно одинаковый вѣсъ со 100 піастрами. Но такъ какъ мексиканскій долларъ равняется по вѣсу 3 итцибу, каждый въ 1,600 темпо, то за каждый долларъ требовали 4,800 темпо; и какъ 6,000 — 6,800 темпо составляютъ одинъ кобангъ, то кобангъ покупался почти за $1^1/_4$ доллара, между тѣмъ какъ условная цѣна его была 10 голландскихъ флориновъ, или $3^3/_4$ доллара. Такимъ образомъ, долларъ съ дѣйствительной стоимостью въ 5 фр. 30 с. обращался въ Японіи по курсу въ 15 фр. 75 с. *).

При продажѣ товаровъ, иностранный продавецъ условливался съ японскимъ покупщикомъ, чтобы уплата производилась кобангами. Кобангъ, равный стоимостью около 4 долларовъ, при уплатѣ шелъ по курсу 3 итцибу за долларъ, то есть 12 итцибу по вѣсу, между тѣмъ какъ условный курсъ былъ: 1 кобангъ равняется 4 итцибу. Такимъ образомъ, золото на японскомъ рынкѣ ходило всего въ четыре раза выше своего вѣса на серебро, вмѣсто того чтобъ ходить въ пятнадцать и даже въ пятнадцать съ половиною разъ выше, какъ вездѣ въ другомъ мѣстѣ.

Такъ какъ ажіотажъ, между двумя рынками Китая и Японіи, приносилъ, вслѣдствіе этого, въ концѣ операціи барышъ отъ 60 до 90 процентовъ, то каждый мелкій авантюристъ, имѣвшій не болѣе 10 долларовъ въ карманѣ, могъ поселиться въ Іокогамѣ и въ первый же день выручить около 30 долларовъ однимъ только размѣномъ своихъ денегъ на золото, а золота — на серебро; точно также, самый ничтожный изъ мелочныхъ торговцевъ могъ, при случаѣ, уступить свой товаръ на 50% ниже дѣйствительной стоимости, и, не смотря на то, пріобрѣсти хорошій барышъ.

Шангхайскіе купцы разомъ завалили іокогамскій рынокъ піастрами и товарами. Въ продолженіе одного дня три американскія судна, прибывшія изъ Шангхая, выгрузили въ японской таможнѣ 1.200,000 долларовъ, — болѣе 7 милльоновъ франковъ. Что касается до тюковъ всевозможнаго сорта приходившихъ, одинъ вслѣдъ за другимъ, изъ того же города, то они относились къ разряду хлама, не шедшаго на китайскомъ рынкѣ, или товара, неуспѣвшаго, по причинѣ войны, получить сбытъ въ Китаѣ; все это сваливалось на іокогамскую набережную и отдавалось по самой низкой цѣнѣ, съ цѣлью получить вознагражденіе въ кобангахъ. Едва ли нужно прибавлять, что, по прошествіи трехъ-четырехъ мѣсяцевъ подобнаго торга, всякое понятіе о нормальной и честной торговлѣ утратилось на японскомъ рынкѣ. Цѣна всѣхъ мануфактурныхъ товаровъ понизилась на 60%. Страсть къ ажіотажу, жадность къ барышу, опьяненіе игры – кружили головы и господствовали въ колоніи съ такимъ бѣшенствомъ, какое развѣ только перегоняла лихорадка золота на пляжерахъ Калифорніи.

Можно послѣ того понять, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести на правительство и народъ японскій подобный дебютъ торговыхъ сношеній, по поводу которыхъ западныя посольства давали столько блестящихъ обѣщаній и торжественныхъ протестацій! Совсѣмъ тѣмъ, не желая нимало уменьшать или ослаблять далеко не лестную картину западной торговли, нарисованную мною съ натуры, я долженъ признаться, что японское правительство вполнѣ заслуживало этотъ суровый урокъ въ политической экономіи, обрушившійся на него по поводу размѣна.

Монетнаго единства въ странѣ не существовало. Золото и серебро выполняли тутъ назначеніе металлическаго банковаго билета, выпускъ и курсъ котораго правительство назначало и ограничивало

*) Г. Бреннвальдъ, *Rapport général sur la partie commerciale de la mission suisse au Japon*. Berne, 1865.

по произволу. Всякое другое употребленіе означенныхъ драгоцѣнныхъ металловъ запрещалось законами или установившимися обычаями, изгнавшими драгоцѣнныя украшенія, вещи изъ серебра и золота, исключая коронъ дапри и кой-какихъ дешевыхъ украшеній на саблякъ и меблировки парадныхъ комнатъ. Вслѣдствіе этого, богатство или, вѣрнѣе, доходы владѣтельныхъ домовъ, содержаніе публичныхъ чиновниковъ и даже жалованіе военныхъ офицеровъ, опредѣлялось не деньгами, но натурой, то есть коку или мѣрами риса, цѣнностью хотя и подверженной колебанію, смотря по урожаю, но все таки представляющею болѣе постоянства, чѣмъ монета, курсомъ которой правительство распоряжается вполнѣ произвольно. Борьба, завязавшаяся между нимъ и иностранными негоціантами, на самомъ дѣлѣ не могла быть равна, потому что первое являлось на аренѣ съ устарѣлыми и жалкими уловками фальшиваго монетчика, между тѣмъ какъ его противники, спекуляторы жадные и недобросовѣстные, могли эксплоатировать до-нельзя выгоднѣйшее въ свою пользу право выбора оружія то есть монетной конвенціи, съ величайшею для себя пользою. Правительство [1]), видя съ каждымъ днемъ, что число размѣнныхъ требованій все возрастаетъ и возрастаетъ, платило исправно въ первыя двѣ или три недѣли; а потомъ преспокойно велѣло запереть разомъ таможню, говоря: «Ничего вы не получите, потому что у насъ нѣтъ ничего въ кассѣ».

Шангхайскіе купцы, получавшіе въ своемъ городѣ по 1% въ мѣсяцъ, не могли оставлять долго свои капиталы безъ оборота въ Іокогамѣ.

Они просили содѣйствія консуловъ, и тогда казначейство объявило, что возобновитъ уплаты не иначе, какъ по представленію личныхъ записокъ. Тотчасъ же англо-китайскіе торговые дома наводнили таможню, такъ называемыми, личными записками, какъ по счетамъ своихъ главноуправляющихъ, такъ и по счетамъ множества служащихъ въ ихъ конторахъ; если вѣрить имъ, то въ каждомъ домѣ находились въ услуженіи чуть не легіоны, въ чемъ легко было убѣдиться, читая подписи росписокъ. И дѣйствительно, вы могли бы тутъ увидѣть имена гг. Нонсенса, Джона, Джека, Робинзона, Бонивавантюра, и много другихъ въ подобномъ вкусѣ.

Очутившись снова лицомъ къ лицу съ требованіями, превышавшими его ресурсы, казначейство объявило, что размѣнъ по личнымъ требованіямъ будетъ производиться отнынѣ только въ соразмѣрной пропорціональности.

Но тутъ сталъ выходить такой казусъ. Положимъ, трое лицъ предъявляютъ свои записки: первый на 500 долларовъ, второй на 1,000, третій—на 20 милльоновъ; тогда обладатель самой скромной размѣнной суммы, получитъ итцибу на двѣнадцать долларовъ; товарищъ его, предъявившій 1,000 долларовъ, получитъ на 20, все же остальное количество японской драгоцѣнной монеты попадетъ въ карманъ господина съ 20 милльонами.

Эта шутка, показавшаяся столь же остроумною, какъ и выгодною, нашла множество подражателей.

Какой-то нѣмецъ почтительнѣйше просилъ японскую таможню размѣнять ему сумму въ 250 милльоновъ долларовъ. Японскіе кассиры провели всю недѣлю въ вычисленіяхъ, какія встрѣчаются развѣ въ астрономическихъ трактатахъ. По словамъ англійскаго консула Пембертона Гёджзона [2]), официальный итогъ суммы, занесенной въ таможенные регистры въ теченіе лишь 2 ноября, выведенъ былъ въ: 1,200,666,778,244,601,066,953 долларовъ!

Вслѣдствіе, подобныхъ именно крайностей, написалъ г. Алькокъ, въ минуту справедливаго негодованія, свой циркуляръ отъ 21 ноября, въ которомъ просилъ всѣхъ честныхъ людей соединиться и положить конецъ оскорбленіямъ, совершавшимся въ Іокогамѣ, противъ общества и противъ общаго интереса всѣхъ цивилизованныхъ народовъ.

Между тѣмъ, японское правительство, желая остановить эмиграцію кобанговъ, объявило, что съ этихъ поръ цѣнность этой золотой монеты будетъ считаться по курсу 12 итцибу или 4 доллара. А такъ какъ эта непредвидѣнная мѣра представляла новую приманку для спекуляціи, то кобанги не замедлили прихлынуть въ размѣнныя японскія кассы, что породило опять серьезныя затрудненія. Особенно купцы, ввозившіе въ Японію товаръ, при разсчетахъ въ таможнѣ, никогда не забывали платить тарифъ кобангами по установленному курсу, что соотвѣтствовало огромной скидкѣ пошлины въ ущербъ государственной казнѣ.

Такимъ образомъ, куда ни бросалось правительство, вездѣ его поражали иностранные спекуляторы. Пожаръ, истребившій дворецъ тайкуна, далъ ему наконецъ предлогъ прекратить разомъ всѣ

[1]) См. статьи, напечатанныя въ то время, въ ноябрѣ 1859 г., г. Лендо въ *Revue de deux Mondes*.

[2]) *A residence at Nagasaki and Hakodate in 1859—1860*.

размѣнныя операціи. Объявивъ, что не можетъ болѣе заниматься ничѣмъ, кромѣ поправокъ и расходовъ, причиненныхъ этимъ бѣдствіемъ, оно окончательно закрыло свои кассы.

Высшая коммерческая школа, введенная Іокогамскими резидентами, не замедлила принести свои плоды.

Правительство тайкуна принялось спекулировать на счетъ своихъ собственныхъ подданныхъ. Постановили условіе, что по истеченіи года съ открытія новыхъ портовъ, долларъ будетъ приниматься въ Японіи по таксѣ 3 итцебу. Въ отношеніи же своихъ единоплеменниковъ, правительство оставило курсъ отъ 2 до $2^1/_2$ итцибу при размѣнѣ ихъ долларовъ, причемъ при выпускѣ новой монеты начало уменьшать ея вѣсъ, такъ чтобы получить 3 итцибу изъ каждаго доллара, а это доставляло излишекъ отъ 60 до 100 итцебу на сто піастровъ. Съ своей стороны, японцы нашли весьма справедливымъ вознаградить себя за потерю при размѣнѣ—пропорціональнымъ возвышеніемъ цѣнъ на всѣ товары, которые доставляли европейцамъ.

Въ свою очередь, посольства забыли обычную осторожность, заставлявшую ихъ держаться въ сторонѣ отъ всякихъ спекуляцій съ кобангами. Они не могли устоять противъ соблазна привилегіи, предоставленной имъ правительствомъ тайкуна и заключавшейся въ томъ, что они могли мѣнять ежемѣсячно извѣстную сумму по неизмѣнной таксѣ—311 итцибу за 100 долларовъ, съ вычетомъ лишь $4^0/_0$ за издержки чекана, между тѣмъ какъ обычный размѣнъ въ городѣ колебался между 220 и 250 итцибу за 100 долларовъ.

Такое же право распространено было на консульства, на офицеровъ иностранныхъ отрядовъ, на обязанности которыхъ лежало охраненіе посольствъ и Франкскаго квартала, на офицеровъ и экипажи военныхъ судовъ, стоявшихъ въ водахъ японскаго архипелага. Такимъ образомъ, высшіе чины и офицеры мѣняли, смотря по чину, отъ 1,500 до 3,000 долларовъ въ мѣсяцъ, что конечно придало нѣкоторую прелесть пребыванію ихъ на крайнемъ Востокѣ, хотя въ тоже время не способствовало увеличенію къ нимъ уваженія. Послѣднее обстоятельство повело къ тому, что они первые вызвали вопросъ объ отмѣнѣ этой мѣры, которая и совершилась, если не ошибаюсь, въ 1865 году.

При томъ же, съ изъятіемъ прежняго кобанга изъ обращенія, новый, выбитый по вѣсу въ 3_{8500} граммовъ и стоившій, на основаніи анализа, 7_{12089} фр., очень скоро сталъ приниматься по своей приблизительно-настоящей стоимости. Такую же мѣру употребили относительно итцибу и уменьшили его вѣсъ до 8_{9000} граммовъ, а это равнялось $1_{,77}$ франка согласно опыта.

Разумѣется, тѣже самыя мѣры приняты были относительно нибу,—подраздѣленіе кобанга, сплавъ золота и серебра, стоимостью въ $2_{,7849}$—и всѣхъ прочихъ подраздѣленій монетной системы, какъ-то: пол-итцебу, четверть-итцебу, темпо и кашъ или сцени.

Пока, со стороны иностранныхъ негоціантовъ духъ спекуляцій находилъ главный источникъ въ размѣнныхъ операціяхъ, ихъ туземные собратья, возбужденные примѣромъ, развивали на свойственномъ имъ меркантильномъ полѣ духъ хитрости и мошенничества, успѣхъ которыхъ очень скоро породилъ сильное безпокойство.

Въ Нагасаки давно уже дѣлались подражанія стараго лака и растреснувшагося форфора, поддѣлка черепахи изъ рога яванскаго буйвола и какихъ нибудь деревянныхъ ящиковъ, вымазанныхъ камфорой, которые продовались за границу, подъ названіемъ ящиковъ изъ камфарнаго дерева. Это была вещь извѣстная и малозначущая. Тѣмъ хуже для покупщиковъ, которые попадались въ просакъ! Настоящія японскія рѣдкости предназначались для знатоковъ; поддѣлкой же должны были довольствоваться простые любители.

Но другое дѣло, когда стали замѣчать, что нѣтъ почти ни одного мѣстнаго продукта, который бы иностранный покупщикъ могъ покупать на вѣру. Приходилъ ли напримѣръ, на іокогамскій рынокъ транспортъ съ шелкомъ изъ лучшихъ провинцій, покупщикъ, не смотря на его оффиціально засвидѣтельствованное происхожденіе, непремѣнно встрѣчалъ тутъ смѣсь разнообразнаго качества, начиная отъ самаго тонкаго до самаго грубаго, и, кромѣ того, вѣсъ тюка, заключалъ въ себѣ огромную тару, происходящую не только отъ необходимой упаковки, но и отъ массы бумаги, бичевокъ и прядева, уложенныхъ обманомъ внутри ящика, между сгибами мотка. Надобно ли было купить яичекъ японскаго шелковичнаго червя, съ цѣлью отправки ихъ въ Европу, гдѣ они предназначались для освѣженія породы, пораженной болѣзнью во всѣхъ нашихъ шелководныхъ мѣстностяхъ, то недостаточно было того, что картонныя марки не представляли никакой серьезной гарантіи: но вдобавокъ открывалось, что мѣсто заражено яичками китайскаго шелковичнаго червя, наклеенными на японскіе картоны, или что въ числѣ товара туземнаго происхожденія находились

бѣлыя яички, окрашенныя только въ зеленый цвѣтъ, какъ наиболѣе предпочитаемый иностранными заводчиками; взаключеніе убѣдились, что есть и такіе картоны, гдѣ восковыя зерна, сдѣланныя въ подражаніе яичкамъ шелковичнаго червя, примѣшаны въ огромномъ числѣ къ настоящимъ зернамъ.

Если вѣрить опытнымъ практикамъ, то въ торговомъ дѣлѣ на все найдется средство. Затрудненія торговли шелкомъ повели къ развитію въ Японіи должности коммисаровъ-инспекторовъ по шелковому производству, изъ которыхъ одни состояли на службѣ значительныхъ торговыхъ домовъ, занимавшихся вывозомъ этого продукта за границу, другіе работали для себя, на коммисію, подъ личною своею отвѣтственностью. Учрежденіе имѣло дни своей славы, величія и упадка, по мѣрѣ того какъ шелковый торгъ стремился стать въ правильныя условія.

Чайная торговля, оставленная сначала безъ контроля, на совѣсть и при прежнихъ способахъ туземной обработки, скоро сдѣлались предметомъ не менѣе энергическаго вмѣшательства со стороны негоціантовъ, освоившихся съ китайскими рынками. Они основали большія фабрики для приготовленія японскаго чая по китайскимъ правиламъ. Правительство, повидимому, съ интересомъ слѣдило за опытомъ западной промышленности. Оно йбмогало промышленникамъ доставать смышленыхъ рабочихъ между мѣстнымъ населеніемъ. Когда послѣдніе выучились всѣмъ необходимымъ пріемамъ, то въ одинъ прекрасный день они исчезли, какъ бы волшебствомъ. Надо полагать, что въ этомъ случаѣ они повиновались приказанію правительства, которое требовало ихъ услугъ для организованія внутри страны національныхъ фабрикъ, способныхъ конкурировать съ иностранными спекулятор[illegible]ми.

Такова была, въ главныхъ чертахъ, первая фаза нашихъ сношеній съ имперіею Восходящаго Солнца.

Съ 1 января 1868 г. началась новая эра: четыре самыхъ важныхъ города открылись для западной торговли: Іеддо, Хіого, гдѣ Франкскій кварталъ называется Кобе, Осака и Ніагата.

Присоединяя сюда прежніе — Нагасаки, Хокодате и Іокогаму, получимъ семь пунктовъ, гдѣ существуютъ въ настоящее время европейскія заведенія, не считая другихъ портовъ, которые только посѣщаются нашими судами, именно: Шендаи, Кагозиму и Симоносеки.

Было бы слишкомъ смѣло выводить заключенія о результатахъ, какіе можно ожидать отъ такого внезапнаго расширенія нашихъ торговыхъ сношеній. Они зависятъ главнымъ образомъ отъ рѣшенія вопроса о желѣзно-дорожней сѣти Ниппона.

Я увѣренъ, что будущность Запада въ Японіи сосредоточится въ самомъ Іедо и въ портахъ внутренняго моря — Симоносеки, Хіого, и особливо Осакѣ, которые, при различныхъ условіяхъ, сдѣлаются главными складами мануфактурныхъ произведеній Европы.

Всѣ убѣждены, что Ніагата, на западномъ берегу Ниппона, будетъ пріобрѣтать все болѣе и болѣе значенія, въ отношеніи вывоза чая и шелка, доставляемыхъ изнутри имперіи, а можетъ быть даже — въ отношеніи эксплоатаціи золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ рудъ центральной части архипелага.

Хокодате, на сѣверѣ, пріобрѣтетъ серьезное значеніе лишь при условіи разработки руды серебросноснаго свинца, мѣди, желѣза и каменнаго угля, составляющихъ пока еще скрытыя богатства острова Іессо.

Нагасаки сохранитъ, какъ спеціальность, вывозъ извѣстныхъ продуктовъ, каковы: камфора, соія, растительный воскъ, и постоянно будетъ занимать видное мѣсто въ числѣ городовъ, славящихся торговлею чаемъ.

Іокогама, по счастью, не удовлетворяетъ условіямъ продолжительнаго восходящаго движенія. Во всякомъ случаѣ, она останется до проведенія желѣзныхъ дорогъ торговымъ портомъ Іеддо и складомъ шелководныхъ дистриктовъ — Майбаши и Ошіу, отпускающихъ значительнѣйшую часть этого продукта въ Японіи. Но и послѣдній рессурсъ ему измѣнитъ, если іеддскій воксалъ построятъ въ Синагавскомъ предмѣстіи, противъ якорной стоянки большихъ судовъ.

Тогда вторая Децима, случайная колонія, Іокогама покончитъ свои дни, и не будь тутъ красивыхъ домовъ, которыми застроили ее европейцы, она бы положительно возвратилась къ первобытному своему виду.

ГЛАВА LVIII.

ВРЕМЕННАЯ КОЛОНІЯ.

Столкновеніе европейцевъ съ японскимъ правительствомъ. — Прекращеніе сношеній. — Возстановленіе сношеній. — Европейская колонія въ Іокогамѣ. — Мусмэ.

Споръ, возникшій въ 1863 году между Японіею и Англіею, по поводу убійства Ричардсона, далъ японскому правительству случай пополнить распоряженія, сдѣланныя съ цѣлью утвердить за собой монополію новыхъ сношеній, установленныхъ трактатами, и сдѣлать какъ можно болѣе непрочнымъ поселеніе европейцевъ, на странномъ торговомъ мѣстѣ, которое оно отвело имъ.

Всѣ мѣры послѣдней категоріи дали результатъ, совершенно противуположный ожиданіямъ правительства.

Игроки.

Колонія вышла живучѣе, чѣмъ когда либо, изъ всѣхъ опасностей, которыми ее окружали.

Кризисъ, долженствовавшій разорить ее, только упрочилъ ея существованіе и, по моему мнѣнію, гораздо болѣе, чѣмъ бы слѣдовало.

Въ ночь съ 3 на 4 мая, мы услышали, по сосѣдству съ нашей бентанской резиденціей, сильный шумъ отъ плотничьихъ работъ, необыкновеннаго движенія народа и перевозки тяжестей.

Утромъ, мы замѣтили, что при устьѣ рѣки поспѣшно строится мостъ, для прямаго сообщенія между резиденціей губернатора Канагавы съ нашимъ Якунинскимъ кварталомъ, а съ другой стороны, по шоссе, проложенному черезъ болото, туземное населеніе массами уходило изъ Іокогамы.

Очевидно, правительство собиралось приступить къ изгнанію иностранцевъ. Лишивъ ихъ внезапно рабочихъ, домашней прислуги, оборвавъ разомъ всѣ торговыя сношенія съ туземцами, занявъ

своими войсками высоты, командующія Франкскимъ кварталомъ, снявъ мосты, за исключеніемъ новаго, стратегическаго моста, предназначеннаго исключительно для движенія войскъ и лежавшаго, подъ защитой крытой баттареи губернаторскаго замка и канагавскаго форта, оно ставило европейскую колонію въ необходимость убираться какъ можно скорѣе.

Офиціальное вмѣшательство представителя Франціи при тайкунальномъ правительствѣ, и особенно энергическія мѣры адмирала Жоре предотвратили катастрофу, казавшуюся неизбѣжной.

Адмиралъ выразилъ рѣшимость защищать иностранныхъ негоціантовъ до послѣдней крайности, и объявилъ, что слагаетъ отвѣтственность на японское правительство за каждое враждебное дѣйствіе, или все, что можетъ быть истолковано въ подобномъ смыслѣ.

Такого заявленія было совершенно достаточно, чтобы остановить дезертированіе туземцевъ. Необходимость защиты франкскаго квартала требовала сосредоточенія иностранныхъ резидентовъ, почему мы и переселились въ Іокогаму, гдѣ я прожилъ нѣсколько недѣль въ домѣ г. Пробста, № 48, «Settlement'а».

Японская политика въ теченіе этого времени доставила намъ самыя разнообразныя развлеченія.

Тайкунальное правительство обязалось представить Англіи выраженія сожалѣнія своего въ томъ, что не могло предупредить убійство англійскаго подданнаго на дорогѣ, свободной, на основаніи трактатовъ, и, сверхъ того, заплатить въ наказаніе за такое оскорбленіе сто тысячъ ливровъ.

До 14-го іюня не могли заставить тайкуна согласиться на принятіе этихъ условій, въ особенности на принятіе ихъ въ такой унизительной для него формѣ.

Наконецъ, въ этотъ день японское правительство убѣждается совѣтами Франціи, и облызывается заплатить 18-го числа первую половину штрафа.

Деньги уже были готовы въ таможнѣ, какъ вдругъ, ночью 17-го числа, губернаторъ Канагавы получаетъ приказаніе не платить, но увѣдомить полковника Нееля (Neale), британскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ явится къ нему на совѣщаніе 22-го числа.

Представитель Британіи назначаетъ губернатору окончательный срокъ на 19-е іюня къ 10 часамъ утра, а потомъ къ 9-ти вечера.

Назначенный срокъ приноситъ только уклончивый отвѣтъ: тайкунъ и хотѣлъ бы заплатить, даже деньги готовы, но микадо запрещаетъ повиноваться ультиматуму; тайкунъ же обязанъ подчиниться этому приказанію, подъ страхомъ лишенія жизни.

На этотъ разъ полковникъ Неель вышелъ изъ терпѣнія, тѣмъ болѣе, что первый ультиматумъ его назначалъ срокъ на 26-е апрѣля. Онъ увѣдомилъ морскія силы о прекращеніи переговоровъ и передалъ дѣло въ руки вице-адмирала Купера.

21-го числа Куперъ объявилъ, что откроетъ враждебныя дѣйствія 29-го. Онъ совѣтовалъ іокогамскимъ резидентамъ воспользоваться восемью днями отсрочки, и спасти, что у нихъ было драгоцѣннаго, а также удалить женщинъ и дѣтей.

Со всѣхъ сторонъ начались сборы: бумаги и драгоцѣнныя вещи перевезены на корабли, указанные консулами; женщины тоже стали готовиться къ отъѣзду.

Въ тотъ же самый день контръ-адмиралъ Жоре увѣдомляетъ, въ свою очередь, іокогамскихъ резидентовъ, что силы, которыми онъ располагаетъ, будутъ дѣйствовать за одно съ англійскими войсками для защиты, города и что, въ случаѣ, если адмиралъ Куперъ принужденъ будетъ удалиться согласно инструкціямъ своего правительства, то французскій адмиралъ будетъ продолжать, всѣми средствами, какія находятся въ его власти, защищать поселеніе, основанное въ этомъ портѣ западными державами.

Между тѣмъ, 24-го, въ пять часовъ утра, тридцать тяжелыхъ телѣгъ выѣхали изъ таможни и привезли на дворъ британскаго посольства уплату всей суммы штрафа въ количествѣ 440,000 мексиканскихъ долларовъ. Новость, что тайкунъ платитъ, распространяется по Франкскому кварталу съ быстротою пороховаго взрыва; всѣ приготовленія къ отъѣзду пріостановлены и мы уже поговариваемъ о возвращеніи въ Бентанъ.

Вдругъ, во время завтрака, намъ вручаютъ циркуляръ министра иностранныхъ дѣлъ, Онгасавара Дзуціо но Ками; онъ намъ объявляетъ напрямикъ, что микадо приказалъ тайкуну изгнать всѣхъ иностранцевъ, вслѣдствіе чего тайкунъ далъ полномочіе нижеподписавшемуся, который и явится условиться о дѣлѣ съ представителями Запада, въ тотъ же самый день, въ девять часовъ утра. Часъ отъ часу не легче: мы принялись смѣяться какъ сумасшедшіе.

Совѣщаніе дѣйствительно открывается во французскомъ посольствѣ, и политическіе агенты до-

говаривающихся державъ, выслушавъ Онгасавара, рѣшаются отвѣчать ему, всѣ вмѣстѣ и каждый порознь, энергическимъ протестомъ, соглашаясь однакоже на его требованіе—испросить приказанія своихъ правительствъ, но съ тѣмъ, чтобы въ промежутокъ времени, необходимый для размѣна корреспонденцій, былъ улаженъ британскій вопросъ и, кромѣ того, чтобы торговля продолжала производиться безъ всякихъ препятствій, во всѣхъ портахъ, открытыхъ для иностранцевъ; чтобы охраненіе колоніи было предоставлено адмираламъ, которые примутъ мѣры предосторожности по собственному усмотрѣнію; чтобы тайкунальное правительство вывело войска изъ іокогамскаго района и, наконецъ, чтобы европейскіе патрули могли дѣлать военные обходы за предѣлы территоріальныхъ границъ, назначенныхъ трактатами для иностранцевъ.

Всѣ условія были приняты безъ затрудненій. Оба адмирала получили письмо изъ Городжіо, въ которомъ признавались за ними права, установленныя конференціею 24-го іюня. Мѣры къ защитѣ Франкскаго квартала приводились въ исполненіе не только безъ всякаго сопротивленія, или какой бы то ни было помѣхи, но даже при усердномъ содѣйствіи канагавскаго губернатора.

На г. Лейрля, начальника главнаго штаба при адмиралѣ Жоré, возложена была защита интересовъ Франціи; капитаны корабля «Дей» и корвета «Encounter» командовали англійскимъ контингентомъ.

«На югъ отъ Іокогамы, пишетъ г. Альфредъ Руссенъ, холмы совершенно примыкаютъ къ иностранному кварталу и отдѣляются отъ него только каналомъ. Одинъ изъ нихъ, возвышающійся на берегу моря, противъ губернаторскаго холма, былъ предоставленъ послѣднимъ въ распоряженіе французскаго флота. На немъ размѣстили отрядъ морскихъ стрѣлковъ. Постъ, устроенный стараніями японскихъ властей, окружили палисадомъ и поставили подлѣ него флагъ-мачту. Съ этого пункта, командующаго надъ рейдомъ, городомъ и лежавшей въ тылу долиной, можно было производить бдительный надзоръ и подавать сигналы. Въ случаѣ ночнаго нападенія, единственнаго вѣроятнаго способа аттаки, сухопутныя войска, по условнымъ сигналамъ, обязаны были собираться на извѣстныхъ пунктахъ, а корабли — поспѣшить высылкою подкрѣпленій и судовъ. Такимъ образомъ, являлась возможность отразить нападающихъ, или же, при невозможности защищать городъ, — дать жителямъ его время укрыться на военныхъ судахъ».

Я былъ свидѣтелемъ какъ вступали въ обладаніе холмомъ Блуффъ флотскіе французскіе офицеры въ сопровожденіи нѣсколькихъ ротъ 3-го батальона легкой африканской пѣхоты и толпы японскихъ кули, присланныхъ канагавскимъ губернаторомъ, по требованію. Солдаты срубали деревья, дѣлали туры, выравнивали землю и ободряли себя пѣньемъ «Звѣзды базара», одной изъ любимыхъ пѣсенокъ въ репертуарѣ «Зефировъ». Около нихъ кули, по указаніямъ офицеровъ, работали заступомъ и лопатой, и, улыбаясь, сначала выражали одобреніе пѣвцамъ знаками, а потомъ, увлекаясь мало по малу общею веселостью, подпѣвали вмѣстѣ съ хоромъ: «Этоля-ди-база! Этоля-ди-база!

Такимъ-то образомъ открытіе Іокогамы сдѣлалось дѣйствительнымъ и окончательнымъ фактомъ, посредствомъ занятія ея войсками. Такимъ-то образомъ сосредоточилась западная торговля въ Японіи на рыбачьей лачугѣ, которую поторопились застроить богатыми домами и обширными складами товаровъ. Такимъ-то, наконецъ, образомъ дѣйствительные японскіе порты главныхъ торговыхъ городовъ, — Іеддо, Осаки, Хіого, Ніагаты, — оставались для насъ закрытыми до 1868 года, пока негоціанты, консулы, министры договаривавшихся западныхъ державъ, не сбились въ кучу въ одномъ уголкѣ Японіи, отдѣленные отъ массы народа, отстраненные отъ ея буржуазіи, отъ богатыхъ классовъ и принужденные довольствоваться собственнымъ обществомъ и всякимъ сбродомъ разныхъ авантюристовъ съ береговъ Тихаго океана, а также такимъ обществомъ туземцевъ обоего половъ, которое, за немногими исключеніями, составляло далеко не самую здоровую и уважаемую часть населенія.

Въ мое пребываніе въ Іокогамѣ, представителями западной торговли въ этомъ городѣ были 80 англичанъ, 70 американцевъ, 30 голландцевъ, 30 французовъ, 16 нѣмцевъ, 8 португальцевъ и 8 швейцарцевъ. Старшиною колоніи былъ нашъ молодой другъ Шнелль, не имѣвшій еще и шестнадцати лѣтъ при своемъ пріѣздѣ въ Японію.

Эти 242 жителя состовляли ядро колоніи; но населеніе ея доходило часто до 3-хъ и до 4,000 душъ, образуясь изъ людей заѣзжихъ, искателей приключеній, и особенно изъ экипажей военныхъ кораблей, или торговыхъ судовъ, а также изъ отрядовъ морскихъ солдатъ или регулярныхъ войскъ англійскихъ, французскихъ, голландскихъ и прусскихъ.

Женатыхъ жителей было очень немного.

На балѣ, представителя Нидерландовъ въ Бентанѣ едва могли насчитать девять дамъ, включая сюда же и достопочтенныхъ дамъ англиканской капеллы; между тѣмъ какъ кавалеровъ было 150 человѣкъ.

«Худо человѣку жить едину». Холостыя колоніи, если можно такъ выразиться, гдѣ бракъ и семья еще не получили права гражданства, представляютъ картину сухости, пошлости и отчаянной скуки.

Вотъ тутъ-то слѣдуетъ изучать эгоизмъ человѣческаго сердца, во всей наивности его проявленій, такъ забавно противорѣчащихъ одно другому: сегодня, въ день прихода или наканунѣ, отхода почты, кипитъ работа, то есть царствуетъ любовь къ барышу, тщеславіе «*take money*», даже иногда скарединчество, самая гнусная скупость; завтра, послѣ отхода почты,—покой, другими словами: ничего недѣланье и его необходимое послѣдствіе — потребность разсѣянія, жажда развлеченій, желаніе высказаться и самая безумная расточительность.

Неправильность торговыхъ дѣлъ во вновь открытыхъ портахъ ведетъ за собою то продолжительный застой капиталовъ, то лихорадку спекуляціи, страсть къ куплѣ и продажѣ, которыя должны дать туземцамъ самое смѣшное понятіе о характерѣ европейцевъ. Ихъ ничто такъ не шокируетъ какъ неровность расположенія духа, поспѣшность и волненіе въ практическихъ дѣлахъ жизни.

Можно сказать, что они по той же самой мѣркѣ судятъ о домашней жизни и общественныхъ нравовъ колоніи. Имъ кажется совершенно естественно, что правительство основало въ Нагасаки и Іокогамѣ ганкиро для европейцевъ; но ихъ скандализируютъ шумныя сцены пьянства и ночныя оргіи, театромъ которыхъ становятся дома удовольствій, открытые для иностранцевъ.

Мнѣ кажется, что простой интересъ домашней или патріотической спекуляціи заставляетъ ихъ покровительствовать помѣщенію молодыхъ дѣвушекъ изъ этихъ заведеній въ дома европейцевъ. Какое бы тамъ ни было ихъ положеніе, но европейцы окружаютъ ихъ тѣмъ же вниманіемъ какъ и замужнихъ женщинъ. «Мусме», какъ ихъ называютъ, отличаются вообще кротостью, скромностью и вѣрностью. Привязанность, выказываемая ими своему господину, можетъ сравниться только съ благодарностью рабыни, отпущенной на волю. Слѣдовательно, нечего удивляться, если связь, заключенная сначала на нѣсколько мѣсяцевъ, продолжается годы и оканчивается полной уплатой долга, сдѣланнаго этими женщинами въ ганкиро, и приданымъ, которое можетъ обезпечить имъ нѣкоторую независимость, когда онѣ снова вернутся въ японское общество.

Тѣмъ не менѣе, связи подобнаго рода, для европейцевъ, которые ими увлекаются, служатъ не только поводомъ къ большимъ издержкамъ, но и обильнымъ источникомъ скуки, а нерѣдко и цѣлой бездны золъ.

Вначалѣ издержки на помѣщеніе и содержаніе мусме́ такъ ничтожны, что проходятъ совершенно незамѣтно въ общемъ расходѣ по дому. Скромный гардеробъ, свѣжія цыновки, нѣсколько кухонной посуды, помѣщенной въ одной изъ пристроекъ или въ какомъ нибудь уголкѣ хозяйскаго жилища, еженедѣльная плата, не превышающая цѣнности обѣда, взятаго изъ гостиницы, — вотъ сначала и всѣ требованія; но вскорѣ обязательства усложняются и разрастаются до безконечности. Нечего и говорить, что, по истеченіи каждаго срока, контрактъ возобновляется съ содержателемъ ганкиро. Затѣмъ у мусме оказывается сестра, которую бросилъ какой нибудь якунинъ; она, не стѣсняясь предлагаетъ ей гостепріимство, такъ какъ расходы хозяина дома отъ того ничуть не увеличатся, обѣ сестры будутъ спать на одной постели, подъ однимъ одѣяломъ; только въ чайницу прибавятъ немного болѣе воды, да пригласятъ въ недѣлю одной подругой меньше на чашку риса и тобаккобонъ. Когда сестрѣ удалось поселиться въ Іокогамѣ, слѣдуетъ очередь старой матери, или больнаго отца, или брата, желающаго завести лавку рѣдкостей въ Японскомъ городѣ; и такимъ образомъ, мало-по-малу, великодушный покровитель бѣдной маленькой мусме́, помимо своей воли, становится провидѣніемъ цѣлаго племени туземцевъ.

Счастливъ онъ еще, если ему не придется вкусить сладостей родительскаго положенія.

Со времени Децимы до нашихъ дней, голландскіе резиденты, у которыхъ родятся мальчики, отсылаютъ ихъ какъ можно ранѣе въ батавскую кадетскую школу, откуда они поступаютъ въ военную службу нидерландской Индіи.

Остальныя дѣти европейцевъ, преимущественно дѣвочки, служатъ предметомъ такихъ заботъ и непріятностей, что, право, лучшее привѣтствіе ихъ рожденія — желанье имъ скорѣйшей смерти.

Вотъ почему рѣдко случается, какъ я и прежде упоминалъ, чтобы мусме рожали дѣтей; если же это и бываетъ, то смертность между раждающимися необыкновенная.

Въ отношеніи ихъ выполняютъ всѣ обряды религіи. Къ какому бы христіанскому вѣроисповѣданію ни принадлежалъ отецъ, призываютъ обыкновенно католическаго священника. Онъ торопится окрестить умирающаго, записываетъ въ реестры своего прихода однимъ японцемъ больше и хоронитъ его въ святой землѣ, съ маленькими четками въ рукахъ.

Мать, съ своей стороны, соблюдаетъ обряды буддистской религіи, не забывая устроить поминки, причемъ тѣмъ изъ подругъ, которыя не могли на нихъ присутствовать, отсылаются, по обычаю, ихъ доли на домъ.

ГЛАВА LIX.

ПРИЧИНЫ ФЕОДАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Соціальное устройство Японіи. — Расходы дайміосовъ. — Выгоды тайкуна отъ торговли съ иностранцами. — Низшее дворянство. — Князь Ногато. — Убійство Ричардсона. — Военныя дѣйствія. — Заговоръ противъ тайкуна.

Частная жизнь іокогамскихъ поселенцевъ, не была для японцевъ такъ странна, чтобы оказать какое нибудь серіозное вліяніе на ихъ отношенія къ намъ; но я убѣжденъ, что видъ улицы въ нѣкоторыхъ частяхъ франкскаго квартала, много повредилъ намъ во мнѣніи всѣхъ классовъ мѣстнаго населенія.

Самая красивая площадь въ городѣ, гдѣ пересѣкается большая улица, или Майнъ-Стритъ, и Портовая улица, сдѣлалась для нѣкоторыхъ американскихъ спекуляторовъ, и безъ того уже нажившихся, предметомъ столь же смѣлаго сколько остроумнаго предпріятія. Среди площади стояла группа японскихъ строеній, и вотъ они стали просить правительство предоставить эти строенія въ ихъ временное пользованіе, пока не отстроятся ихъ собственныя дома. Получивъ разрѣшеніе, они тотчасъ же пустили зданія въ наемъ, по частямъ, для помѣщенія черныхъ, желтыхъ, бѣлыхъ, которые, въ свою очередь, открыли тутъ гостинницу, бойню, французскій кафе, прачешную, распивочную, матросскій домъ (Sailorshome), да мало-ли что еще? такъ-что весь день и большую часть ночи окрестности этихъ заведеній служили сборнымъ мѣстомъ самой отборной публики арміи и флота: матросовъ, солдатъ и партикулярнаго званія лицъ всѣхъ странъ, нарѣчій и состояній.

Негры изъ колоній Тихаго Океана удивительно изобрѣтательны, вѣжливы и опытны по части ловкаго и скрытнаго эксплуатированія вкусовъ и пороковъ бѣлыхъ. Въ Іокогамѣ онѣ рестораторы, а ихъ негритянки ходятъ стряпать въ городъ по заказу. Секретъ дешевизны и превосходства ихъ табльдота заключаются въ томъ, что они подаютъ кушанье на столъ въ часъ обѣда ихъ сосѣдей, крупныхъ городскихъ негоціантовъ. Когда блюда обойдутъ раза два всѣхъ гостей послѣднихъ, тогда они принимаются на кухнѣ китайскимъ компрадоромъ, который передаетъ ихъ еще горячія на кухню негровъ.

Нѣкоторые изъ этихъ господъ послѣ десерта, отправляются на прогулку верхомъ по Токаидо и смѣются надъ бѣдными туземными горожанами, которые плетутся пѣшкомъ и становятся на колѣни при встрѣчѣ съ гербовымъ паланкиномъ.

Главная ошибка трактатовъ 1858 г. заключалась, по моему мнѣнію, въ томъ, что эти трактаты допускали, хотя не выказывая этого явно, возможность совмѣстнаго существованія двухъ цивилизацій, которыя, по самой природѣ своей, стремятся истребить или поглотить одна другую.

Японія есть нѣчто въ родѣ союза удѣльныхъ княжествъ, состоящаго подъ верховной властью микадо, сына неба, наслѣдственнаго духовнаго императора, который предоставляетъ высшее управленіе гражданскими и военными дѣлами государства своему намѣстнику сіогуну. Съ тѣхъ поръ какъ должность сіогуна сдѣлалась наслѣдственной, по такъ называемому Гогензамскому договору (въ 1593 г.), это учрежденіе, которое мы называемъ «тайкунатомъ», очевидно заключало въ себѣ зародышъ будущей конституціонной монархіи, съ утвержденіемъ которой власть духовнаго императора должна получить чисто номинальный характеръ.

Наша современная цивилизація, существенно-демократическая, должна дѣйствовать разлагающимъ образомъ на этотъ соціальный организмъ, который и безъ того уже въ значительной степени утратилъ свою внутреннюю связь. Первый ударъ разразился надъ феодальнымъ дворянствомъ, и прежде всего коснулся его матеріальныхъ интересовъ. Помимо доходовъ съ своихъ помѣстьевъ,

японскіе дворяне не имѣютъ никакихъ другихъ источниковъ дохода. Законы Гогензамы обязывали ихъ имѣть двойную резиденцію: одну въ своемъ замкѣ, другую—при дворѣ тайкуна, гдѣ они должны были оставлять на весь годъ свои семейства и проводить сами по крайней мѣрѣ одинъ семестръ. Два первые разряда дайміосовъ состоятъ изъ сорока пяти владѣтельныхъ князей; годовой доходъ самаго богатаго изъ нихъ опредѣляется въ 19 милліоновъ франковъ, а самаго бѣднаго втораго разряда—въ полтора милліона франковъ. Благодаря необходимости жить на два дома, всѣ дайміосы низшаго разряда, число которыхъ простирается до 315, не пользуются матеріальнымъ избыткомъ. Между тѣмъ, со времени открытія Японіи для европейцевъ, нѣкоторыя туземныя производства, какъ, напримѣръ, шелкъ, чай, хлопокъ, потребляющіеся въ прежнее время внутри самой Японіи, и потому цѣнившіеся очень низко, вдругъ сдѣлались предметомъ спроса все болѣе и болѣе усиливающагося, на всѣхъ пунктахъ, открытыхъ для иностранной торговли. Вслѣдствіе этого, цѣны на эти продукты быстро поднялись, что повлекло за собою вздорожаніе предметовъ первой необходимости — именно риса.

Спрашивается: кто же пользуется увеличиніемъ богатствъ, приливающихъ въ страну, вслѣдствіе все болѣе и болѣе выгодной торговли съ иностранцами? Прежде всего тайкунъ, имѣющій въ своихъ рукахъ монополію вывозной торговли, затѣмъ его агенты, закупщики провинцій, и маклера въ приморскихъ портахъ, и, наконецъ, масса мелкихъ туземныхъ промышленниковъ, которые обыкновенно поселяются въ европейскихъ колоніяхъ, или по сосѣдству съ ними.

Дайміосы, не участвующіе въ барышахъ отъ этой торговли съ иностранцами, чувствуютъ на себѣ лишь одну невыгодную сторону ея, именно вздорожаніе всѣхъ предметовъ потребленія. Можетъ быть, кто нибудь замѣтитъ, что ихъ собственные доходы, получаемые ими въ видѣ сырыхъ продуктовъ, также должны пріобрѣсти большую цѣнность. Такъ дѣйствительно и было бы, еслибъ существовала свобода торговли, еслибъ владѣльцы могли продавать прямо свои продукты иностранцамъ, но они обязаны передавать ихъ на руки агентамъ тайкуна. Ему-то, этому привилегированному продавцу, достаются громадные барыши; поставщики же его получаютъ самый ничтожный процентъ, тогда какъ величина ихъ расходовъ зависитъ отъ цѣнъ, существующихъ въ портовыхъ городахъ имперіи.

Что касается низшаго дворянства, гораздо болѣе многочисленнаго, чѣмъ классъ владѣтельныхъ князей, то оно, не пользуясь землею, существуетъ лишь государственной службой и не имѣетъ никакихъ другихъ источниковъ дохода, кромѣ жалованья; вслѣдствіе этого, низшее дворянство все болѣе и болѣе бѣднѣетъ, впадаетъ въ долги и разоряется, такъ какъ оклады жалованья не увеличились сообразно возвышенію цѣнъ на предметы первой необходимости, а остаются и до сихъ поръ тѣ же самые, какіе были до открытія Японіи для иностранной торговли. Въ прежнее время всѣ дворяне, состоящіе на службѣ у тайкуна или у дайміосовъ, имѣли возможность жить съ своимъ семействомъ и прислугою если не роскошно, то, по крайней мѣрѣ, прилично. Въ настоящее время они быстрыми шагами приближаются къ состоянію нищеты. Правительство позволило имъ, лишь въ извѣстныхъ торжественныхъ случаяхъ, надѣвать шелковую одежду, которая нѣкогда считалась единственной, необходимой принадлежностью ихъ сана. Оно освободило также все феодальное дворянство отъ обременительной обязанности присутствовать половину года въ Іеддо. Но всѣ эти мѣры имѣютъ лишь паллятивный характеръ: зло, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту, неисправимо, положеніе безвыходно, кризисъ неминуемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ развитіемъ военнаго и торговаго флота, съ уничтоженіемъ монополіи, съ преобразованіемъ арміи, законодательства и администраціи, съ разработкой минеральныхъ богатствъ края, словомъ, съ установленіемъ новаго порядка вещей, къ которому Японія уже приближается, откроются полезныя и выгодныя поприща дѣятельности для всѣхъ этихъ, нынѣ непроизводительныхъ силъ, которыя глохнутъ и гибнутъ безплодно, обивая пороги императорскихъ дворцовъ или замковъ феодальныхъ князей. Но само собою разумѣется, что переходный періодъ, который будетъ предшествовать этому лучшему будущему, не обойдется безъ кризисовъ и насильственныхъ переворотовъ. Съ другой стороны, феодальное дворянство утратило часть своей политической власти, съ установленіемъ новаго публичнаго и международнаго права, введеннаго трактатами, которые Японская имперія заключила съ европейскими государствами.

Одинъ изъ дайміосовъ, князь Ногато, не допускавшій, чтобы трактаты, заключенные тайкуномъ съ западными державами, могли въ какой бы то ни было степени касаться его родовыхъ владѣній, вздумалъ не только закрыть входъ иностранцамъ въ свои владѣнія, но даже не подпускать къ нимъ

ни одного иностраннаго корабля на разстояніе пушечнаго выстрѣла. Онъ поставилъ батареи на берегахъ своихъ владѣній, возвышающихся надъ проливомъ Ванъ-деръ-Капелленъ, и твердо рѣшился стрѣлять въ каждый корабль западныхъ державъ, который появится въ этомъ проливѣ.

Иностранные посланники, принимая во вниманіе, что проливъ Ванъ-деръ-Капелленъ есть международный путь, не составляющій ничьей исключительной собственности, обратились съ запросомъ къ тайкуну; но послѣдній объявилъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать противъ князя Нагато. Такимъ образомъ, державы, заключившія трактаты съ Японіей, принуждены были сами принять мѣры къ устраненію препятствій, загражданшихъ свободное плаваніе по проливу Капеллену. Для этого они снарядили экспедицію, состоящую изъ шестнадцати военныхъ англійскихъ, французскихъ, голландскихъ и американскихъ пароходовъ, которые, только послѣ трехдневной непрерывной битвы, принудили князя сдаться.

Вотъ какимъ образомъ понимали смыслъ договоровъ 1858 года одиннадцать главнѣйшихъ дайміосовъ:

«Наши трактаты, пишутъ они тайкуну, относительно торговли съ иностранцами, были большою милостью съ нашей стороны, дарованною имъ, вслѣдствіе ихъ неотступныхъ просьбъ. Поэтому эти трактаты не могутъ быть сравниваемы съ какими бы то ни было формальными договорами.

«Вмѣсто того, чтобы принять какъ милость дарованныя имъ привиллегіи, — они осмѣливаются смотрѣть на эти привиллегіи какъ на свои законныя права.

«Достоинство и слава Великаго Ниппона не могутъ допустить столь дерзкихъ притязаній.

«Мы готовы, конечно, позволить имъ, подобно тому, какъ это было и въ прежнее время, торговать и наживаться, съ тѣмъ условіемъ, разумѣется, чтобъ они не слишкомъ обкрадывали насъ; но мы не видимъ никакой надобности въ присутствіи ихъ якуниндевъ (посланники и другіе члены посольства). Имъ не нужно никого, кромѣ главныхъ конторщиковъ, и мы хотимъ, чтобъ иностранные купцы, пріѣзжающіе въ наше государство, подчинялись нашимъ законамъ и нашему торговому уставу.

«Вы говорите, что иностранные державы, смотритъ на это дѣло иначе.

«Если такъ, возьмемъ назадъ дарованныя иностранцамъ привиллегіи, потому что, по общепринятому во всемъ свѣтѣ правилу, кто злоупотребляетъ сдѣланною ему милостью, тѣмъ самымъ лишается ея.

«Каждый истинный патріотъ вздыхаетъ о славномъ прошедшемъ нашей страны, при видѣ ея настоящаго положенія! Вспомните только, какъ варвары нѣкогда уважали славу Великаго Ниппона; какъ они чтили наши повелѣнія и исполняли малѣйшія наши желанія! Одна только иностранная нація была допущена къ намъ въ видѣ аманата, служащая залогомъ вѣрности остальныхъ христіанскихъ государствъ, и это снисхожденіе, какъ показалъ опытъ, было большою ошибкою съ нашей стороны, потому что оно вызвало алчное поползновеніе со стороны другихъ иностранныхъ государствъ.

«Мы не понимаемъ васъ, когда вы говорите, что свѣтъ теперь измѣнился; что отчужденіе отъ всѣхъ другихъ странъ болѣе невозможно.

«Развѣ вы считаете Японію такою же страною, какъ всѣ остальныя, какъ напримѣръ, Китай?

«Вы говорите намъ о формѣ правленія иностранныхъ націй; но развѣ у тѣхъ народовъ есть хоть одна власть, достойная этого названія? Развѣ есть у нихъ микадо, великій сынъ боговъ? И развѣ наши главнѣйшіе княжескіе роды не небеснаго происхожденія»?

Изъ предыдущаго легко понять, что японскому высшему дворянству европейская цивилизація не нравится главнѣйшимъ образомъ тѣмъ, что она затрогиваетъ ихъ національную гордость и сословныя привиллегіи.

Изложимъ здѣсь кстати исторію знаменитаго убійства Ричардсона.

Одинъ изъ первоклассныхъ дайміосовъ, дядя и опекунъ юнаго принца Сатсумы, вице-король острововъ Ліу-Кіу, ѣхалъ однажды, въ сопровожденіи многочисленной свиты по дорогѣ въ Канагаву, и на пути встрѣтилъ общество иностранцевъ, ѣхавшихъ верхами на лошадяхъ. Лазутчики доносятъ ему, что это простые англійскіе купцы, и что между ними есть одна женщина, которая такъ же ѣдетъ верхомъ на лошади. Старый японскій феодалъ былъ взбѣшенъ этимъ фактомъ, который шелъ въ разрѣзъ со всѣми его понятіями о нравственности и приличіи. Еслибъ какой нибудь туземный наѣздникъ осмѣлился при встрѣчѣ съ нимъ не остановиться и не сойдти съ лошади, или еслибъ пѣшеходъ не упалъ ницъ у края дороги, то онъ имѣлъ бы право приказать умертвить его. И вдругъ

иностранцы, люди простаго сословія, стоящіе, по своему общественному положенію, даже ниже крестьянъ, именно простые купцы, которымъ не позволено ѣздить верхомъ, и, что еще хуже, скачутъ ему на встрѣчу, не обнаруживая ни малѣйшаго желанія остановить шагъ своихъ лошадей. Не колеблясь ни минуты, онъ приказалъ стрѣлять. Леноксъ Ричардсонъ, смертельно раненый, падаетъ съ лошади. Его товарищи обращаются въ бѣгство. Кортежъ великаго дайміоса торжественно продолжаетъ свой путь. Дѣло это запутывается самымъ невѣроятнымъ образомъ политическими соображеніями. Англія обращается къ тайкуну и требуетъ отъ него унизительнаго наказанія. Тайкунъ отклоняетъ отъ себя всякую отвѣтственность и прибѣгаетъ, для рѣшенія спора, къ посредничеству Франціи. Но, во всякомъ случаѣ, Сатсуму необходимо наказать примѣрнымъ образомъ. Съ него не только требуютъ огромнаго денежнаго вознагражденія, но и обязываютъ его наказать виновныхъ въ убійствѣ. Увы! Англія и Франція могли бы и впослѣдствіи удовлетвориться торжественной процедурою казни фанатическихъ убійцъ. Сенджи, одинъ изъ убійцъ Бальдвина и Бирда, возимъ былъ торжественно по улицамъ Іокогамы и голова его была выставлена на показъ въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ. Этотъ примѣръ не помѣшалъ покушенію на убійство свиты сэра Генри Паркса, въ ту минуту, когда онъ отправлялся на аудіенцію къ микадо, 26 марта 1866 года; точно также и декретъ микадо, обнародованный нѣсколько дней спустя, не предотвратилъ вырѣзаніе всего экипажа плюшки «Dupleix», 8 марта 1868 г. Нанести ударъ фанатизму слѣдуетъ въ его исходной причинѣ, а не въ послѣдствіяхъ. Вслѣдствіе этого, спустя десять мѣсяцевъ послѣ происшествія, у стѣнъ Когосимы, резиденціи Сатсумы, появляется военная эскадра съ британскимъ флагомъ. Сатсума съ удивленіемъ узнаетъ, что Англія, одно изъ самыхъ могущественныхъ государствъ во всемъ мірѣ, требуетъ отъ него удовлетворенія за умерщвленіе частнаго лица — простаго купца Англійскій повѣренный въ дѣлахъ, въ сопровожденіи вице-адмирала, возвѣщаетъ ему повелѣніе отъ ея величества, королевы. И такъ иностранка, женщина, присылаетъ ему ультиматумъ, ему — потомку японскихъ ками, за то только, что онъ наказалъ дерзновеннаго, какъ того требовали законы Японіи!! Легко представить себѣ, какой сумбуръ произвело это повелѣніе въ понятіяхъ о божественномъ и человѣческомъ правѣ, на которое опиралось доселѣ существованіе японскаго феодальнаго князя.

Когда насталъ срокъ ультиматума, Сатсума объявилъ, что, по глубокомъ размышленіи, и соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, онъ пришелъ къ тому заключенію, что ничего не понимаетъ во всемъ этомъ дѣлѣ.

Съ своей стороны, смотря на дѣло съ нашей европейской точки зрѣнія, уполномоченный королевы Викторіи, вполнѣ убѣжденный въ справедливости своихъ требованій и въ томъ, что необходимо наказать Сатсуму, видя, что мирнымъ путемъ отъ него ничего нельзя добиться, рѣшается прибѣгнуть къ послѣднему аргументу, обыкновенно употребляемому между двумя государствами, которыя не могутъ порѣшить спора мирнымъ образомъ.

Трудно было бы выбрать для такъ называемыхъ понудительныхъ мѣръ болѣе снисходительнаго и мягкосердечнаго исполнителя, какъ многоуважаемый адмиралъ Куперъ, какъ нельзя лучше расположенный къ японцамъ.

Задача его повидимому не представляла особенныхъ трудностей. Чего бы, кажется, стоило вразумить заупрямившагося дайміоса, не употребляя при этомъ насильственныхъ мѣръ ни противъ его подданныхъ, ни противъ его владѣній, и не подвергая въ тоже время опасности жизнь солдатъ англійской королевы. Развѣ западная цивилизація не на столько могущественна, чтобы навести страхъ на своихъ враговъ однимъ видомъ разрушительныхъ снарядовъ, которыми она обладаетъ. При нашихъ пароходахъ и при нашей усовершенствованной артиллеріи, намъ ничего не стоило бы блокировать порты, овладѣть японскими судами и, въ случаѣ надобности, уничтожить одну или двѣ крѣпости, съ такимъ же хладнокровіемъ, какъ еслибъ мы стрѣляли въ цѣль, оставаясь сами внѣ дѣйствія батарей.

Сатсума имѣлъ три прекрасные парохода, купленные имъ въ Шанхаѣ. Адмиралъ англійскаго корабля, замѣтивъ ихъ въ отдаленной бухтѣ Кагосимы, взялъ ихъ въ плѣнъ, не тронувъ пальцемъ экипажа, который онъ любезно высадилъ на берегъ.

Но всѣ его разсчеты были разрушены неожиданнымъ образомъ. Въ полдень надъ бухтой Кагосима разразилась гроза. Японскій принцъ, не сомнѣваясь, что сами боги, покровители Великаго Нипона, вызвали изъ морской глубины дракона бурь, рѣшается, опираясь на ихъ очевидное содѣйствіе, уничтожить варваровъ, и отдаетъ приказъ двѣнадцати батареямъ, находящимся въ портѣ, открыть огонь противъ этихъ несчастныхъ семи судовъ, балансирующихъ по разъяреннымъ волнамъ.

Тогда-то, среди страшнаго урагана, завязалась борьба, быть можетъ, единственная въ лѣтописяхъ морскихъ войнъ.

Эскадра адмирала Купера не потеряла ни одного корабля; но за то у нея было шестьдесятъ три убитыхъ и тяжело раненыхъ. Въ числѣ убитыхъ — два высшіе офицера адмиральскаго корабля. Что касается князя Сатсумы, онъ видѣлъ, какъ англичане, отчаянно защищаясь, сожгли сначала три его парохода, взятые въ плѣнъ; а затѣмъ тяжелыя, торговыя джонки, стоявшія у порта, отъ которыхъ загорѣлись доки, литейные дворы и верфи его. Взорвало нѣсколько пороховыхъ заводовъ, городъ запылалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и въ продолженіе цѣлой ночи, слѣдующаго дня и слѣдущей ночи, пожаръ не прекращался.

Сатсума долженъ былъ покориться, но вскорѣ онъ въ союзѣ съ южными дайміосами организовалъ заговоръ противъ тайкуна.

ГЛАВА LX.

НОВЫЙ ПОРЯДОКЪ ВЕЩЕЙ ВЪ ЯПОНІИ.

Возмущеніе южныхъ дайміосовъ. — Борьба между Стотсбаши и феодалами. — Уничтоженіе тайкуната. — Знакомство японцевъ съ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ. — Общій очеркъ положенія промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ въ Японіи при новомъ порядкѣ вещей.

Бомбардированіе Кагозимы и разрушеніе батарей Симонозеки, въ дѣйствительности, были только побочными обстоятельствами въ вопросѣ о внѣшнихъ сношеніяхъ, открытыхъ трактатами.

Со всѣмъ тѣмъ, трудно было не поставить ихъ въ соприкосновеніе съ внутреннимъ политическимъ вопросомъ, волновавшимъ привиллегированные классы имперіи. Въ самомъ дѣлѣ, характеръ послѣднихъ событій подтверждалъ только тѣ предположенія, какія давно высказывались втайнѣ, относительно будущности Японіи. Глубоко-раздѣленная страна стремилась, очевидно, перестроиться на новыхъ основаніяхъ. Она желала порядка, единства, политической централизаціи. Что же требовалось для достиженія этой цѣли? Два условія, осуществленіе которыхъ было легко для правительства, при нравственной поддержкѣ державъ, заинтересованныхъ въ его сохраненіи: первое — окончательное подчиненіе феодальнаго дворянства гражданской и политической власти, сосредоточенной въ рукахъ тайкуна; второе—полное освобожденіе тайкуната отъ верховнаго главенства микадо во всѣхъ свѣтскихъ дѣлахъ. Послѣднее въ умѣ преемниковъ Гіэйяса казалось такимъ ихъ безпорнымъ правомъ, что іеддскій дворъ нашелъ дурнымъ и противузаконнымъ просьбу легацій о ратификаціи микадо тѣхъ трактатовъ, которые заключены тайкуномъ при полномъ значеніи власти врученной ему закономъ.

Судя по ходу событій въ Японіи, быстро чередовавшихся одно за другимъ, можно было думать что приближается минута разрѣшенія двойственной задачи, долженствовавшей обезпечить объединеніе и спокойствіе имперіи и скрѣпить торговыя сношенія съ Западомъ. Возстаніе южныхъ дайміосовъ противъ тайкуна и возведеніе на тайкунальный престолъ человѣка съ такими достоинствами какъ Стотсбаши, безъ сомнѣнія, только ускорили развязку, исходъ которой не могъ быть сомнителенъ.

Европейцы впадаютъ всегда въ ошибку, судя о дѣлахъ восточнаго міра съ точки зрѣнія своего чрезъ-чуръ систематическаго ума. Въ видѣ частнаго случая, можно указать на Англію, которая съумѣла сдѣлать исключеніе изъ этого правила, руководствуясь инстинктомъ собственныхъ коммерческихъ интересовъ. Она стала повѣреннымъ и другомъ князя, того самаго, у котораго, не такъ еще давно, обратила столицу въ пепелъ.

Возмущеніе южныхъ дайміосовъ приняло скоро грозные размѣры. Вмѣсто того, чтобы вступить съ ними въ борьбу, какъ слѣдовало ожидать отъ его энергіи и серьезныхъ военныхъ приготовленій, веденныхъ при помощи Франціи, Стотсбаши вдругъ сложилъ съ себя власть, «изъ патріотизма», по выраженію Такунгавы (*), и просилъ микадо «созвать грандовъ имперіи для утвержденія государства

(*) Декларація японскаго посольства въ Парижѣ, въ февралѣ 1868 г.

на прочномъ основаніи, пересмотра конституціи и открытія тѣмъ для страны пути прогресса, долженствующаго повести ее къ могуществу и благосостоянію».

Микадо согласился на представленіе Стотсбаши; но собраніе князей было бурно и окончилось переворотомъ, вызваннымъ южными конфедератами, которые насильственно увлекли императора и его дворъ въ свой лагерь, разсѣяли друзей тайкуна и обнародовали декреты, уничтожающіе тайкунатъ и возвращающіе бразды исполнительной власти въ руки микадо.

Тогда только Стотсбаши рѣшается открыть военныя дѣйствія.

Четыре дворца Сатсумы въ Іеддо, служившіе гнѣздомъ заговорщиковъ въ этой столицѣ, атакованы и разрушены пушечными выстрѣлами. Уже предшественникъ тайкуна велѣлъ срыть до основанія резиденцію Ногато, чтобы очистить себя отъ подозрѣнія въ соучастіи въ нападеніяхъ, которыя дѣлалъ этотъ князь на европейцевъ.

Армія Стотсбаши заняла позицію у Фузими, къ сѣверо-западу отъ Осаки. Войска Сатсумы, Шозіу (Ногато), Тозы, Авы, Аки и другихъ предолжали занимать Кіото.

Первая стычка произошла 28 января 1868 г.

Стотсбаши оставался въ выжидательномъ положеніи у Осаки. Дурно руководимые отряды его отступили къ крѣпости Іеддо. Въ слѣдующіе дни потеряли ее, потомъ снова взяли и, наконецъ, потерпѣли пораженіе въ открытомъ сраженіи, гдѣ часть войскъ передалась къ непріятелю, подъ тѣмъ предлогомъ, что съ ихъ стороны было бы святотатствомъ сражаться противъ микадо, знамя котораго усвоили себѣ конфедераты.

Осакскій замокъ достался побѣдителямъ при Іеддо безъ выстрѣла, и тѣ обратили его въ пепелъ Стотсбаши бѣжалъ моремъ.

Конфедеративныя войска, пользуясь успѣхомъ, двинулись смѣло на Іеддо. Но вслѣдствіе кой-какихъ успѣховъ, одержанныхъ надъ ними княземъ Аидценомъ, произошло соглашеніе между умѣренными обѣихъ партій. Аидценъ, Шендаи, Намбу, Іонезава покорились; Стотсбаши, получившій приглашеніе вступить въ отправленіе своихъ обязанностей, отказался. Тогда избрали на его мѣсто шестилѣтняго ребенка, сына Таіясу, члена Токунгавскаго клана. Когда же отецъ его не изъявилъ согласія на это, то микадо подписалъ окончательно уничтоженіе сіогуната.

25 ноября 1868 г. онъ совершилъ торжественное вступленіе въ Іеддо. Замокъ сданъ былъ ему княземъ Овари, принадлежавшимъ къ лагерю конфедератовъ, не смотря на свое происхожденіе изъ Гозанке. Отрасль князей Ксіу не играла въ этихъ смутахъ никакой замѣтной роли.

Если тайкунатъ не выдержалъ и перваго удара, въ царствованіе князя изъ дома Мито, то причину подобной слабости слѣдуетъ искать въ кровавыхъ семейныхъ распряхъ, истощившихъ династію Такунгавы.

Нельзя сказать, чтобы умиротвореніе Японіи было полно. Послѣдніе сторонники Сѣвера принуждены были уступить послѣ геройской борьбы на островѣ Іессо, которымъ они завладѣли подъ начальствомъ молодаго человѣка, рыцаря по характеру, Эномото Идсуми-но-Ками, адмирала тайкунальнаго флота. Тѣмъ не менѣе обѣ партіи еще зорко слѣдятъ другъ за другомъ и почти равны силами. Традиціонная ненависть между сѣверными и южными дайміосами препятствуетъ окончательной централизаціи правленія. Предложеніе Сатсумы о томъ, чтобы всѣ дайміосы вручили свои владѣнія микадо, только компрометировало этого князя въ глазахъ собственныхъ союзниковъ.

Правительство микадо поняло необходимость возвести офиціально Іеддо на степень второй столицы имперіи; по этому поводу ему пожаловано названіе То-Кеи. To-Kei

Самъ микадо не можетъ избавиться отъ необходимости жить здѣсь, по-крайней-мѣрѣ, часть года, хотя бы въ интересахъ своихъ сношеній съ представителями иностранныхъ державъ. Теперь даже поднятъ вопросъ о назначеніи вице-короля, для того, чтобъ каждая изъ столицъ имѣла свой дворъ и свою долю вліянія въ государственныхъ дѣлахъ.

Это было бы, въ другой только формѣ, возстановленіе тайкуната и вѣроятно реставрація династіи Токунгавы.

Во всякомъ случаѣ, красные дни Аранхуэца прошли для даири и вообще для кіотскихъ дворянъ. Имъ придается разстаться съ пѣтушьими боями и игрою въ мячъ, чтобы приниматься за дѣла и приходить въ непосредственное ежедневное соприкосновеніе съ западнымъ міромъ.

Междуусобная война сильно разстроила финансы князей и правительства. Микадо вынужденъ былъ прибѣгнуть къ выпуску бумажныхъ денегъ (кинзацъ) и дать имъ форсированный курсъ, хотя въ то же время запретить пріемъ ихъ въ публичныя кассы.

Іокогамскій магазинъ рѣдкихъ вещей.

Торговля жалуется; это ея право и обязанность; но я полагаю, что подобныя жалобы высказываются съ легкой усмѣшкой, такъ какъ всѣ легко предвидятъ, что наступаетъ уже часъ, когда эта экономическая мѣра придетъ въ совершенный упадокъ, и когда японцы откроютъ дѣвственныя руды, которыми изобилуетъ ихъ страна, и вручатъ концессію на разработку ихъ европейской промышлености.

Слѣдовательно, европейцамъ все помогаетъ, включительно до событій, повидимому столь враждебныхъ интересамъ торговли; въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ того какъ брешь расширяется въ древней стѣнѣ японскаго зданія, весьма естественно, что мѣсто, на которомъ она стоитъ, тѣмъ скорѣе попадаетъ въ руки осаждающихъ.

Но ослѣпляться нашими выгодами не слѣдуетъ: лучшимъ доводомъ въ нашу пользу у японцевъ служитъ не политическое величіе, не блескъ посольствъ, но превосходство нашей цивилизаціи въ отношеніи технологіи, механики и промышлености.

Они имѣютъ гораздо болѣе вѣрныя свѣдѣнія, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ, объ общемъ положеніи Европы и о силѣ того или другаго государства въ частности. Путешествія ихъ посольствъ въ Америку, Англію, Голландію, Бельгію, Францію, Пруссію, Россію, Швейцарію, Италію, въ теченіе 1860 до 1868 г.; участіе въ парижской всемірной выставкѣ, принимаемое тайкуномъ, княземъ Сатсумою, княземъ Фиценомъ и іеддскою коммерціею; посылка въ Европу съ цѣлью образованія, относительно, довольно большаго числа молодыхъ японцевъ, контингентъ которыхъ возобновляется годъ отъ году—вотъ что именно закрѣпило дѣло трактатовъ и что ставитъ сношенія наши внѣ всякихъ политическихъ превратностей.

Японія открыта Западу. Со времени экспедиціи Тайкосамы въ Корею, когда его войска били не на животъ, а на смерть китайскія арміи, посланныя въ помощь этому королевству, правительство Небесной имперіи выказывало всегдашнюю холодность къ Великому Ниппону. Кажется, даже оно запретило подданнымъ своимъ поддерживать торговыя отношенія съ этою страной, такъ какъ джонко, посѣщающія Нагасаки и порты внутренняго моря, приходятъ исключительно изъ Нингпо и принадлежатъ торговой корпораціи, которая только что терпима губернаторами Шекіанга.

Изъ всѣхъ странъ крайняго Востока европейцамъ наиболѣе нравится и кажется удобною—Японія, особенно средній поясъ ея—югъ Ниппона, Сикокфъ и Кіузіу.

Четыре времени года характеризуются здѣсь весьма отчетливо: съ марта до второй половины мая стоитъ великолѣпная весна; съ іюня до сентября—лѣто, начинающееся короткимъ дождливымъ сезономъ, смѣняющимся жарами, во время которыхъ термометръ показываетъ отъ 14 до 27° по Реомюру; съ сентября до конца ноября—осень безъ сильныхъ жаровъ, дождей, вѣтровъ и мустиковъ наконецъ три зимнихъ мѣсяца—чаще всего безъ бурь, при совершенно ясномъ небѣ и при температурѣ, при которой, какъ иногда бывало въ Іокогамѣ, термометръ подалъ до—5° по Реомюру.

Съ сентября по апрѣль господствующіе вѣтры—сѣверные и восточные, въ остальное время года—южные и западные.

Землетрясенія хотя часты, но не разрушительны; ихъ считаютъ гораздо безопаснѣе пожаровъ. Послѣднее бѣдствіе представляетъ одну изъ самыхъ живописныхъ картинъ японской жизни. Г. Лейрль (Layrle) описалъ во всѣхъ подробностяхъ организаціи ремесленнаго цеха, исполняющаго вмѣстѣ и обязанности пожарной команды, ихъ форму и инструменты, ими употребляемые. Болѣе всего поражала меня во время пожаровъ, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ доводилось быть, роль эскадры на рейдѣ, облитомъ заревомъ пожара: корабли, одинъ за другимъ, отвѣчали сигналами на приказанія адмирала экипажи, молча и совершенно спокойно, высаживались на берегъ и вносили свою дисциплинированную помощь въ среду невообразимаго смятенія туземныхъ рабочихъ.

Недалеко то время, когда болѣе совершенная цивилизація значительно уменьшитъ опасность пожаровъ въ Японіи.

Что касается гигіеническихъ условій страны и пищи ея жителей, — то для того, чтобы сдѣлать ихъ превосходными, достаточно ввести нѣкоторыя европейскія улучшенія.

Тропическія лихорадки неизвѣстны въ Ниппонѣ; холера, диссентерія, оспа, наводящая ужасъ на туземцевъ, для иностранцевъ представляютъ не болѣе опасности какъ и въ Европѣ.

Но самая значительная *attraction* этой стороны, какъ говорятъ англичане, заключается въ томъ, что они не имѣютъ здѣсь того уничтожающаго торговаго перевѣса, какъ въ Китаѣ и восточной Индіи.

По этому поводу, я за удовольствіе считаю подтвердить и воспроизвести сущность столь же ра-

Торговля жалуется; это ея право и обязанность; но я полагаю, что подобныя жалобы высказываются съ легкой усмѣшкой, такъ какъ всѣ легко предвидятъ, что наступаетъ уже часъ, когда эта экономическая мѣра придетъ въ совершенный упадокъ, и когда японцы откроютъ дѣвственныя руды, которыми изобилуетъ ихъ страна, и вручатъ концессію на разработку ихъ европейской промышлености.

Слѣдовательно, европейцамъ все помогаетъ, включительно до событій, повидимому столь враждебныхъ интересамъ торговли; въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ того какъ брешь расширяется въ древней стѣнѣ японскаго зданія, весьма естественно, что мѣсто, на которомъ она стоитъ, тѣмъ скорѣе попадаетъ въ руки осаждающихъ.

Но ослѣпляться нашими выгодами не слѣдуетъ: лучшимъ доводомъ въ нашу пользу у японцевъ служитъ не политическое величіе, не блескъ посольствъ, но превосходство нашей цивилизаціи въ отношеніи технологіи, механики и промышленности.

Они имѣютъ гораздо болѣе вѣрныя свѣдѣнія, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ, объ общемъ положеніи Европы и о силѣ того или другаго государства въ частности. Путешествія ихъ посольствъ въ Америку, Англію, Голландію, Бельгію, Францію, Пруссію, Россію, Швейцарію, Италію, въ теченіе 1860 до 1868 г.; участіе въ парижской всемірной выставкѣ, принимаемое тайкуномъ, княземъ Сатсумою, княземъ Фиценомъ и іеддскою коммерціею; посылка въ Европу съ цѣлью образованія, относительно, довольно большаго числа молодыхъ японцевъ, контингентъ которыхъ возобновляется годъ отъ году—вотъ что именно закрѣпило дѣло трактатовъ и что ставитъ сношенія наши внѣ всякихъ политическихъ превратностей.

Японія открыта Западу. Со времени экспедиціи Тайкосамы въ Корею, когда его войска били не на животъ, а на смерть китайскія арміи, посланныя въ помощь этому королевству, правительство Небесной имперіи выказывало всегдашнюю холодность къ Великому Ниппону. Кажется, даже оно запретило подданнымъ своимъ поддерживать торговыя отношенія съ этою страной, такъ какъ джонко, посѣщающія Нагасаки и порты внутренняго моря, приходятъ исключительно изъ Нингпо и принадлежатъ торговой корпораціи, которая только что терпима губернаторами Шекіанга.

Изъ всѣхъ странъ крайняго Востока европейцамъ наиболѣе нравится и кажется удобною—Японія, особенно средній поясъ ея—югъ Ниппона, Сикокфъ и Кіузіу.

Четыре времени года характеризуются здѣсь весьма отчетливо: съ марта до второй половины мая стоитъ великолѣпная в сна; съ іюня до сентября—лѣто, начинающееся короткимъ дождливымъ сезономъ, смѣняющимся жарами, во время которыхъ термометръ показываетъ отъ 14 до 27° по Реомюру; съ сентября до конца ноября—осень безъ сильныхъ жаровъ, дождей, вѣтровъ и мустиковъ наконецъ три зимнихъ мѣсяца—чаще всего безъ бурь, при совершенно ясномъ небѣ и при температурѣ, при которой, какъ иногда бывало въ Іокогамѣ, термометръ подалъ до—5° по Реомюру.

Съ сентября по апрѣль господствующіе вѣтры—сѣверные и восточные, въ остальное время года—южные и западные.

Землетрясенія хотя часты, но не разрушительны; ихъ считаютъ гораздо безопаснѣе пожаровъ. Послѣднее бѣдствіе представляетъ одну изъ самыхъ живописныхъ картинъ японской жизни. Г. Лейрль (Layrle) описалъ во всѣхъ подробностяхъ организаціи ремесленнаго цеха, исполняющаго вмѣстѣ и обязанности пожарной команды, ихъ форму и инструменты, ими употребляемые. Болѣе всего поражала меня во время пожаровъ, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ доводилось быть, роль эскадры на рейдѣ, облитомъ заревомъ пожара: корабли, одинъ за другимъ, отвѣчали сигналами на приказанія адмирала экипажи, молча и совершенно спокойно, высаживались на берегъ и вносили свою дисциплинированную помощь въ среду невообразимаго смятенія туземныхъ рабочихъ.

Недалеко то время, когда болѣе совершенная цивилизація значительно уменьшитъ опасность пожаровъ въ Японіи.

Что касается гигіеническихъ условій страны и пищи ея жителей, — то для того, чтобы сдѣлать ихъ превосходными, достаточно ввести нѣкоторыя европейскія улучшенія.

Тропическія лихорадки неизвѣстны въ Ниппонѣ; холера, диссентерія, оспа, наводящая ужасъ на туземцевъ, для иностранцевъ представляютъ не болѣе опасности какъ и въ Европѣ.

Но самая значительная *attraction* этой стороны, какъ говорятъ англичане, заключается въ томъ, что они не имѣютъ здѣсь того уничтожающаго торговаго перевѣса, какъ въ Китаѣ и восточной Индіи.

По этому поводу, я за удовольствіе считаю подтвердить и воспроизвести сущность столь же ра-

зумныхъ какъ и полныхъ практическаго интереса замѣчаній, которыя изданы недавно Яковомъ Зигфридомъ, изъ Мюльгаузена (*).

«Торговля Востока, говоритъ онъ, обращается болѣе и болѣе въ демократическую, такъ какъ всякій можетъ брать изъ нее свою маленькую долю, и двери открыты теперь для цѣлаго міра.

Нѣмцы и швейцарцы попользовались достаточно при такомъ новомъ порядкѣ вещей. Они не довольствовались тѣмъ, что занимались, относительно, пока не важными, хотя постоянно возрастающими, дѣлами на своей родинѣ, но внѣдрялись сильнѣе и сильнѣе въ англійскую торговлю и кончили тѣмъ, что на ихъ же собственной землѣ подняли противъ нихъ конкуренцію, которая увеличивается съ каждымъ днемъ.

Безъ сомнѣнія, торговыя сношенія Европы съ Японіею далеки отъ того, чтобы получить такое же значеніе, какое имѣютъ торговыя сношенія съ Китаемъ и Индіею. Торговля Индіи, Китая и Японіи съ Европой и ея колоніями возросла въ 1867 году, считая вмѣстѣ ввозъ и вывозъ, на 3 съ половиною милльярда франковъ. Это болѣе чѣмъ вдвое противъ того, что было десять лѣтъ назадъ.

Движеніе дѣлъ въ главномъ японскомъ портѣ, Іокогамѣ, также удвоилось менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ. Его можно опредѣлить въ сто милльоновъ франковъ. Это не Богъ вѣсть что, но и это много, если принять въ расчетъ анормальныя и неблагопріятныя условія нашихъ первыхъ сношеній съ Японіей. Взявъ отношеніе между 30 или 34 милльонами японцевъ, 200 милльонами индусовъ и 3 или 400 милльонами китайцевъ, мы получимъ не только удовлетворительный результатъ, но должны еще удивляться значительнымъ успѣхамъ, которые здѣсь сдѣланы въ теченіе такого короткаго промежутка какъ десять лѣтъ.

Изъ восточныхъ народовъ, японцы скорѣе всѣхъ привыкаютъ къ нашей цивилизаціи и ея потребностямъ и быстрѣе всѣхъ входятъ во вкусъ продуктовъ нашей индустріи. Въ этомъ фактѣ, для европейской торговли, кроются элементы весьма много обѣщающіе.»

Основу вывозной нормальной торговли Японіи составляютъ два главные продукта: шелкъ сырецъ и чай.

Несмотря на неизбѣжныя колебанія, значеніе этихъ произведеній усиливается годъ отъ году.

Количество шелку, доставляемаго въ настоящее время изъ Японіи въ Европу опредѣляютъ до 15,000 тюковъ, и отъ 10 до 11 милліоновъ фунтовъ чаю, который отправляется ею исключительно въ Америку, такъ-какъ этотъ продуктъ не находитъ еще сбыта въ Европѣ. Однако же, я убѣжденъ, что рано или поздно, но его гигіеническія свойства будутъ и у насъ оцѣнены.

Второстепенные предметы вывоза, входящіе еще въ категорію правильной торговли, суть: растительный воскъ, камфора, чернильный орѣхъ и соусъ изъ кислыхъ бобовъ, извѣстный подъ названіемъ соя.

Необдѣланный хлопокъ, назначаемый на китайскій рынокъ, мѣдь пользующаяся извѣстностью на европейскихъ фабрикахъ, каменный уголь, вывозимый пока въ очень маломъ количествѣ, являются только какъ случайные предметы значительной торговой операціи.

Торговля яичками шелковичнаго червя, вызванная случайными причинами, не можетъ быть отнесена къ разряду всегдашнихъ комерческихъ рессурсовъ Японіи. Въ теченіе семи лѣтъ она давала поводъ къ веденію значительныхъ оборотовъ, но теперь портится все болѣе и болѣе въ рукахъ спекуляціи.

До тѣхъ поръ пока Японія не употребитъ прядильныхъ машинъ для своего шелка, для Европы, какъ въ настоящее время, онъ будетъ служить только подспорнымъ.

Прочіе японскіе продукты, идущіе иногда въ торговлю, вообще весьма ограничены, именно: табакъ, пенька, корень женьшень, рыбій жиръ, масло и сѣмя рѣпы огородной и полевой, ленъ, бичева парча, крепонъ, (матерія полушелковая и полушерстяная), куколки шелковичнаго червя, шампиньоны, цыновки, оленьи рога, бумага, которой выдѣлывается до 70 сортовъ, начиная съ самой тонкой шелковой до оберточной, имѣющей плотность нашей вощанки; наконецъ лаки и прочіе предметы искуства и ремесла, витріоль, сѣрнокислый аллюминій, селитра и сѣра. Послѣдній продуктъ со временемъ поспоритъ съ сицилійской сѣрой на американскомъ рынкѣ.

Въ дополненіе перечисленнаго товара, укажемъ на предметы, предназначаемые единственно для китайскихъ рынковъ.

Туда японцы вывозятъ полосовое желѣзо мѣстной выдѣлки, морская капуста славящаяся

(*) *Seize mois autour du monde*, 1867—1869, Paris, Hetzel.

соляными свойствами въ тѣхъ китайскихъ провинціяхъ, гдѣ соль дорога, каштаны, пататы, мясистые плоды, сушеныя устрицы, скиллы (маленькіе морскіе раки), плавники акулы и строевой лѣсъ.

Привозная торговля, также какъ и вывозная, основана на двухъ главныхъ предметахъ, именно: хлопчатая бумага пряденая, въ видѣ ткани и набивная; и нѣкоторыя матеріи — шерстяныя и пополамъ съ бумагой, перечисленіе которыхъ было бы не въ мѣру утомительно.

Суммы, выручаемыя сбытомъ названныхъ мануфактурныхъ произведеній, далеко ниже тѣхъ, которыя мы платимъ за японскій чай и шелкъ. До сихъ поръ, впрочемъ, исключительныя обстоятельства позволяли намъ уравновѣшивать привозъ и вывозъ, и можно надѣяться, что долго еще эти благотворныя нечаянности не измѣнятъ намъ.

Переводчикъ въ придворномъ костюмѣ.

Вслѣдъ за размѣнными операціями, мы заручились заказами военныхъ кораблей, военныхъ пароходовъ, батарей съ нарѣзными орудіями, ружей, заряжающихся съ казенной части и снарядами всѣхъ родовъ, въ которыхъ японцы чувствовали потребность для того, чтобы приличнѣе пуститься въ междуусобную войну. Мы даже устроили имъ военный портъ съ верфями и морскимъ арсеналомъ въ Іокоскѣ, на югъ отъ Іокогамы.

Скоро они попросятъ насъ разработать ихъ рудники, установить телеграфическую сѣть и провести желѣзныя дороги.

Потомъ наступитъ время когда оконныя стекла замѣнятъ въ ихъ домахъ прозрачную бумагу, когда понадобится вѣшать гардины на окна и убирать гостинныя зеркалами, когда будутъ освѣщать

газомъ вмѣсто дымныхъ сальныхъ свѣчей, и когда, наконецъ, парижскія моды получатъ ходъ въ великомъ Ниппонѣ, такъ-какъ японцы уже начинаютъ одѣваться по европейски, а невозможно допустить, чтобы домскій туалетъ не захотѣлъ идти нога въ ногу съ модами ихъ кавалеровъ!

Въ ожиданіи этого, второстепенные предметы привоза ограничиваются слѣдующими продуктами, въ весьма ограниченномъ количествѣ: свинцомъ, оловомъ, цинковыми и оловянными листами, желѣзомъ, желѣзной и жестяной проволокой, карманными часами, парижскимъ модньмъ товаромъ, одѣялами, сафьяномъ, кожей, слоновой костью, носорожьими рогами и сахаромъ.

Кромѣ того, есть предметы, почти исключительно предназначенные для снабженія и потребленія Франкскихъ кварталовъ: оконныя стекла, мебель, посуда глиняная и стеклянная, одежда, вина, водки и съѣстные консервы.

Во всемъ сказанномъ мною о торговомъ значеніи Японіи, я не только не преувеличилъ ничего, но могу добавить, что съ одной этой точки зрѣнія Японія долго еще не дастъ всего, чего бы можно отъ нея ожидать. Если бы производительная сила ея увеличилась въ десять и въ сто разъ, она все еще не достигла бы своихъ крайнихъ предѣловъ. Эта страна теперь только начинаетъ отрѣшаться отъ того порядка вещей, при которомъ у нея не было другаго потребителя, кромѣ собственнаго населенія. СѢверъ архипелага вообще необработанъ и даже на югѣ Ниппона есть огромныя пространства нетронутой почвы, покрытыя лѣсами и кустарникомъ, или обращенныя въ непроводительные сады и парки въ вымороченыхъ имѣніяхъ феодальныхъ владѣльцевъ и монастырскихъ братствахъ.

Но хотя бы все это было утилизовано, засажено шелковицей, камфорнымъ деревомъ, хлопкомъ и чайнымъ кустарникомъ—и тогда ограниченные размѣры территоріи не дозволятъ Японіи соперничать въ торговомъ значеніи съ такими колоссальными странами какъ Китай и Индустанъ.

Притомъ же не слѣдуетъ упускать изъ виду, что разработка прядильныхъ матеріяловъ и питающихъ продуктовъ первой необходимости не составляетъ, въ наши дни, монополіи того или другаго народа въ отдѣльности. Конкуренція по этимъ предметамъ снабженія подвигается впередъ исполинскими шагами къ величайшему благу человѣчества. Индѣйскій хлопокъ пріобрѣлъ себѣ мѣсто на нашихъ рынкахъ рядомъ съ американскимъ, а Суэцкій каналъ не замедлитъ доставить хлопокъ изъ новыхъ странъ, изслѣдованныхъ въ Африкѣ. Не прошло еще десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда Европа, въ отношеніи чая и шелка, зависѣла единственно отъ китайскаго рынка. Теперь она располагаетъ двумя соперничающими рынками, Китаемъ и Японіею, а въ скоромъ времени создастся, быть можетъ, и третій въ Калифорніи, гдѣ европейскіе предприниматели сажаютъ уже шелковицу и вводятъ воспитаніе шелковичнаго червя, при помощи японскихъ колонистовъ.

Земледѣліе — основа общества, но величіе послѣднихъ достигается только искусствами и торговлею, а еще болѣе — постояннымъ и единовременнымъ развитіемъ этихъ трехъ отраслей человѣческой дѣятельности.

Основаніемъ общественнаго порядка у японцевъ, какъ у китайцевъ, служитъ земледѣліе, которое тѣ и другіе поставили на высокую степень совершенства. Во всемъ остальномъ они обнаруживаютъ совершенно различныя наклонности. Вообще, можно сказать, что у японцевъ духъ торговли развитъ въ слабой степени, но что они выказываютъ большое натуральное расположеніе къ искусствамъ и промышленности. Китайцы, напротивъ, довольствуясь своими традиціонными техническими пріемами и равнодушные ко всякому прогрессу, блистательно подвизаются на поприщѣ банковыхъ операцій и лихвенныхъ процентовъ, высшей торговли и самаго мелкаго барышничества. Предоставимъ же китайцамъ торговлю, а японцамъ промышленость.

Г. Зигфридъ, не безъ основанія, называетъ ихъ французами Востока. Слѣдуетъ только пожелать, чтобы отнынѣ, вмѣстѣ съ качествами любезности и общежитія, они развивали также качества, отличающія фабрикантовъ, механиковъ, мореплавателей.

Въ тропическомъ поясѣ введеніе механическихъ искусствъ, если не совсѣмъ невозможно, то по-крайней мѣрѣ не представляетъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Что же касается Китая, то онъ отказывается отъ всякихъ нововведеній подобнаго рода. Японія, по своему географическому положенію по металлическимъ и каменноугольнымъ богатствамъ почвы, по условіямъ климата и врожденной способности жителей, должна, повидимому, сдѣлаться главнымъ мѣстомъ технической, мануфактурной, промышленной и навигаціонной дѣятельности всего западнаго бассейна Великаго океана.

ГЛАВА LXI.

О-СИРО И СОТО-СИРО.

Статистическое обозрѣніе. — Жалованье главныхъ сановниковъ. — Резиденціи дайміосовъ. — Государственное устройство. — Послѣднія событія. — Географическія и статистическія данныя.

О-Сиро, то есть собственно говоря Замокъ, лежащій почти въ центрѣ Іеддо, представляетъ подобіе цитадели около восьми верстъ въ окружности. Онъ заключаетъ въ себѣ дворцы тайкуна, наслѣдника престола и главныхъ лицъ царствующаго дома. Но не въ этомъ его истинное величіе. Даже въ деспотическихъ государствахъ, наибольшій блескъ династіи придаетъ окружающій ее дворъ. Чтобы вѣрно опредѣлить былое могущество тайкуна, надо составить себѣ ясное понятіе о его дворѣ. Вотъ цѣль статистики, которую я заимствовалъ изъ *Ежегодника* Іеддо, плана этого города и таблицы напечатанной въ сочиненіи г. Помпа-ванъ-Мирдервурта (Meerdervoort).

Она могла бы имѣть еще болѣе значенія, если бы обладала историческими данными о фамиліяхъ и біографическими свѣдѣніями о личностяхъ, находящихся въ этомъ спискѣ, но для подобнаго труда еще не собраны документы.

Самыя достовѣрныя свѣдѣнія офиціальныхъ отчетовъ тайкунальнаго правительства, заключаются въ оцѣнкѣ доходовъ или ежегоднаго жалованья главныхъ его чиновниковъ. Всякое содержаніе по государственной службѣ производится, или по крайней мѣрѣ опредѣляется натурой, т. е. коку или мѣшками риса.

Коку равняется по вѣсу 100 англійскимъ фунтамъ или соотвѣтствуетъ по вмѣстимости 180 литрамъ.

Вообще коку риса оцѣниваютъ въ $^2/_3$ фунта стерлинга или 8 голландскихъ флориновъ.

Эта оцѣнка нѣсколько выше средней, а потому мы переведемъ ее на французскія деньги, считая коку за 16 франковъ.

Главные сановники суть слѣдующіе:

1. Первый сановникъ при дворѣ Іеддо, регентъ или Готаиро, должность котораго наслѣдственна въ семействѣ д'Ікаммонъ-но-Ками. Эта должность приноситъ годоваго дохода. 5.400,000 фр.
2. Второй есть представитель сіогуна при дворѣ микадо, Онзушидаи. Ежегодный доходъ . . . . . 1.600,000 »
3. Третьимъ слѣдуетъ Совѣтъ Дайміосовъ или Кокуши, состоящій изъ восемнадцати представителей и восемьнадцати большихъ феодальныхъ владѣтелей; каждый изъ нихъ получаетъ ежегодно отъ . . . . . 500,000 до 1.200,000 »
4. Члены Городжіо, государственнаго совѣта или совѣта министровъ, въ числѣ пяти; большею частью это чиновники изъ средняго дворянства и небогатые. Каждый получаетъ около. . . . . 864,000 »
5. Второй государственный совѣтъ или совѣтъ административный, Вакадузіори: отъ пяти до тринадцати членовъ, начальниковъ департаментовъ, какъ-то: финансовъ, государственныхъ имуществъ и т. д., или начальниковъ отдѣленій, отъ . . . . . 200,000 до 800,000 »
6. Генералъ адъютантъ и великій государственный вѣстникъ, Особа Гоіонинъ, дайміосъ 2-го или 3-го класса . . . . . 700,000 »
7. Адъютанты при всегдашнемъ дежурствѣ, мелкіе дайміосы въ числѣ шестнадцати . . . . . отъ 30,000 до 80,000 »
8. Двадцать пословъ при феодальныхъ владѣтеляхъ Гоко-Кишу, изъ которыхъ выбираютъ также и членовъ посольства, отправляемаго въ Европу и Америку . . . . . отъ 16,000 до 50,000 »
9. Дайміосы, на которыхъ возложена обязанность военной защиты владѣній сіогуна, Тозамосы, числомъ отъ двадцати до тридцати территоріальныхъ владѣтелей 2-го и 3-го класса. Они получаютъ ежегодно . . отъ 240,000 до 1.400,000 »

Кромѣ того, на случай надобности, они обязаны предоставить въ распоряженіе правительства извѣстное число людей.

10. Дайміосы, занимающіе высшіе военныя должности, Онсумѣ-Нами, около двадцати-пяти, получаютъ среднимъ числомъ. . . . . 280,000 фр.
11. Дайміосы, коменданты сіогунскихъ крѣпостей, Огобанъ-Кассира; ихъ всѣхъ двѣнадцать . . . . . 48,000 до 160,000 »
12. Дайміосы, завѣдующіе отправленіемъ посольствъ и выдачею паспортовъ, Орузіу, отъ четырехъ до восьми . . . . . отъ 30,000 до 100,000 »
13. Дайміосы, члены высшей полиціи, обязанные надзирать за всѣмъ и особенно надъ управленіемъ храмовъ, Дишія-Буніо; четыре . . . . отъ 700,000 до 1.000,000 »
14. Каммергеры, Гошу-Гобанъ, отъ двѣнадцати до двадцати. . . . . 100,000 »
15. Высшіе надзиратели и государственные канцлеры, Ометске, пять дайміосовъ низшаго разряда. . . . . 50,000 »
16. Губернаторы Іеддо, Матзи-Буніо, два. . . . . 50,000 »
Какъ эти двое, такъ и послѣдующіе чиновники, кромѣ постояннаго опредѣленнаго жалованья, пользуются болѣе или менѣе значительной акциденціей, полагаемой по мѣсту.
17. Государственные казначеи, Гокондзо-Буніо, четыре . . . . . 24,000 »
18. Главноуправляющій публичными работами, главный архитекторъ замковъ и главный инженеръ плотинъ, Оса-Куджи-Буніо, одинъ . . . . . 24,000 »
19. Главноуправляющіе флотомъ, Го-Гунканъ-Буніо, двое, около . . . . . 40,000 »
20. Герольды и знаменосцы, О-Хатта-Буніо, трое . . . . . отъ 70,000 до 130,000 »
21. Командиры гвардейскихъ корпусовъ, Хіакфъ-нинъ-Гуми, четверо . . . . 80,000 »
22. Генералы: стрѣлковъ, копейщиковъ, сражающихся холоднымъ оружіемъ, мушкетеровъ, артиллеріи, кавалеріи, коммисаріата, и пр., отъ ста до ста двадцати. . . . . отъ 6,000 до 120,000 »
23. Генералъ-инспекторъ походныхъ гербовъ, Окошо-но-Моно-Буніо, одинъ . . 80,000 »
24. Губернаторы городовъ и имѣній сіогуна, и губернаторы иностранныхъ дѣлъ, около двадцати . . . . . отъ 14,000 до 30,000 »
Кромѣ того, случайные доходы, которые простираются, напримѣръ для губернатора Нагасаки, до . . . . . 50,000 »

Пропускаемъ сотни и тысячи низшихъ чиновниковъ, дополняющихъ администрацію и дворъ тайкуна.

Сото-Сиро есть общее названіе, которымъ обозначаютъ округа, окружающіе Замокъ. Границей ему служитъ первая линія рвовъ, каналы соединяющіе ихъ съ Огавой и на востокѣ — сама рѣка Огава.

Пространство Сото-Сиро представляетъ окружность въ 16 километровъ и поверхность въ 12 квадратныхъ километровъ. Оно обнимаетъ не только аристократическіе округа, но и кварталы Торговаго города, расположенные на правомъ берегу Огавы.

Пока оставимъ въ сторонѣ послѣдніе, а займемся четырьмя аристократическими округами и сообщимъ подробности, имѣющія значительный интересъ съ точки зрѣнія статистики тайкунальнаго двора.

Округъ Сакурада почти весь занятъ іасками дайміосовъ. Дома буржуазіи попадаются только вдоль шоссе, пересѣкающаго округъ съ запада на востокъ, въ сѣверной его части, на границѣ Бантзіо.

Эта мѣстность Сакурады выше остальной части. Въ ней находятся весьма значительныя помѣстья, принадлежащія фамиліямъ гозанкіо или тайкунальнымъ отраслямъ Ксіу и Оовару. Іаски ихъ обладаютъ тѣмъ же характеромъ однообразія, и простоты, какъ и аристократическіе дома всѣхъ остальныхъ разрядовъ.

Третья фамилія гозанкіо, Мито, повидимому, разошлась съ остальными двумя вѣтвями, даже въ отношеніи резиденціи въ Іеддо.

Дворецъ Регента отличается внушительною наружностью и живописнымъ положеніемъ; онъ командуетъ надъ подъемомъ Саиказигази, вдоль втораго рва Сото-Сиро.

Сто съ чѣмъ-то дворцовъ перваго, втораго и третьяго класса занимаютъ равнину, позади храма Санно, въ кварталахъ Нагада-Сто, Сото-Сакурада (дающій свое имя округу) и нѣкоторыхъ другихъ, образуя вообще большіе квадраты, окруженные широкими аллеями, усыпанными пескомъ.

Три главные дайміоса Японіи не живутъ въ Сото-Сиро: резиденціи князей Канги и Шендаи находятся въ сѣверныхъ кварталахъ; князя Сатсумы — въ южныхъ.

Мнѣ указали резиденцію Шозіу, князя Ногато, этого воинственнаго дайміоса, который въ одно и то же время поднялъ оружіе противъ тайкуна и открылъ непріязненныя дѣйствія противъ флотовъ Франціи, Голландіи и Соединенныхъ Штатовъ. Дворецъ его былъ разрушенъ въ 1865 г. по повелѣнію тайкуна.

На планѣ Іеддо дворцы перваго класса узнаются по гербамъ фамилій, которымъ они принадлежатъ, и по именамъ лицъ въ нихъ живущихъ.

Гербы неизмѣнны, имена мѣняются смотря по перемѣнамъ, происходящимъ въ личномъ составѣ или титулахъ благородныхъ ленниковъ.

При всякомъ новомъ изданіи плана Іеддо сообщаются и всѣ подобныя перемѣны; статистика аристократическихъ округовъ въ этомъ отношеніи довольно прочна.

Я обязанъ услужливому вниманію доктора Ж. Ж. Гофмана, профессору Лейденскаго университета, переводомъ названій, обозначенныхъ въ кварталахъ Сото-Сиро по плану 1860 года. Жалѣю, что при ограниченныхъ рамкахъ моего сочиненія, я лишенъ возможности привести вполнѣ этотъ ученый трудъ. Слѣдуетъ пожелать отъ всей души, чтобы когда нибудь приступили къ спеціальному изданію плана Іеддо на французскомъ или англійскомъ языкѣ. Въ японскихъ книжныхъ магазинахъ продается великолѣпное изданіе такого плана, на тридцати отдѣльныхъ раскрашенныхъ листахъ, изъ которыхъ каждый изображаетъ по одному округу. Въ такомъ именно видѣ, съ прибавленіемъ только отчетной карты, слѣдовало бы разработать статистику города Іеддо, для употребленія европейцевъ, выключивъ конечно изъ нея всѣ излишнія подробности. Вѣроятно такъ и будетъ, когда европейцы успѣютъ основать тутъ свои конторы и займутся вполнѣ безопасно своими торговыми дѣлами. Вѣроятно также, что въ древней столицѣ тайкуновъ произойдутъ значительныя измѣненія, и статистика, предшествующая 1869 году, будетъ имѣть только археологическій интересъ.

Какъ бы то ни было, я долженъ ограничиться приведенными ниже нѣсколькими указаніями и, говоря о резиденціяхъ дайміосовъ, обозначать только фамильныя имена владѣльцевъ, чтобы не усложнять эту безполезную коменклатуру.

А. Округъ Сакурада.

Въ немъ считается 10 укрѣпленныхъ воротъ, 2 манежа: одинъ на восточной, другой на западной сторонѣ, 4 храма, 1 трехэтажная сторожевая башня, 1 казарма пожарныхъ-саперовъ и депо пожарныхъ инструментовъ, 15 улицъ или публичныхъ площадей и 120 гербовыхъ дворцовъ, изъ которыхъ двѣнадцать принадлежатъ фамиліямъ великихъ дайміосовъ, каковы: Ногато, Фиценъ, Иноба, Биценъ, Аки, Тзикуценъ, Тоза.

Остальныя резиденціи принадлежатъ второстепеннымъ дайміосамъ, именно: Арима, Курода, Симоза, Ваказа, Оссуми, Ямазиро, Танга, Суво, Синано, Мино, Авадзи, Бунго, Дево, Гото, Хоссокава и проч.

Начальникъ скороходовъ, употребляемыхъ для пересылки депешъ, имѣетъ резиденцію среди этаго избраннаго общества, также какъ и значительное число правительственныхъ чиновниковъ. Совсѣмъ тѣмъ, ихъ дома встрѣчаются гораздо рѣже въ сосѣдствѣ вельможныхъ іяски, чѣмъ въ этой части квартала, гдѣ живутъ тайкунальныя фамиліи.

Б. Округъ Бантзіо.

Заключаетъ въ себѣ 5 укрѣпительныхъ воротъ, 1 сторожевую башню, обширныя зданія конюшенъ, плацъ-парады для обученія ружейныхъ пріемовъ и ѣзды гвардіи, 3 храма, 1 рабочій кварталъ, 7 дворцовъ перваго класса, изъ которыхъ ни одинъ не принадлежитъ великимъ дайміосамъ.

Іяски офицеровъ и жилища или казармы солдатъ тайкунальнаго гарнизона занимаютъ значительнѣйшую часть округа, въ которомъ считается не менѣе 31 улицъ.

В. Округъ Суруга.

Расположенъ между двухъ линій рвовъ, причемъ первая линія наполняется водою изъ рѣчки Іедо-Гава. Ее пересѣкаетъ водопроводъ, проводящій ключевую воду въ замокъ. Въ немъ находятся;

8 укрѣпленныхъ воротъ и 4 открытыхъ моста, 2 военныя школы, а по сосѣдству большія конюшни, рисовые магазины правительства, 26 улицъ, 24 гербовыхъ дворца, въ числѣ которыхъ находятся, дворцы князей Іямато, Буценъ, Йіо и Сануки.

Г. Округъ Дайміо-Кодзи.

Получилъ названіе отъ главной артеріи квартала, улицы дайміосовъ,—широкой, усыпанной пескомъ аллеи, пересѣкающей его въ прямомъ направленіи, съ юга на сѣверъ. Дайміо-Кодзи лежитъ весь во второй оградѣ Замка. Въ немъ находятся: 11 укрѣпленныхъ воротъ и 4 открытыхъ моста, 50 или 60 гербовыхъ дворцовъ, изъ которыхъ многіе заняты сановниками и высшими придворными чинами, какъ, напримѣръ, Стосбаши, князь Этзиценъ, членъ фамиліи Токунгава, князь Ава, великій дайміосъ, также какъ владѣтели Бинго. Сагами, Тоотоми, и пр.; здѣсь же живетъ большая часть дайміосовъ низшаго разряда, члены Горожіо или одного изъ административныхъ департаментовъ.

Въ числѣ зданій принадлежащихъ правительству замѣчательны: магазинъ цыновокъ Замка, рисовый магазинъ тайкуна, казарма и пожарное депо пожарныхъ саперъ Замка, дума, резиденція губернатора или префекта Іеддо, судебная палата, резиденція верховнаго суда, конюшни квартала дайміосовъ и публичный жертвенникъ для благородныхъ жителей округа.

Какъ ни отрывочны наблюденія, излагаемыя въ этой главѣ и въ четырехъ предъидущихъ, относительно 3[illegible] аристократическихъ кварталовъ, онѣ мнѣ кажутся достаточными для составленія правильнаго понятія о правительствѣ Японской имперіи.

Со времени послѣднихъ смутъ, театромъ которыхъ сдѣлалась эта удивительная страна, въ Европѣ распространилось новое толкованіе объ ея политической организаціи; инициатива новой теоріи принадлежитъ человѣку, вполнѣ способному оцѣнить истинный порядокъ вещей, именно графу де-Кантонъ-де-Монблану, коммисару князя Сатсумы на парижской всемірной выставкѣ; мнѣніе его имѣетъ повидимому тѣмъ болѣе вѣсу, что поддерживается аббатомъ Мерме де Кашономъ, официальнымъ переводчикомъ японскаго языка при императорѣ французовъ.

Я не рѣшусь опровергать эти важные авторитеты тамъ, гдѣ дѣло идетъ о главныхъ основаніяхъ ихъ аргументаціи, но полагаю, что указаніемъ на нѣкоторыя обстоятельства, не заслужившія ихъ вниманіе, я помогу придти къ противоположнымъ заключеніямъ, или, по крайней мѣрѣ, пополнить ихъ теорію.

Личность микадо стоитъ внѣ спора. Если въ нѣкоторыхъ старинныхъ описаніяхъ сіогуну и придается ошибочно титулъ императора, то въ наше время всякому уже извѣстно, что въ Японіи не существуетъ и никогда не существовало другаго императора кромѣ микадо.

Слѣдовательно, вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить роль его генералъ-намѣстника, извѣстнаго въ должности подъ названіемъ сіогуна и въ новѣйшее время—подъ названіемъ тайкуна.

Если вѣрить указаннымъ мною источникамъ, тайкунъ есть такой же тайшіу какъ и другіе, то есть феодальный династъ, членъ конфедераціи наслѣдственныхъ князей Японіи, съ тѣмъ же титуломъ какъ и тайшіу Сатсума, Ногато и пр., ни болѣе ни менѣе.

Только по праву этого титула тайкунъ считается властителемъ княжества, заключающаго въ себѣ страну Кванто и Гокинаи на Ниппонѣ, и нѣсколько разсѣянныхъ чрезполосныхъ владѣній, какъ Нагасаки, на островѣ Кіусіу, и Хокодате въ южной части Іессо.

Столица княжества Кванто есть Іеддо.

Основатель дома князей Кванто былъ Токунгава Минамото—но—Гіэйясъ.

Микадо постоянно жаловалъ ихъ титуломъ сіогуновъ.

Въ качествѣ же князей Кванто, они заключали трактаты и открыли для иностранной торговли нѣкоторое число гаваней, лежавшихъ въ ихъ владѣніяхъ; но они были бы совершенно безсильны открыть у другихъ кокуши, или великихъ японскихъ владѣтелей, гавани, принадлежащія территоріямъ послѣднихъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ новая теорія, противопоставляемая историческому преданію, на которомъ основывались дипломатическіе переговоры западныхъ народовъ съ тайкуномъ.

Личныя наблюденія во время пребыванія въ Японіи, а также данныя, собранныя и вошедшія въ первый томъ сочиненія объ Іеддо, утверждаютъ во мнѣ убѣжденіе, что западные иниціаторы мирныхъ переговоровъ не бродили ощупью въ потемкахъ, не обманывались въ отношеніи предположенной цѣли, которая конечно заключалась въ томъ, чтобы открыть для торговли всю Японскую импе-

рію, а не какое нибудь княжество Кванто, выступающее, если не ошибаюсь, въ первый разъ въ этомъ видѣ на сцену.

Существованіе княжества Кванто (разумѣется какъ территоріальнаго владѣтельнаго государства) рѣшительно не отвѣчаетъ ни одному изъ указаній, встрѣчающихся на географической картѣ Японіи, изданной Зибольдомъ, ни древнему политическому и административному раздѣленію этой страны, ни хронологическимъ таблицамъ и извлеченіемъ изъ официальныхъ японскихъ *Ежегодниковъ*,

Деревенская гостинница.

которыми мы обязаны трудамъ самыхъ ученыхъ и добросовѣстныхъ изслѣдователей имперіи Восходящаго Солнца.

Вотъ что можно извлечь въ наиболѣе полномъ видѣ, объ этомъ предметѣ изъ официальнаго ученаго отчета, озаглавленнаго: «Пруская экспедиція въ восточную Азію» *).

*) *Die preussische Expedition nach Ost Asien, nach amtlichen Quellen.* Berlin, 1864.

«Кванто — наименованіе, подъ которымъ въ прежнее время обозначали всю восточную часть острова Ниппона, отъ военнаго поста Сунунга въ странѣ Исійэ; страна къ западу называлась Кансеи. Какъ кажется, имя Кванто впослѣдствіи примѣнялось въ болѣе ограниченномъ размѣрѣ, именно къ странѣ, простирающейся отъ горъ Исійэ къ заливу Іеддо и заключавшей въ себѣ провинціи Іетзиго, Фида, Кутсуке, Синано, Сагами, Идсу, Тоотоми, Суруга и Микава. Таково, по крайней мѣрѣ, общее наименованіе, которое носитъ эта группа провинцій на старинной французской картѣ Японіи, составленной вѣроятно по туземнымъ картамъ XVII вѣка и на основаніи описаній іезуитовъ. Въ настоящее время, по свидѣтельству Зибольда, имя Кванто дается странѣ, лежащей къ востоку отъ поста Факоне (или Акони), въ провинціи Сагами, то есть провинціямъ, прилегающимъ къ заливу Іеддо.

Безъ сомнѣнія подъ этимъ чрезвычайно ограниченнымъ значеніемъ новая школа и даетъ послѣднимъ тайкунамъ титулъ князей Кванто, что я не прочь принять въ смыслѣ исключительно почетномъ. Съ другой стороны, я не вижу, почему это открытіе, если только его можно назвать открытіемъ, должно произвести переворотъ въ такой мѣрѣ и извѣстной исторіи, какъ исторія политической власти, управлявшей Японіею; такъ-какъ надобно замѣтить, что всѣ свидѣтельства, дошедшія до насъ объ одновременномъ царствованіи микадо и сіогуновъ, согласны между собою въ существенныхъ фактахъ и различаются только болѣе или менѣе удачнымъ переводомъ туземныхъ титуловъ и почетныхъ отличій, не имѣющихъ соотвѣтственныхъ значеній въ европейскихъ государствахъ.

И такъ, если даже не восходить далѣе 1593 года, то все-таки исторія свидѣтельствуетъ совершенно достовѣрно, что должность сіогуна, или генералъ-намѣстника микадо, сдѣлалась въ рукахъ Гіэйяса династическимъ установленіемъ; такъ что съ него и до нашихъ дней Японская имперія управлялась, подъ верховнымъ главенствомъ микадо, его генералъ-намѣстниками, которые занимали послѣдовательно престолъ сіогуна, въ своемъ замкѣ въ Іеддо, согласно наслѣдственнымъ законамъ Гогхензамы и его внуковъ.

Потомки и наслѣдники Гіэйяса были вмѣстѣ феодальными владѣтелями, членами конфедераціи наслѣдственныхъ князей Японіи, съ тѣмъ же титуломъ какъ и прочіе тайшіу, и въ тоже время считались выше своихъ сотоварищей—династовъ, потому что могли повелѣвать ими, или въ силу трактата Гогхензамы или какъ делегаты микадо его именемъ.

Всѣ, начиная съ Гіэйяса, принадлежали къ классу Токунгава, и большая часть къ фамиліи князей Ксіу, только послѣдній къ фамиліи князей Мито.

Въ качествѣ феодальныхъ династовъ, они носили гербъ Токунгава, въ родѣ тѣхъ напримѣръ, какіе изображены на особыхъ щитахъ отрасли князей Ксіу и отрасли князей Мито.

Но кромѣ того, въ силу обязанности сіогуновъ, они поднимали національскій имперскій флагъ—пунцовый шаръ на бѣломъ полѣ.

Но я рѣшительно не знаю, употребляли-ли они и даже существовало ли когда нибудь знамя княжества Кванто.

Какъ члены японской конфедераціи, они считались членами совѣта кокуши или великихъ дайміосовъ и, разумѣется, должны были подчиняться рѣшенію большинства, въ границахъ договора Гогхензамы; но тотъ же договоръ давалъ имъ власть собирать вокругъ своего Замка въ Іеддо все феодальное дворянство Японіи.

Для непредубѣжденнаго ума достаточно одного взгляда на планъ Іеддо, и въ особенности на Сото-Сиро, что помѣщеніе двора тайкуна вовсе не помѣщеніе феодальнаго династа, но дѣйствительнаго гражданскаго и военнаго правителя имперіи.

Тотъ же самый планъ обнаруживаетъ враждебныя стремленія, которыя не переставали питать большая часть значительныхъ феодальныхъ владѣтелей противъ учрежденія тайкуната. Принужденные подчиняться условіямъ договора, подписаннаго подъ вліяніемъ побѣдоноснаго оружія Гіэйяса, они выполняли его, правда, но въ тоже время держались въ отдаленіи отъ своего свѣтскаго главы.

Всѣ учредившіяся въ Японіи посольства могутъ засвидѣтельствовать, что въ глазахъ ихъ тайкунъ дѣйствовалъ какъ свѣтскій глава имперіи, между прочимъ, при одномъ обстоятельствѣ, касавшемся ихъ весьма близко. Когда микадо повелѣлъ изгнать всѣхъ иностранцевъ, то исполненіе императорскаго декрета поручено было генералъ-намѣстнику вмѣстѣ съ Стотсбаши, который носилъ титулъ вице-тайкуна.

Если бы рѣшеніе это привелось въ исполненіе, то тайкунъ, конечно, призвалъ бы къ себѣ на помощь всѣ военныя силы имперіи, включая сюда и силы феодальныхъ владѣтелей.

Гипотеза полнаго равенства тайшіу съ тайкунами опровергается тѣмъ фактомъ, что когда на-

чались новые выборы на тайкунальный престолъ, то Совѣтъ дайміосовъ, какова бы ни была его антипатія къ потомкамъ Гіэйяса, не допустилъ даже и мысли о возможности кандидатуры внѣ фамиліи Гозанке.

Я сильно сомнѣваюсь, чтобы князья клана Токунгава, облеченные титуломъ сіогуновъ, могли, въ качествѣ феодальныхъ династовъ, считать въ числѣ своихъ владѣній города Іеддо, Кіото, Хіого, Осаку, Сакаи, Хокодате и Нагасаки. Тогда бы пришлось объяснять, какимъ образомъ эти города, принадлежавшіе владѣтелю Ксіу, когда тотъ исполнялъ обязанности сіогуна, перестали быть собственностью его фамиліи и сдѣлались удѣломъ владѣтеля Мито, какъ только тотъ наслѣдовалъ князю Ксіу въ званіи сіогуна. Очевидно, что эти важные города, образуя спеціальный удѣлъ сіогуновъ, остаются въ то же время императорскими.

Если сіогуны открыли для иностранной торговли только города, находившіеся подъ ихъ непосредственною властью (да притомъ еще надо бы знать не составляетъ ли Ніагата исключенія), то эту особенность легко объяснить двумя причинами: во первыхъ, феодальное право не позволяетъ государю требовать отъ своихъ вассаловъ произвольныхъ налоговъ, кромѣ тѣхъ, о которыхъ упоминается формально въ приносимой ему со стороны ихъ присягою, откуда я заключаю, что даже микадо не можетъ располагать портами своихъ вассаловъ безъ ихъ предварительнаго согласія; а во вторыхъ не въ интересахъ тайкуновъ, если принять въ разсчетъ эгоистическіе виды ихъ политики, было бы допускать великихъ феодальныхъ владѣльцевъ къ участію въ выгодахъ, которыя доставляли начавшіяся коммерческія сношенія съ Западомъ.

Безъ сомнѣнія, тайкуны были безсильны открыть собственною властію гавани, принадлежащія феодальнымъ владѣльцамъ; но отъ нихъ зависѣло привести эту мѣру въ дѣйствіе съ согласія заинтересованныхъ сторонъ. Торговая монополія, присвоенная тайкунами, была одною изъ главныхъ причинъ ихъ паденія.

Еще одно замѣчаніе, — и я заканчиваю это отступленіе, которое, не смотря на кажущуюся безцѣльность, имѣетъ значеніе современнаго событія. Интересно было бы знать, какимъ путемъ совершается религіозное гоненіе, которымъ Японская имперія снова пятнаетъ себя въ теченіе двухъ лѣтъ, если только не болѣе. Кто ссылаетъ на отдаленные острова архипелага тысячи туземцевъ, принявшихъ католицизмъ въ различныхъ мѣстностяхъ Кіусіу и Ниппона? Подобныя мѣры, исполняемыя въ обширныхъ размѣрахъ, не могутъ же быть результатомъ простаго конкордата между владѣтелями. Поэтому есть основаніе предполагать, что микадо повелѣлъ, а его административный агентъ, сіогунъ, озаботился, какъ и прежде, принять всѣ мѣры къ исполненію приказанія.

Феодальная партія протестовала противъ договоровъ во имя законовъ Гогхензамы; во имя тѣхъ же самыхъ законовъ организовалось новое религіозное гоненіе. Пусть же японское дворянство не отстраняетъ законы Гогхензамы, собирая войска противъ сіогунальнаго учрежденія! Что создается силою, то силою можетъ и разрушиться; что основало оружіе Гіэйяса, то можетъ ниспровергнуть оружіе Арицунгавы, героя дня; но пусть же сознаются откровенно, что ниспровергается зданіе Гогхензамы, то есть совершается революція!

Не дурна также и эта картина, когда феодальное дворянство, съ микадо во главѣ, разрываетъ собственными руками священный договоръ, къ которому взывали такъ часто, когда приходилось отстаивать древнюю политику отчужденія, нетерпимости и гнусныхъ преслѣдованій, характеризовавшихъ повелителей Японіи.

Упущеніе, которое я ставлю въ укоръ феодальной партіи, есть именно тотъ же пропускъ, который я указалъ въ теоріи новой школы: послѣдняя не обращаетъ никакого вниманія на договоръ Гогхензамы, установившій не только конфедерацію наслѣдственныхъ князей Японіи, подъ верховною властью микадо, но и генералъ-намѣстничество имперіи, наслѣдственный сіогунатъ въ кланѣ Токунгава.

Этотъ договоръ, подписанный всѣми партіями въ 1593 году, составлялъ до настоящаго времени основаніе легальнаго порядка Японской имперіи. Слѣдовательно, въ теперешнемъ кризисѣ, тайкунъ и его защитники были представителями легальности. Побѣжденные оружіемъ феодальной партіи, они пали, оставивъ имперію, въ настоящую минуту, въ состояніи анархіи. Ихъ побѣдители должны бы принять мѣры къ пересозданію ея на новыхъ началахъ.

Западныя державы, находящіяся въ сношеніяхъ съ Японіей, не преминутъ вѣроятно позаботиться, чтобы новый порядокъ вещей представилъ серьезныя гарантіи не только торговой свободѣ, но и драгоцѣннѣйшей изъ всѣхъ свободъ — свободѣ совѣсти, безъ чего наша цивилизація никогда не пуститъ глубокихъ корней въ японскомъ народѣ.

Таково дѣйствительное положеніе, безъ натяжекъ и недомолвокъ.

Къ сожалѣнію, какъ кажется, достовѣрно, что побѣдители принялись за политическія осужденія; изгнанія и конфискаціи обрушиваются одни за другими на побѣжденныхъ. Намъ хорошо извѣстно въ Европѣ, на что способенъ въ подобныхъ случаяхъ духъ партій; но имъ не удастся остановить ходъ событій, и послѣднее слово всегда принадлежитъ безпристрастной исторіи.

Слѣдовательно, перемѣна, происшедшая теперь въ Японіи есть революція, оправданіе которой резюмируется все въ одномъ, обладающемъ волшебною силою, словѣ «успѣхъ»!

Порядокъ, который установится послѣ революціи, если только онъ окрѣпнетъ, не имѣетъ никакой выгоды опираться на всякую другую теорію, кромѣ теріи совершившагося факта.

Когда падаетъ такая власть, какъ тайкунатъ, не оставляя послѣ себя ни сожалѣній, ни симпатій, то какая для него польза скрывать факты, которые даютъ ему хоть историческую почву.

Я требую только правъ истины, и чтобы не пренебрегать ни однимъ изъ подлинныхъ доказательствъ, на которыхъ основано высказанное мною мнѣніе о политическихъ дѣлахъ Японіи, присоединяю къ нему еще нѣсколько документовъ, составленныхъ и провѣренныхъ по многочисленнымъ и заслуживающимъ довѣрія источникамъ, именно: по Кемпферу, Зибольду, Гоффману, Леону де Рони, прусскому отчету и Помпу-ванъ-Мирдевурту. На основаніи ихъ я прилагаю:

I. Географическое дѣленіе и пространство Японіи;

II. Политическое раздѣленіе и административные или территоріальные округа Японіи; и

III. Хронологическую таблицу царствованія сіогуновъ.

I. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ДѢЛЕНІЕ И ПРОСТРАНСТВО ЯПОНІИ.

Японскую Имперію составляютъ:

1) Японія собственно, заключающая:

	Пространство квадр. миль.	Число острововъ.
А) Три великіе острова:		
а) *Ниппонъ*	4,031.6969	
б) *Кіузіу*	688.3954	
в) *Сикокфъ* и 516 сосѣднихъ острововъ	391.8556	
Б) Многіе значительные острова, хотя имѣющіе менѣе пространства, каковы:		
г) *Садо*, съ 4 добавочными	20.6874	3,511
д) *Авадзи*, съ 10 добавочными	10.7968	
е) *Тсузима*	14.5350	
В) Группы острововъ и островковъ, каковы:		
ж) Группа *Гото*	11.9504	
з) » *Хатсиджозима*, 1,188 острнвовъ.	2.1329	
і) » *Танэгазима*, 1,515 острововъ	9.6051	
И пр.		

2) Іессо, состоящій изъ

Іессо и 80 или 90 не столь значительныхъ острововъ.	83
3) Хикази-Іёзо (Большіе Курильскіе острова)	48
4) Кита-Іёзо (Крафто).	27
5) Мунинъ-Сима (группа Бонинскихъ острововъ	89
6) Архипелагъ Ліу-Кіу, состоящій изъ группы *Цжузанъ*, 53 остр.; *Санбокъ*, 16; *Сананъ*, 23. — Всего	92
Итого.	850.

II. ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗДѢЛЕНІЕ ЯПОНІИ.

Округа административные или территоріальные.	Провинціи.
I.—Го-Ки-Наи или Гокинаи.	1. Іамазиро.
	2. Іамато.
	3. Коватзи.
	4. Идсуми.
	5. Сетсу.
II.—Тоо-Кан-Тоо или Токаидо.	1. Ига.
	2. Исé, или Исіе.
	3. Сима.
	4. Овари.
	5. Микава.
	6. Тоотоми, или Тоходоми.
	7. Суруга.
	8. Кахи.
	9. Идсу.
	10. Сагами.
	11. Музаси.
	12. Ава.
	13. Кадзуза.
	14. Симоза.
	15. Хитатзи или фитатсъ.
III.—Тоо-Занъ-Тоо или Тозандо.	1. Ооми.
	2. Мино.
	3. Хида, или Фида.
	4. Синано.
	5, Котсукé.
	6. Симотсукé.
	7. Мутсу, или Мутсъ.
	8. Дéва.
IV.—Хокъ-Рокъ-Тоо или Фокурокудо.	1. Ваказа.
	2. Іетзиценъ.
	3. Кага, или Канга.
	4. Ното.
	5. Іетзисіу.
	6. Іетзиго.
	7. Садо.

Округа административные или территоріальные.	Провинціи.
V.—Санъ-Инъ-Тоо или Саниндо.	1. Танба.
	2. Танго.
	3. Татзима.
	4. Инаба.
	5. Хооки, или Фоки.
	6. Идсумо.
	7. Ивами.
	8. Оки.
VI. — Сан-Янъ-Тоо или Санйодо.	1. Халима, или Арима.
	2. Мимазака.
	3. Биценъ.
	4. Битсіу.
	5. Бинго.
	6. Аки.
	7. Суво.
	8. Нагато.
VII.—Нанъ-Кан-Тоо или Нанкаидо.	1. Кіи, или Ксіу.
	2. Авадзп.
	3. Ава.
	4. Сануки.
	5. Ійіо.
	6. Тоза.
VIII.—Сан-Кан-Тоо или Санкаидо.	1. Буценъ.
	2. Тзикуценъ.
	3. Тзикунго.
	4. Бунго.
	5. Хиценъ, или Фиценъ.
	5. Хиго, или Фиго.
	7. Хіуга, или Фіуга.
	8. Охосуми.
	9. Сатсума.
	10. Ики.
	11. Тсусима.
Округовъ. . . 8	Провинцій. . . . 68

Сагами?

III. ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ЦАРСТВОВАНІЯ СІОГУНОВЪ.

Хронологическій порядокъ.	Имена Сіогуновъ.	Годы царствованія.	Происхожденіе и другія примѣчанія
I.	Миномото но Іоритомо	1185—1202	Сынъ Микадо Го-Тоба.
II.	— Іорійѣ	1202—1203	Старшій сынъ Іоритомо.
III.	— Санетамо	1203—1220	Второй сынъ Іоритомо.
IV.	Фудзи-Варано-Іоритсунѣ	1220—1224	Сынъ Квамкуко-Доока.
V.	— Іоритсугхѣ	1224—1252	Сынъ Іоритсунѣ.
VI.	Мунѣ-Така Синъ-во	1252—1266	Сынъ Микадо Го-Зага.
VII.	Корѣ-Іясу —	1266—1289	Сынъ Мунѣ-Така.
VIII.	Физа-Акира —	1289—1308	Сынъ Микадо.
IX.	Мори-Куни —	1308—1333	Сызнъ Физа.
X.	Мори-Іози —	1333—1335	2-й сынъ Данго, Микадо Юга.
XI.	Нари-Іози —	1335—1338	4-й сынъ — —
XII.	Минамото-Така-Удзи	1338—1358	Сынъ генерала Ази-Кага.
XIII.	— Іози-Нори, или Іяка	1358—1368	3-й сынъ Таѣа-Удзи.
XIV.	— Іози-Митсу	1368—1394	Сынъ предидущаго Сіогуна.
XV.	— Іози-Мотси	1394—1423	Сынъ предъидущаго.
XVI	— Іози-Кадцу	1423—1428	— —
XVII.	— Іози-Нори	1428—1442	Сынъ Іози-Митсу.
XVIII.	— Іози-Кадцу	1442—1445	Сынъ Іози-Нори.
. . . . .	. . . . .	1446—1449	(Междуцарствіе).
XIX.	Ази-Кала Іози-Масса	1449—1472	2-й сынъ Іози-Нори.
XX.	— Іози-Физа	1472—1491	Сынъ Масса.
XXI.	— Іози-Танѣ	1491—1494	Сынъ Физа.
XXII.	— Іози-Цуми	1494—1521	Сынъ Танѣ.
XXIII.	— Іози-Фару	1521—1547	Сынъ Цуми.
XXIV.	Минамото Іози-Тѣру	1547—1563	Сынъ Фару.
XXV.	— Іози-Таира	1563—1567	Сынъ Тѣру.
XXVI.	— Іози-Аки	1568—1573	Сынъ Таира.
XXVII.	Таирано Нобунанга	1573—1583	Сынъ Микадо.
XXVIII.	Фидѣ-Нобу	1583—1586	Сынъ Нобу-Тада.
XXIX.	Тоіодоми Фидѣ-Іози. *Таикосама*	1586—1591	Сынъ крестьянина.
XXX.	— Фидѣ-Тзугу	1591—1593	Племянникъ Тако, номинальное царствованіе, подъ регентствомъ Гіэйяса.
XXXI.	— Фидѣ-Іори	1593	Сынъ Таико; номинальное царств., подъ регенст. Гіэйяса.
XXXII.	Минамото но Йейясу. *Гонхензама* . . .	1593—1606	Глава династіи Токунгава.
XXXIII.	— Фидѣ-Тада	1606—1606	3-й сынъ Гіэйяса.
XXXIV.	— Ійеймитцу	1623—1650	Сынъ-Фидѣ-Тада.
XXXV.	— Ійетсуна	1650—1680	Сынъ Ійѣмитца.
XXXVI.	— Тсуна-Іози	1681—1709	— .
XXXVII.	— Ійе-Нобу	1709—1713	Сынъ Тсуны.
XXXVIII	— Ійе-Тзугу	1713—1716	Сынъ Нобу.
XXXIX.	— Іози-Мунѣ	1716—1745	Избранъ изъ Гозанке, отрасли Ксіу.

Хронологическій порядокъ.	Имена сіогуновъ		Годы царствованія.	Происхожденія и другія примѣчанія.
XL.	—	Ійѣ-Сигхе	1745—1762	—
XLI.	—	Ійе-Фару	1762—1787	—
XLII.	—	Ійе-Нори	1787—1838	—
XLIII.	—	Ійе-Йоши	1838—1854	Вѣроятно умерщвленъ, но подписаніе американского трактата.
XLIV.	—	Ійѣзада	1854—1858	Умираетъ бездѣтный, съ прибытіемъ англійс. посольства.
XLV.	—	Ійѣтотзи	1858—1866	Избранъ изъ Гозанкѣ, въ той же отрасли Ксіу. Умираетъ бездѣтный, на походѣ, въ Осакѣ.
XLVI.	Хи-Стотсбаши, князь Гозанкіо		1866—1868	Избранъ изъ Гозанкѣ, членомъ которыхъ сдѣлался путемъ усыновленія; отрасль Мито. Слагаетъ власть по волѣ микадо, который уничтожаетъ эту должность.

Слѣдовательно, 46 сіогуновъ управляли Японіею въ теченіи 683 лѣтъ, 1185 по 1868 безъ всякаго перерыва, кромѣ трехлѣтняго междуцарствія (1446—1449). 15 послѣднихъ сіогуновъ принадлежали къ фамиліи Токунгава.

Не лишнее прибавить одно замѣчаніе къ предшествующимъ таблицамъ.

Я знаю, что они не внѣ критики, но изъ различныхъ варіантовъ текстъ выбирался мною только по здравомъ размышленіи.

Притомъ же споръ можетъ касаться только частностей, но не въ состояніи опровергнуть достоинство документа вообще.

Такимъ образомъ, можно допустить толкованіе, нѣсколько различающееся отъ моего, именно о числѣ острововъ составляющихъ Японію, или о пространствѣ ихъ въ квадратныхъ миляхъ, но отъ того общее впечатлѣніе таблицы не пострадаетъ.

Точно также, въ настоящую минуту, не составляетъ особой важности разрѣшеніе вопроса, точно ли князь Сатсума король, или только вице-король острововъ Ліу-Кіу, то есть владѣетъ-ли онъ ими на неограниченномъ правѣ, или подъ верховною властью микадо. Въ первомъ случаѣ, архипелагъ острововъ Ліу-Кіу не принадлежитъ къ японской конфедераціи, какъ именно даетъ разумѣть самъ князь.

Феодальные династы Японіи стремятся захватить, каждый для себя, сколь возможно большую долю независимости.

Стремленіе это, замѣтное и въ древнія времена, получаетъ новую силу, вслѣдствіе того, что микадо, видимому, не намѣренъ возстановить должность сіогуна.

Все показываетъ какъ трудно будетъ японской конфедераціи образовать правительство прочное и соотвѣтствующее величію имперіи.

Но не отъ перемѣнъ политическаго режима слѣдуетъ ждать преобразованія японскаго общества. Надо, чтобы оно произошло въ средѣ самаго народа, начиная съ тѣхъ классовъ, которые находятся въ повседневныхъ сношеніяхъ съ торговлей Зап дн.

Если это предположеніе вѣрно, то понятно почему я придаю такую цѣну глубокому изученію буржуазіи, и почему я отвожу ей такое широкое мѣсто во второй части этого сочиненія.

ГЛАВА LXII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Наше время часто сравнивали съ пятнадцатымъ вѣкомъ, переходной эпохой, періодомъ великихъ изобрѣтеній, глубокой религіозной агитаціи и плодотворнаго вступленія на путь политическихъ и соціальныхъ реформъ.

Пятнадцатый вѣкъ ознаменовалъ себя открытіемъ новаго континента.

Соотвѣтственное событіе нашего вѣка есть открытіе новаго торговаго міра, который занимаетъ берега и архипелаги необозримаго бассейна Великаго океана.

Независимо отъ японскихъ портовъ, къ которымъ мы не возвратимся болѣе, всѣ перечисленные мною далѣе, или не существовали въ началѣ нашего столѣтія, или были закрыты для международныхъ сношеній.

На пути изъ Индѣйскаго океана въ Великій, островъ Сингапоръ служилъ убѣжищемъ двумъ или тремъ-стамъ бѣдныхъ рыбаковъ малакскаго берега: Англія основала здѣсь въ 1819 г. порто-франко, а въ настоящее время число жителей въ немъ доходитъ до ста тысячъ душъ всѣхъ расъ и націй.

При взглядѣ на восточные берега азіатскаго материка, мы встрѣчаемъ тутъ послѣдовательно портъ Бангкокъ, въ Сіамскомъ королевствѣ, недавно открытый для торговли, съ разрѣшенія обоихъ туземныхъ государей, доброжелательныхъ къ европейской цивилизаціи; потомъ портъ Сайгонъ, въ военныхъ владѣніяхъ Франціи въ Кохинхинѣ.

Островъ Гонгконгъ, пріобрѣтенный англичанами въ 1842 г., получилъ отъ своихъ новыхъ обладателей порто-франко, сдѣлавшійся однимъ изъ значительнѣйшихъ торговыхъ складовъ и главнѣйшимъ мѣстопребываніемъ христіанскихъ миссій на крайнемъ Востокѣ.

Недалеко отсюда—Макао, прежній португальскій городъ, Манилла, Замбоанго, Илоило и Суаль, на Филиппинскихъ островахъ, принадлежащихъ Испаніи, томятся еще подъ отжившимъ господствомъ протекціонизма.

Напротивъ, вдоль китайскихъ береговъ, насчитываютъ, по крайней мѣрѣ, осьмнадцать портовъ, которые быстро развиваются подъ животворнымъ вліяніемъ полнѣйшей свободы торговли; въ числѣ ихъ есть такіе, какъ Нанкинъ и Кантонъ, второй и третій городъ имперіи; Тіентзинъ, служащій портомъ для Пекина, великой татарской столицы, и Шангхай, обороты котораго достигли уже милльярда въ годъ.

Русскія поселенія на сѣверѣ Китая, особенно Николаевскъ, обнаруживаютъ, что въ помыслахъ правительства кроется другая цѣль, чѣмъ торговые интересы. Они служатъ прологомъ къ новой главѣ въ исторіи развитія московской державы.

Россія протягиваетъ чрезъ Тихій океанъ руку Соединеннымъ-Штатамъ, оставляя имъ въ знакъ дружбы территорію, принадлежавшую ей на континентѣ, котораго полное присоединеніе великая республика не перестанетъ домогаться.

Въ этомъ именно направленіи, на западныхъ берегахъ Сѣверной Америки, я прозрѣваю открытіе торговой будущности обоихъ міровъ.

Несмотря на то, бросимъ бѣглый взглядъ на богатые архипелаги Гаваи и южныхъ морей.

Первый вѣчно останется этапомъ, морской станціей, но станціей, не имѣющей у себя соперниковъ.

У послѣднихъ свобода торговли не имѣла еще случая выказать благодѣтельныхъ своихъ послѣдствій. Политика обособленія, изъ которой Голландія съумѣла извлечь такія выгоды въ отношеніи эксплоатаціи своихъ колоній, рано или поздно, можетъ сдѣлаться для нея гибельною.

Пруссія ищетъ теперь колоній, способныхъ дать сильный толчекъ ея рождающемуся флоту. Она можетъ ихъ найдти по близости нидерландской Индіи. Послѣдняя не въ состояніи будетъ придерживаться застоя въ виду колоніальнаго развитія Сѣверной Америки. Притомъ же она видитъ какъ

растетъ, въ сосѣдствѣ ея, не по днямъ, а по часамъ, новый континентъ, составляющій часть британскихъ владѣній. Благосостояніе Австраліи съ ея превосходными европейскими городами—Аделаидой, Мельбурномъ, Сиднеемъ, не имѣетъ за собою и двадцати лѣтъ, а окончательное покореніе Новой Зеландіи Англіею совершилось чуть не вчера.

Въ близкомъ будущемъ образуется въ южныхъ странахъ Великаго океана родъ британской Европы. Она простретъ свое вліяніе на испанскую Америку до самаго Панамскаго перешейка.

Все, что сверху будетъ тяготѣть къ орбитѣ царицы Тихаго океана. Санъ-Франциско, еще въ 1848 г. существовавшій только по имени, притягиваетъ теперь къ себѣ Мексику, англійскую Колумбію, Китай и Японію.

Этотъ изумительный городъ сдѣлается узломъ электрической сѣти обоихъ полушарій. Онъ можетъ сообщаться съ Европой или по телеграфу американскаго Союза и транзатлантическому каналу или по линіи, идущей чрезъ Колумбію, Курильскіе острова и Сибирь.

Съ окончаніемъ желѣзной дороги Тихаго океана, европейская почта въ Китай по необходимости будетъ идти чрезъ Нью-Іоркъ и Санъ-Франциско. Еще нѣсколько лѣтъ—и центръ торговли міра перемѣстится. Нью-Іоркъ убьетъ Лондонъ.

Британскій геній побуждается со всѣхъ сторонъ къ самымъ гигантскимъ усиліямъ. Прорытіе Суэцкаго перешейка, успѣхъ Россіи въ средней Азіи, отклоненіе торговыхъ дѣлъ съ Китаемъ по направленію американской линіи, принудятъ съ своей стороны Англію соединиться желѣзнымъ путемъ съ желѣзнодорожной сѣтью Индіи и продолжить его къ Авѣ, чтобы посредствомъ рельсовъ, достигнуть китайскаго рынка.

Счастливая конкуренція, благородное соперничество англо-саксонскихъ народовъ, заставляющее ихъ умножать точки соприкосновенія съ колоссальною Китайскою имперіею, кончится тѣмъ, что поднимете ее, говоря фигуральнымъ языкомъ, съ основанія и укажетъ ей мѣсто въ мірѣ будущаго.

Этотъ новый міръ, подготовляющійся далеко отъ нашей старой Европы, будетъ самымъ плодотворнымъ, самымъ богатымъ неожиданными и неисчислимыми послѣдствіями, дѣломъ вѣка.

Главными дѣятелями его суждено, какъ кажется, быть народамъ Англіи, Америки и Сѣверной Германіи.

Франція, по самому свойству своему, могла бы превосходно восполнить этотъ союзъ, именно внося драгоцѣнныя начала успѣха въ сношеніяхъ западныхъ народовъ съ племенами крайняго Востока. У нея есть на это чутье и она дала уже честное направленіе своимъ стремленіямъ, предпринявъ обширные планы. Достаточно указать на расширеніе морскихъ рейсовъ компаніи *Messageries Impériales* по линіямъ Индо-Китая и Японіи, и на учрежденіе агентствъ дисконтнаго Банка въ самыхъ значительныхъ городахъ этихъ отдаленныхъ странъ.

Чтобы занять принадлежащее ей мѣсто въ совершающемся громадномъ преобразованіи торговли ей слѣдовало бы секуляризировать разомъ и свою внѣшнюю политику и систему своего общественнаго воспитанія.

Протестантскія націи берутъ верхъ тѣмъ, что у нихъ во всякомъ дѣлѣ развязаны руки; ихъ школы такъ организованы, что въ состояніи выпускать людей индивидуальной инціативы и давать имъ приложимыя познанія въ языкахъ и новѣйшихъ наукахъ, которыя понадобятся въ ихъ дѣятельной карьерѣ; наконецъ служителямъ религіи у нихъ ввѣряется только исключительно религіозное воспитаніе.

При подобномъ порядкѣ вещей, простой здравый смыслъ показываетъ, что Франція, въ политическомъ и торговомъ отношеніи, отодвигаетъ сама себя на заднее мѣсто, если въ видахъ поддержанія роли своей, какъ католической державы, принуждена подчинять свои національные интересы свѣтскимъ интересамъ клерикальнаго двора; если она считаетъ священнымъ долгомъ ввѣрять воспитаніе молодыхъ поколѣній Церкви или принадлежащимъ въ ней братствомъ, если, однимъ словомъ она не иначе можетъ оставаться католическою какъ слѣдуя отъ A до Z католицизму *Syllabus'a*.

Время не ждетъ, и народы латинской расы опаздываютъ, запутавшись въ духовныхъ преданіяхъ, между тѣмъ какъ свободные отъ этихъ оковъ народы англо-германской расы опережаютъ ихъ и берутъ надъ ними верхъ, захвативъ въ свои руки и развивая въ собственную пользу воистину славное латинское преданіе, преданіе Галилеевъ, Васко-де-Гамы и Христофоровъ Колумбовъ.

Принципъ секуляризаціи политическихъ обществъ проявляется такой настоятельной потребностью въ условіяхъ нашей демократической и индивидуализующей цивилизаціи, что ни одинъ на

родъ не въ силахъ избѣжать его послѣдствій, даже послѣдній изъ послѣднихъ, даже самый чуждый нашей исторіи.

Великое событіе помѣшало японскому народу, особливо буржуазіи Іедо, впасть въ то состояніе застоя, въ которое погружены были народы Небесной имперіи до прихода европейцевъ: узурпація свѣтской власти, совершенная Гіяясомъ въ ущербъ микадо, разбила однообразіе и разрушила пресѣкъ теократическаго деспотизма. Со времени такой относительной эманципаціи, умы получили толчокъ, послѣдствія котораго выяснятся лишь при окончаніи теперешнихъ смутъ.

Тутъ представляется вопросъ первостепенной важности: не будутъ ли японцы, въ качествѣ способныхъ работниковъ, только мастеровыми, или самое большее — подмастерьями своихъ западныхъ гостей? Предоставятъ ли они послѣднимъ, на неопредѣленное время, эксплоатацію паровыхъ навигаціонныхъ путей, окружающихъ Японію, желѣзныхъ дорогъ, которыя ее пересѣкутъ, и рудниковъ, которые здѣсь откроются? Допустятъ-ли они иностранцевъ захватить въ свои руки всѣ промыслы, имѣющіе приложеніе къ пару и механическимъ пріемамъ: фабрикацію камфоры и растительнаго воска, приготовленіе чая и рыбьяго жира, пряденіе и тканіе шелка и хлопка?

Если будущность Японіи въ промышленности, то будущее промышленности — въ свободѣ!

Между теперешней Японіей и свободой лежитъ цѣлая пропасть!

Можно копировать предметы искусства, поддѣлывать промышленные продукты, но свободу не поддѣлаешь, и для обладанія ею, надобно подняться на ея высоту. Кой-какія познанія тутъ недостаточны: для этого необходимо цѣльное воспитаніе, внутренее преобразованіе, новая жизнь ума и сердца.

Японцы обладаютъ благороднымъ честолюбіемъ соперничества съ націями, управляющими въ наше время морями и дѣлами цѣлаго свѣта. Безъ сомнѣнія, они могутъ успѣть въ этомъ, но при томъ условіи, чтобы внести равныя силы въ ассоціацію; но поймутъ ли они, что необходимыя для этого силы слѣдуетъ черпать въ источникѣ, питающемъ ежедневно христіанскую цивилизацію?

Повидимому, нѣкоторые признаки заставляютъ дать на это утвердительный отвѣтъ.

Старый князь Этзиценъ, исполнявшій должность опекуна тайкуна послѣ убійства Регента, писалъ въ 1864 году: «Отчего Японія стала бы отказываться отъ общенія съ иностранными народами, даже въ дѣлѣ религіи? Если она найдетъ необходимымъ сдѣлать это, значитъ, сознаетъ, что стоитъ на низшей степени въ сравненіи съ другими народами».

Подобное дѣло ассимиляціи представляетъ, правду сказать, затрудненія совершенно исключительныя *).

Напримѣръ, возникнетъ ли вопросъ о переводѣ части евангелія на японскій языкъ, какія буквы рѣшатся выбрать? Если писать буквами гиракана, это будетъ почти тоже что издать во Франціи библію на простонародномъ языкѣ; если употреблять катакана то масса народа ничего не пойметъ.

Съ тѣхъ поръ какъ японское правительство открыло въ главныхъ городахъ школы иностранныхъ языковъ, гдѣ туземные ученики употребляютъ тѣже руководства, какія приняты въ американскихъ школахъ, мнѣ кажется, что недалека уже та минута, когда миссіонеры, обыкновенно управляющіе этими заведеніями, могутъ сдѣлать опытъ реформы, безъ которой народы Китая и Японіи, чтобы тамъ ни дѣлали, никогда не станутъ въ уровень съ нами: я разумѣю реформу въ системѣ письма.

Можно предвидѣть, что съ вѣками міръ придетъ не къ единству языка, но къ однообразію письма, также какъ къ международному однообразію монеты, вѣса и мѣры.

Капитальные труды Лепсіуса не разрѣшили еще всѣхъ задачъ по вопросу о всемірной азбукѣ.

Не вдаваясь въ особыя крайности, нельзя ли предположить осуществленіе сино-японской или просто японской азбуки, конечно, римскими буквами, такъ какъ въ Германіи, гдѣ въ настоящее время начинаютъ уже замѣнять ими старинныя готическія національныя письмена?

При такомъ условіи, японскій языкъ, чрезвычайно легкій для разговора, возьметъ труда не болѣе какъ и изученіе итальянскаго языка; между тѣмъ какъ теперь изученіе его, чтобы читать и писать, представляетъ безконечную работу.

Время уже освободить населенія крайняго Востока отъ порядка вещей, при которомъ вся жизнь ученыхъ убивается на изученіе условныхъ формъ и знаковъ. Время открыть имъ дорогу для легкихъ и пріятныхъ международныхъ сношеній, подобныхъ тѣмъ, какія установились для народовъ Запада. Время, наконецъ, доставить имъ средство создать себѣ психологію, логику, алгебру, философію исто-

*) См. прибавленіе къ превосходному труду К. Ф. Неймана о современной исторіи крайняго Востока *Ost-asiatich Geschite.*

рію, дѣйствительно народную литературу, доступную всѣмъ, и религію, которая бы научила ихъ поклоняться духомъ и истиною.

Въ Японіи въ особенности, перемѣна правительственнаго направленія, такое неожиданное обстоятельство, какимъ должна воспользоваться всякая осмысленная политика.

Наша цивилизація удостоивается теперь одобренія микадо. Теократическій императоръ протестовавшій противъ заключенныхъ тайкуномъ трактатовъ, беретъ въ настоящее время защиту ихъ на себя. Внукъ Солнца, повелѣвавшій изгнаніе иностранцевъ, вводитъ ихъ въ новые порты, открытіе которыхъ тайкунъ откладывалъ съ году на годъ. Государь, нѣкогда невидимый для собственныхъ подданныхъ, даетъ аудіенцію представителямъ державъ, вступившихъ въ сношенія съ его имперіей. Первосвященникъ, который не могъ выходить изъ своего святаго города Кіото, переселяется на болѣе или менѣе продолжительное время въ резиденцію послѣднихъ сіогуновъ, среди буржуазіи Іеддо.

Ясно, что древняя Японія боговъ, полубоговъ и ихъ преемниковъ не существуетъ болѣе и не возродится.

Ея древній военный феодализмъ, освобожденный отъ торговой монополіи, присвоенной было тайкуномъ въ свою пользу, стремится къ преобразованію въ торговую аристократію. Если потомки ками при помощи торговли, обратятся въ проводниковъ западной цивилизаціи въ собственныхъ владѣніяхъ, кто тогда останется поддерживать, или, скорѣе, реставрировать вымыслы старинной имперіи?

Но каково бы ни было политическое положеніе его, отнынѣ японскій народъ нераздѣльная часть и дѣятельный членъ великой семьи народовъ, олицетворяющихъ гуманитарный прогрессъ, и какой бы титулъ ни носилъ его государь, онъ не въ состояніи будетъ занять иного положенія чѣмъ то, какое занялъ бы тайкунъ, еслибъ съумѣлъ стать на высоту обстоятельствъ, на которую повидимому призывало его совершеніе великаго событія—заключеніе трактатовъ 1858 года,—то есть положенія свѣтскаго и конституціоннаго главы аристократической конфедераціи.

Возвращеніе тайкуна въ столицу, послѣ поѣздки его въ Кіото въ 1863 г., доставило одному іедскому художнику сюжетъ картины, истолкованіе которой не можетъ быть сомнительно. Она сохраняетъ свое достоинство и при новомъ порядкѣ вещей.

Художникъ съ любовью изображаетъ торжественный видъ парохода, несущаго на себѣ главу государства. Красивый Lyemoon разсѣкаетъ на всѣхъ парахъ, сколько можно судить по дыму, который поднимается изъ обѣихъ трубъ, волны глубокаго моря. Чины экипажа находятся всѣ на своихъ мѣстахъ и управляютъ съ полнымъ знаніемъ дѣла. Суда, примѣтныя вдали, не внушаютъ ни малѣйшаго опасенія, потому что, хотя и не принадлежатъ къ японской эскадрѣ, но составляютъ часть союзнаго флота западныхъ державъ, съ которыми тайкунъ находится въ дружественныхъ отношеніяхъ.

«Гряди же съ миромъ!»—какъ бы говоритъ художникъ своему государю. «Продолжай свой путь и свое дѣло цивилизаціи; соперничай съ Западомъ и дѣлись съ нами его наукою и промышленностью. Тебѣ нечего бояться отжившей власти, продолжающей существовать въ дряхломъ Міако. Ками, бывшія славою древней Японіи, простираютъ свою мощную руку надъ этимъ судномъ, нѣкогда иностраннымъ,—этимъ чуднымъ твореніемъ новѣйшаго генія, который вселяется понемногу и между нами. Достославный защитникъ нашихъ земель, родины риса, Инари Даиміоджинъ, привѣтствуетъ зорю новой національной эры и посылаетъ бѣлыхъ лисицъ, своихъ хитрыхъ и осторожныхъ слугъ, вымести небесными кропилами всякое зло, какое станетъ на твоемъ пути. Всѣ боги древняго Ниппона, всѣ герои его преданій, готовы служить тебѣ и сопутствовать съ высоты неба, дабы почтить и благословить твое возвращеніе въ новую столицу имперіи».

Въ самомъ дѣлѣ, художникъ показываетъ вамъ, по лѣвую сторону Инари, среди облаковъ, неусыпнаго стража небесныхъ воротъ—Конпиру, пропускающаго группу геніевъ покровителей, которые несутся надъ пароходомъ тайкуна, имѣя на головѣ національный уборъ, похожій на небольшую митру, украшенный снурами. Между ними можно различить Катори и Кашима, распространившихъ славу и могущество внуковъ солнца до Іебиса—страны Трака, на сѣверъ отъ древней имперіи осьми великихъ острововъ. Ихъ сопровождаетъ достойный сынъ героини Цингу, знаменитой императрицы завоевавшей Корею: то покровитель храбрыхъ Гатчиманъ, который и на небесахъ не разлучился съ своимъ конемъ и военнымъ опахаломъ. Въ самыхъ славныхъ городахъ имперіи ему воздаются божескія почести, и храмы его соперничаютъ съ главнѣйшими зданіями религіи Будды. За нимъ слѣдуетъ Законмеи, укротитель чертей: онъ считается защитникомъ юношей и является любимымъ идоломъ народныхъ праздниковъ. Наконецъ, тутъ же находится богъ, который хотя вышелъ изъ Индіи,

но тѣмъ не менѣе занялъ почетное мѣсто въ Ниппонскомъ пантеонѣ, это—греческій Арей, римскій Марсъ, японскій Маризитенъ, богъ сраженій. Верхомъ на дикомъ кабанѣ, несущемся во весь опоръ онъ, кажется, готовъ сразить всякаго, кто осмѣлится напасть на его теперешняго любимца. Именно, не такъ давно случилось нѣчто совершенно подобное, какъ бы въ подтвержденіе приведеннаго нами истолкованія картины.

Одинъ изъ могущественнѣйшихъ феодальныхъ владѣтелей Японіи, князь Ногато, покусился возстановить прежнее теократическое всемогущество микадо, и тотчасъ же тайкунъ, которому грозила опасность, двинулся быстро, во главѣ сухопутныхъ и морскихъ силъ своихъ, на мѣсто возмущенія.

Какъ бы ни былъ продолжителенъ кризисъ, переживаемый теперь Японіею, но можно предвидѣть, что онъ окончится совершеннымъ преобразованіемъ этой имперіи въ чистую монархію, избавленную отъ всякаго церковнаго суверенитета.

КАРТА
ЯПОНСКОЙ ИМПЕРІИ
1/9,100,000
225 Верстъ въ дюймѣ.
200 100 500 0 200 Верстъ
КИТАЙ
РОССІЯ
КОРЕЯ
ЯПОНСКОЕ МОРЕ
САХАЛИНЪ
ІЕСО
ХАКОДАТЕ
МАТСМАЙ
ОНАМЕУ
НІАГАТА
ТОКСАМА
КАНАЗАКА
ІЕДО
СІРУГА
МІЯКО
ОХОСАКА
ІНА
КАРОСИМА
Фатсисіо
150
155
160
45
40
35

КАТАЛОГЪ
ИЗДАНІЙ
КАРТОГРАФИЧЕСКАГО ЗАВЕДЕНІЯ
А. ИЛЬИНА,

НА УГЛУ ЕКАТЕРИНГОФСКАГО ПРОСПЕКТА И БОЛЬШОЙ МАСТЕРСКОЙ УЛ., Д. Г-ЖИ ИЛЬИНОЙ, № 11—43.

А. Учебные Атласы и Карты.

1. Атласъ пяти частей свѣта, на 8-ми листахъ большаго формата, въ листахъ 2 р., наклейка 50 к., пересылка 50 к.
2. Атласъ, наклеенный на коленкорѣ, въ футлярѣ 4 р. 50 к., пересылка 50 к.
3. Отдѣльно Полушарія, въ листахъ 30 к., накл. 20 к., перес. 20 к.
4. » Европа, въ лист. 40 к., накл. 20 к., перес. 20 к.
5. » Азія, въ лист. 30 к., накл. 20 к., перес. 20 к.
6. » Африка, въ лист. 30 к., накл. 20 к., перес. 20 к.
7. » Сѣв. Америка, въ лист. 30 к., накл. 20 к., перес. 20 к.
8. » Южн. Америка, въ лист. 30 к., накл. 20 к., перес. 20 к.
9. » Австралія, въ лист. 30 к., накл. 20 к., перес. 20 к.
10. Учебная Карта Европейской Россіи, въ лист. 30 к., накл. 20 к., перес. 20 к.
11. Учебный Географич. Атласъ для духовныхъ училищъ, въ лист. 1 р., перепл. 30 к., перес. 20 к.
12. » » » » полн. гимназич. курса, въ лист. 1 р. 25 к., перепл. 35 к., перес. 20 к.
13. » » » » перв. класс. гимназій, въ лист. 50 к., перепл. 30 к., перес. 20 к.
14. » » » » Географіи Россіи, въ лист. 50 к., перепл. 30 к., перес. 20 к.
15. Учебный Атласъ Русской Исторіи А. Добрякова, въ лист. 60 к., перепл. 30 к., перес. 20 к.
16. Подробный Учебный Атласъ Россійской Имперіи, 14 картъ, цѣна 2 р., перепл. 35 к., перес. 20 к.
17. Учебная Карта Европейской Россіи, въ лист. 15 к., накл. 20 к., перес. 10 к.
18. » » Азіатской Россіи, въ лист. 15 к., накл. 20 к., перес. 10 к.
19. Этнографическая Карта Европейской Россіи, въ лист. 15 к., накл. 20 к., перес. 10 к.
20. Карта Промышленности, Европейской Россіи, въ лист. 15 к., накл. 20 к., перес. 10 к.
21. Стѣнная учебная Карта Палестины, въ лист. 50 к., накл. 50 к., перес. 30 к.

В. Спеціальныя Карты и Атласы.

22 и 23. Атласъ Фабрично-Заводской Промышл., Тимирязева, вып. I и вып. II, въ лист. по 1 р. 50 к., накл. 50 к., пер. 50 к.
24. Карта Телеграфная Россійской Имперіи, 4 лис. б. ф., въ лист. 2 р. 50 к., накл. 1 р. 90 к., перес. 50 к.
25. Настольная Карта Всей Россійской Имперіи 3 листа, въ лист. 2 р., перепл. 1 р. 50 к., перес. 50 к.
26. Отдѣльно Европейская Россія, 2 листа, въ лист. 1 р. 20 к., накл. 1 р., перес. 30 к.
27. » » Азіатская Россія, 1 листъ, въ лист. 80 к., накл. 70 к., перес. 30 к.
28. Карта Желѣзныхъ дорогъ Россійской Имперіи, 2 л., въ лист. 1 р. 20 к., накл. 1 р., перес. 30 к.
29. » Новыхъ Средне-Азіятскихъ областей, въ лист. 80 к., накл. 70 к., перес. 40 к.
30. » Велик. Княжества Финляндскаго, 2 листа, въ лист. 80 к., накл. 70 к., перес. 40 к.
31. » Амурскаго Края, въ лист. 75 к., накл. 75 к., перес. 40 к.
32. » Привислянскихъ губерній, въ лист. 80 к., накл. 70 к., перес. 40 к.
33. » Кавказскаго Края, на 2 лист., въ лист. 1 р., накл. 1 р., перес. 50 к.
34. » Туркестанскаго Генералъ-Губернаторства, 2 листа, въ лист. 1 р. 50 к., накл. 1 р., перес. 50 к.
35. » Желѣзныхъ дорогъ Европы, въ лист. 80 к., накл. 70 к., перес. 40 к.
36. » Африки по Петерману, въ лист. 1 р., накл. 60 к., перес. 40 к.
37. Военно-Историч. Атласъ Полтаратскаго войны 1812—15 гг., въ лист. 15 р., перепл. 3 р., перес. 2 р.
38. Планъ С.-Петербурга Мусницкаго, 4 хромолит. листа, въ лист. 3 р., накл. 1 р. 50 к., перес. 50 к.
39. » » » » черный, въ лист. 2 р., накл. 1 р. 50 к., перес. 50 к.
40. Подробный Атласъ Россійской Имперіи, 5 выпусковъ за каждый, въ лист. 4 р., перил. 1 р., перес. 1 р.
41. Карта Театра войны во Франціи, цѣна 1 р., наклеенный 1 р. 25 к., перес. 50 к.

Карты губерній и областей Россійской Имперіи.

42 по 93. Архангельской, Астраханской, Бессарабской, Виленской, Витебской, Владимірской, Вологодской, Волынской, Воронежской, Вятской, Гродненской, Донскаго войска земли, Екатеринославской, Казанской, Калужской, Кіевской, Ковенской, Костромской, Курляндской, Курской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Пермской, Подольской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Самарской, С.-Петербургской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Томской, Тульской, Уфимской, Уральскаго войска земли, Харьковской, Херсонской, Черниговской, Эстляндской и Ярославской, каждая карта, въ лист. 40 к., накл. 30 к., перес. 20 к.
94. Путеводитель по Желѣзнымъ дорогамъ Россіи, въ лист. 30 к., перес. 10 к.

С. Художественныя изданія.

95. Альбомъ Царскосельскаго Арсенала, 10 выпусковъ, роскошное хромолит. изданіе, въ лист. 65 р., перес. 10 р.
96. Альбомъ Тарасъ Бульба, въ портфелѣ, въ лист. 30 р., перес. 3 р.
97. Этюды съ натуры Академика Шишкина, въ лист. 1 р. 50 к., перепл. 1 р., перес. 50 к.
98. Портретъ Тайнаго Совѣтника Н. А. Милютина, въ лист. 50 к., перес. 50 к.
99. Альбомъ Сельско-хозяйственныхъ построекъ, въ лист. 5 р., перепл. 75 к., перес. 50 к.
100. Школа Рисованія М. Казаль, въ лист. 18 р., перепл. 2 р., перес. 2 р.
101. Отдѣльные выпуски школы, за каждый вып., въ лист. 6 р., перепл. 1 р., перес. 1 р.
102. Образъ Христа Спасителя, 20 красками, въ лист. 30 к., накл. 20 к., перес. 40 к.
103. Живописное обозрѣніе, 1 томъ, въ лист. 2 р. 50 к., перепл. 50 к., перес. 50 к.

ПРИГОТОВЛЯЮТСЯ КЪ ПЕЧАТИ.

1. Стѣнныя учебныя карты всего Земнаго Шара, частей свѣта и Россійской Имперіи.
2. Карты губ. и областей Тобольской, Забайкальской, Енисейской, Иркутской, Якутской, Приморской и Амурской.
3. Альбомъ въ память столѣтія Военнаго Ордена.

ПРИМѢЧАНІЕ. Книгопродавцы, учебныя заведенія и правительственные мѣста пользуются 20% уступки съ пересылкою на счетъ заведенія, кромѣ переплета и наклейки, на чемъ уступки не можетъ быть сдѣлано. Подписчики на журналъ Всемірный Путешественникъ пользуются уступкою 10%.

ИЗДАНІЯ
РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «ВСЕМІРНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ»
ПРИ
КАРТОГРАФИЧЕСКОМЪ ЗАВЕДЕНІИ А. ИЛЬИНА,

на углу Екатерингофскаго проспекта и Большой Мастерской улицы, д. г-жи Ильиной, № 11—43.

I. ЖУРНАЛЪ

Всемірный Путешественникъ. Еженедѣльный журналъ, выходящій съ 1867-го года по воскресеньямъ; каждый выпускъ, объемомъ въ листъ двойнаго формата веленевой бумаги, заключаетъ въ себѣ кромѣ текста, отъ 5 до 8 рисунковъ, сдѣланныхъ лучшими французскими художниками. Все годовое изданіе состоитъ изъ 50 выпусковъ и 300 или 400 рисунковъ. Цѣль журнала знакомить публику со всѣми сколько нибудь замѣчательными и интересными путешествіями, совершающимися въ послѣднее время во всѣ части земнаго шара. Изданіе это одинаково удовлетворяетъ какъ всякаго образованнаго человѣка, желающаго слѣдить за всѣми новѣйшими открытіями по части географіи, статистики и этнографіи, такъ и взрослаго юношу, который легко заинтересовывается при чтеніи описаній отдаленныхъ земель, образа жизни жителей, ихъ религіозныхъ вѣрованій, нравовъ, обычаевъ и проч.

Значительный четырехлѣтній успѣхъ этаго изящнаго и роскошнаго изданія даетъ возможность редакціи, кромѣ картъ, необходимыхъ при чтеніи текста, давать своимъ подписчикамъ богатыя даровыя преміи, состоящія изъ большихъ картъ.

Кромѣ того, подписчики на журналъ пользуются правомъ полученія всѣхъ литературныхъ изданій редакціи и всѣхъ изданій картографическаго заведенія со скидкою 10% противъ объявленной продажной цѣны.

Цѣна журналу, со всѣми приложеніями 10 р. безъ пересылки и доставки и 13 р. съ перес. и доставкою; въ роскошномъ же переплетѣ на 1 р. дороже.—За 1867, 1868 и 1869 годы та же цѣна.

II. РОСКОШНЫЯ ПОПУЛЯРНЫЯ ИЗДАНІЯ.

1. Жизнь Насѣкомыхъ. Составлено Луи Фигье. 546 страницъ текста и 602 прекрасно исполненныхъ рисунка. Сочиненіе это, пользующееся большимъ успѣхомъ у насъ и за границею, заключаетъ въ себѣ популярное описаніе строенія тѣла насѣкомыхъ, превращеній ихъ, нравовъ и образа жизни, а также вреда и пользы, приносимыхъ ими человѣку. Удачное соединеніе популярнаго и интереснаго изложенія предмета съ научными данными, добытыми учеными наблюденіями и розысканіями, дѣлаетъ книгу эту любопытною и полезною для всякаго человѣка, желающаго познакомиться съ предметомъ не въ сухой формѣ изложенія, а въ видѣ интереснаго и занимательнаго разсказа, сопровождаемаго массою пояснительныхъ рисунковъ, роскошно исполненныхъ. Цѣна 4 р. безъ пересылки и 4 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Жизнь Растеній. Того же автора. 488 страницъ текста и 416 рисунковъ, исполненныхъ за границею художникомъ Фагэ. Сочиненіе это имѣетъ всѣ достоинства предыдущаго, а рисунки такъ же изящны и роскошны. Цѣна 4 р. безъ пересылки и 4 р. 50 к. съ пересылкою.

III. ДѢТСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Имѣя огромный запасъ рисунковъ по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній и въ особенности по части путешествій и естествознанія, редакція рѣшилась издавать дѣтскія книги съ цѣлью—дать порядочный матеріялъ для чтенія въ томъ возрастѣ, когда всѣ внѣшнія впечатлѣнія бываютъ особенно живы и когда всякое полезное знаніе, съ искусствомъ и интересомъ изложенное, какъ бы серьезно оно ни было, легко усвоивается. Съ этою цѣлью редакція журнала «Всемірный Путешественникъ», предположила издавать не дѣтскія сказки, а исключительно одинъ только полезныя книги, касающіяся положительной стороны дѣтскаго образованія. Не желая стѣснять ни себя, ни публику подпискою на это изданіе—что повлекло бы за собою срочность выпусковъ и недостатокъ времени для порядочнаго выбора—редакція издаетъ подъ общимъ названіемъ **Дѣтской Библіотеки** отдѣльныя книжки, изъ которыхъ каждая составляетъ совершенно особый томъ, ничѣмъ не связанный съ другими. Въ настоящее время изданы **два** тома, заключающіе въ себѣ:

1. Путешествіе Беккера и его жены во внутреннюю Африку. Съ 13 рисунками. Цѣна 1 р. безъ пересылки и 1 р. 25 к. съ пересылкою.

2. Наши враги и друзья въ мірѣ насѣкомыхъ. Описаніе жизни, нравовъ и построекъ насѣкомыхъ, а также пользы и вреда приносимыхъ ими человѣку. Съ 107 прекрасными рисунками. Цѣна 1 р. 25 к. безъ пересылки и 1 р. 50 к. съ пересылкою.

IV. ОТДѢЛЬНЫЯ ИЗДАНІЯ.

1. Живописное Путешествіе въ Японію. Эме Гюмбера, посланника Швейцаріи. Рисунки исполнены лучшими художниками въ Парижѣ.
Цѣна 4 р. безъ пересылки и 5 р. съ пересылкою; за роскошный переплетъ прибавляется 1 рубль.

2. Исторія Новѣйшаго Времени отъ Вѣнскаго конгресса до Парижскаго мира (1815—1856) д-ра Фридриха Лоренца. Съ приложеніями и дополненіями о царствованіи Николая Павловича, и о славянскихъ дѣлахъ въ Австріи. Издано подъ редакціею В. В. Маркова. 565 страницъ текста и 58 страницъ предисловія. Сочиненіе это ничего не имѣетъ общаго съ бывшимъ въ Россіи изданіемъ прежняго времени того же автора. Настоящее изданіе сдѣлано безъ предварительной цензуры и втрое полнѣе прежняго изданія по объему и, разумѣется, гораздо богаче по внутреннему содержанію. Цѣна 3 р. 50 к. безъ пересылки.

Подписчики на журналъ пользуются 10% уступки.

Всѣ означенныя здѣсь изданія кромѣ редакціи можно получать во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга, Москвы, Кіева, Одессы и Варшавы.